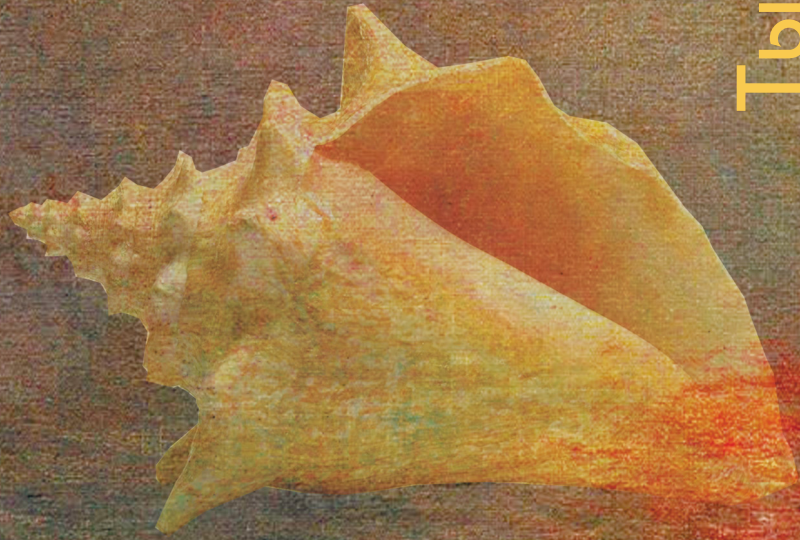

Литературно – художественный альманах

№

9

Ты слышишь ли меня?

ТЫ СЛЫШИШЬ ЛИ МЕНЯ?

Литературно-художественный альманах
Выпуск 9

Кострома
КГУ
2025

УДК 882-3(471.317)

ББК 84-445(2Р344)

Т 93

*Альманах издан Костромским региональным
представительством Союза российских писателей
при поддержке Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

Т 93 **Ты слышишь ли меня?** : литературно-художественный альманах / ред. и сост. В. С. Елманов. – Вып. 9. – Кострома : Костромской государственной университет, 2025. – 330 с.

ISBN 978-5-8285-1331-4

В девятом номере альманаха читатель познакомится с прозой Виктора Сбитнева, Анастасии Астафьевой, Виктора Акатова, Елены Салмовой, Александра Морозова, поэзией Ларисы Сбитневой, Марии Чапыгиной, поэзией и прозой Владимира Зайцева, Нины Веселовой, драматургией Виктора Елманова, статьями Виктора Сбитнева, Андрея Зленко и Павла Романца.

Для широкого круга читателей.

УДК 882-3(471.317)

ББК 84-445(2Р344)

18+

ISBN 978-5-8285-1331-4

© Костромское региональное представительство Союза российских писателей, 2025
© Елманов В. С., составление, 2025
© Оформление. Костромской государственной университет, 2025

ПРОЗА

Анастасия АСТАФЬЕВА

НА УЗЕНЬКОЙ ТРОПОЧКЕ

– Ну, давайте последний разок, и по домам! – скомандовала Шура и развернула баян, повела мелодию.

Хор, состоящий в основном из пожилых женщин, запел:

На тропе, на тропе, что луной запорошена,

Мы с тобой, мы с тобой распрощались давно.

Что ж ты хо.., что ж ты ходишь за мною, хороший мой,

Что ж ты снова стучишься в окно?

Тесный зал деревенского клуба заполнила грустная красивая песня. Взоры певиц затуманились, повлажнели. Шура чувствовала, как снова и снова сжимается в её груди сердце, как окатывает его горячей волной. И от истовости чувств она широко, с силой растягивала мехи баяна.

На тропе, на тропе, что луной запорошена,

Были встре.., были встречи у нас горячи.

Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой,

И в окошко моё не стучи.

Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой,

И в окошко моё не стучи...

Песня смолкла. Затих баян. Женщины осторожно стали спускаться по крутой лесенке со сцены.

– Не забываем: в пятницу – концерт! – напутствовала хористок Шура. – Придите, пожалуйста, заранее. Распоёмся. И в текст загляните в эти дни! Не на огороде сидите, а повторите лишний раз слова, чтобы потом не спотыкаться.

Она наклонилась, подняла с пола футляр от баяна, поставила его на стул и стала убирать инструмент. Взгляд её скользнул по дверному проёму, и по спине, к ногам потекли ледяные мурашки.

В дверях, подперев широченным плечом косяк, стоял Стас Соколов. Он смотрел на неё прищуренно, с усмешкой, пожевывая и перекатывая в крепких белых зубах спичку. Рубаха на его мохнатой груди была расстёгнута едва ли не до пупа, рукава закатаны.

Шура опустила глаза, взяла тяжёлый футляр за ручку и попыталась пройти мимо. Но Соколов настырно преградил ей путь и стал отбирать инструмент:

– Давай помогу...

Шура как-то смогла вывернуться, но он ручку не отпускал.

– Чего дичишься? Не чужие ведь.

Он попытался её обнять. Шура почувствовала запах спиртного, и от этого страх в ней мгновенно вспух, залил всё тело бессилием.

Они были в клубе совсем одни. Стас нарочно пришёл к концу репетиции, всё рассчитал и теперь мог безнаказанно мучить её. Его огромные руки уже хватали, лапали тонкое гибкое Шурино тело, уже его возбуждённое, пахнущее водкой и табаком дыхание касалось её лица. А она и не сопротивлялась, она коченела в его яростных объятиях...

Хлопнула входная дверь. Руки Стаса мгновенно разжались, и он отступил от Шуры на шаг назад ровно в тот миг, когда в коридор клуба вбежал Петька:

– Мама! Мама, ну ты где? Папка ругается. Уже гости приехали, давай быстрее!

Словно почуяв напряжение, разлитое в воздухе, пятилетний пацан осёкся, внимательно посмотрел на Стаса, на Шуру. Та спасительно схватила сына за руку и быстро потащила его из клуба. Но Соколов куражился, выходил следом за ними медленно, и уже занеся ногу над крыльцом, вдруг присел в проёме и принялся завязывать неразвязавшийся шнурок на ботинке.

Шура стиснула зубы, вытерпела всё это молча, замкнула замок на двери клуба, и они с Петькой тропинками, мимо бань, мимо огородов побежали домой.

Стас остался сидеть на клубном крыльце. Он больше не улыбался, не паясничал. Кураж с него сошёл, навалилась усталость и похмелье. Надо было искать, где выпить.

Почему-то Шуре сейчас навязчиво вспоминался именно этот момент. Она шла по залитой золотым сентябрьским солнцем деревне к дому Соколовых. Под ногами шуршала разноцветная палая листва, воздух отдавал яблочной кислоткой. Перекопанные в зиму огороды чернели влажной землёй. Кое-где ещё торчали в ожидании уборки налитые соком капустные головы да прихваченные заморозком рядки свекольной и морковной ботвы.

Дома дачников опустели. Округу накрыла тишина. Деревня медленно засыпала.

Шуре встретилась скрюченная старушка, которая, опираясь на палку, брела из магазина с полной авоськой в руке.

– Баб Клав, ну я же тебе сказала, что приду сегодня! И хлеба принесу. А ты опять сама сползала! У меня хлеб, значит, отбираешь?

– Ничего, Шурочка, ничего, – остановилась старушка, – ты свой хлеб отработает. А это я кошкам. Ведь опять, паразиты, побросали животинку. Каждый год мне это наказание: возьмут котёночка детям на лето, натешатся, а в зиму оставят. Пропитай! А они – к бабке Клаве.

– Господи! – воскликнула Шура с профессиональным сочувствием. – Неужели у тебя снова поголовье прибавилось?

– Двенадцать штук теперь, – закивала головой подопечная, – ты мне два дня назад пакет китикета приносила. Всё сожрали. Пришлось вот самой идти, а то ведь с ног сбивают.

– Так это им снова на два дня. Ладно, я завтра в город поеду, привезу тебе большой мешок корма. А то по килограмму разоришься покупать. Ты давай иди домой. Я до Соколовых сбегаю, и потом к тебе.

– Хорошо, хорошо, не торопись.

Старушка побрела дальше, а Шура свернула в узкий проулок.

Пошёл уже восьмой год, как она уволилась из клуба и перешла на должность социального работника. В культуре платили копейки, а здесь, особенно в последние годы, можно было хорошо заработать. Почти все деньги она отдавала Петькиной семье: нарожал четверых, а прокормить не может. На лето и при любом удобном случае сын сплавливал детей из города в деревню, как он говорил: «на вольный выпас». Шура, особенно после смерти мужа, с радостью принимала ребятишек, содержала трёх девчонок-погодок и младшего мальчишку в любви и строгости, приучала к крестьянскому труду, но и баловала сладостями, обновками, игрушками.

Так что работала она не ради себя, ради них. А нынче все внуки стали школьниками, и потому с сентября её дом опустел и затих.

Шура дошла до дома Соколовых. Дёрнула дверь – оказалось закрыто. Странная эта Дарья, ведь знает, что придёт соцработник, почему бы не открыть заранее? Да и вообще – от кого в деревне запираются-то? Шура нажала на кнопку звонка и ещё несколько минут ждала, пока хозяйка услышит, дойдёт до двери и вынет тяжёлый крючок из петли.

Крепкая жилистая Дарья, сроду не принимавшая ни от кого помощи, попросилась к ней на обслуживание совсем недавно, ещё двух недель не прошло. Располневший, больной диабетом Стас слёг, отказали ноги. Поднимать, переодевать, мыть мужа в одиночку ей было непосильно.

Прежде чем согласиться, Шура не спала ночь.

Ей было семнадцать. Как и вся деревенская молодёжь, по вечерам она ходила в клуб. Танцевали, гуляли, дружили, смеялись, подшучивали друг над другом, иногда провожались. Но всё это было как-то несерьёзно, по-детски.

Однажды вечером на танцы заявился Стас Соколов: новоиспечённый дембель в форме десантника. Шура и внимания на него

особого не обратила, а он крутил со всеми девчонками подряд. Проводил одну, другую, а когда предложил и её довести до дома на новеньком мотоцикле, Шура только фыркнула в ответ.

– Да садись ты! Не съем... – прорычал Стас.

И она пару раз прокатилась с ним. На третий он попробовал её потискать у калитки родного дома. Заработал звонкую оплеуху.

Больше Шура с ним не ездила. Она Стаса не любила и даже боялась. Он воспылал к ней какой-то просто животной страстью, и вот это его древнее, мужское, звериное и отталкивало её. Свободная, гордая девушка, она при нём вся как-то сжималась, каменела, переставала быть собой. Она не могла при нём смеяться, танцевать, шутить, его тяжёлый, липкий, словно паутина, взгляд спутывал её по рукам и ногам. Да, именно пойманной и спелёнатой в кокон мухой Шура чувствовала себя при Стасе. И он, крепкий, приземистый, с большими волосатыми руками, до жути напоминал ей паука.

Два года она бегала, пряталась от Стаса, хотя как спрячешься в деревне: то и дело встречались на улице, в магазине, на покосе, на картошке, а потом она спешно вышла замуж за человека на двенадцать лет старше. Чтобы почувствовать себя под защитой. Не ошиблась: муж любил её, берёг, занимал начальственный пост и хорошо зарабатывал. Вскоре она забеременела и совсем успокоилась. И Стас стал реже попадаться ей на глаза, говорили, устроился на работу в городе. Она постепенно и думать о нём забыла.

Петька в ту осень пошёл в школу, в первый класс. В клубе как раз готовились к «Празднику урожая». И захотелось ей, чтобы не только огородные плоды, но и лесные дары украшали ярмарку. Она позвала в лес одну подружку, другую, но как-то так вышло, что некоторая не смогла. И Шура пошла на болото в сопровождении собаки.

День выдался сухой, солнечный, тёплый – настоящее бабье лето. На нетопком и небольшом болоте было не страшно, по-

койно. Пока она обирала с высоких, поросших багульником кочек налитую клюкву, собака чутко дремала рядом. По небу неспешно плыли весёлые облака, в прозрачном воздухе толклась мошкара, с едва слышным шелестом облетали с корявых берёз жёлтые листья. Шура потихоньку напевала песню, иногда кидала в рот прохладные шарики клюквы, разгибала спину, оглядывалась, переходила с места на место в поиске ещё не тронутых кочек. И постепенно, сама не заметив того, вышла на заболоченную просеку. Здесь ей стала попадаться какая-то уж совсем крупная клюква, и она так увлеклась, что ничего, кроме ягод, не замечала вокруг.

Неожиданно прямо над её головой затрещала сорока, а следом зло залаяла собака.

Шура распрямилась, огляделась, и ноги у неё онемели от ужаса. Метрах в пяти, с двустволкой за плечами, стоял Стас. Они молча смотрели друг на друга несколько минут. Собака, перекатывая в горле рычание, жалась к хозяйке. Шура присела и обняла пса за шею, крепко вцепившись пальцами в ошейник. В голове часто-часто застучала кровь. Наверное, встретиться она в лесу нос к носу с медведем – и то бы так не испугалась.

Стас сделал шаг в их сторону. Собака залаяла. Он цыкнул на неё и сделал ещё шаг. Шура удерживала рвущегося пса, решив ни за что не выпускать ошейник. Если собака бросится на Стаса, он её наверняка застрелит.

Он подошёл ещё, остановился в трёх шагах и внятно, громко, чтобы его точно услышали, проговорил:

– Ты мне больше так, на узенькой тропочке, не попадайся. А то насильничаю. Не стерплю...

Стас достал из кармана куртки пачку сигарет, раскурил одну и неторопливо прошёл мимо.

Когда он удалился на приличное расстояние, Шура повалилась в сырой мох и беззвучно заплакала. Пёс сел рядом и заскулил.

Дарья принесла и поставила таз с тёплой водой на табуретку рядом с кроватью. Вдвоём с Шурой они подняли и усадили неповоротливого Стаса. Жена стянула с него рубаху, майку. Шуре в нос ударил тяжёлый сладковатый запах, исходящий от его тела. Она поспешно отвернулась, капнула в воду душистого шампуня, размешала его, намочила большую голубую губку и принялась намыливать подопечному спину.

– Дай сюда. Я сам, – сказал Стас, не глядя на неё. – И таз подвинь.

Шура отдала ему губку. Он, обмакивая её в воду, тяжело дыша, обтёр себе шею, подмышки, седую грудь, огромный живот.

– Не лей на пол-то, – одёрнула его Дарья.

– Да я вытру, – бросилась Шура в кухню за тряпкой. И от туда услышала громкий шёпот Стаса:

– Как ты могла?! Зачем? Такое унижение!

– Не выдумывай. Ей за это деньги платят, – огрызнулась Дарья. – Они всё должны делать, вот хоть ногти тебе на ногах постричь. Этакие когти отрастил! Напильником не возьмёшь!

– Тварь ты... – ответил Стас и замолчал.

Шура принесла швабру с тряпкой, затёрла сырость на полу. Они пересадили Стаса на табуретку, и пока Дарья перестелила ему постель, Шура унесла на улицу таз, выплеснула из него грязную воду. Отдышалась на свежем воздухе.

– Штаны-то как тебе поменять? Да хозяйство твоё прополоскать? – громко, словно нарочно, спросила Дарья, когда она вернулась.

Стас со всей оставшейся в нём силы шарахнул кулаком по дверце шкафа, стоящего за спинкой кровати, и заматерился.

– Давай клеёночку ему постелем, уложим, – тихо проговорила Шура, – и он сам как-то... ну-у... помоем там.

– У-у-у, – завыл вдруг Стас, – сдохнуть бы поскорее!

– Ну ладно, ладно, – зашептала Дарья, поняв, что зашла слишком далеко, – помогу тебе раздеться да воды чистой принесу.

– Я больше не нужна сегодня? – спросила Шура.

– Подожди меня, квитанции тебе подам, – попросила хозяйка. – Поставь там воды ещё погреть, пока мы тут...

Шура вышла из спальни, плотно закрыла за собой дверь. Она снова прошла в кухню, поставила чайник и стояла над ним, ожидая, пока тот закипит. Чистота в доме была идеальная, почти стерильная. Яркие занавески, разноцветно-полосатые половики, белёные печи, свежие, в цветочек, обои на стенах... Все в деревне удивлялись, как Дарья, всю жизнь при огороде, при скотине, при малых детях, при работе на почте удавалось так его содержать. А Стас ещё постоянно таскал то убоину, то улов, который нужно было прибирать: разделявать, солить, закатывать банки с тушёнкой. Хозяйственности, рукастости Дарьи Соколовой многие даже завидовали и, со временем окончательно, как родную, приняв её в большую деревенскую семью, заговорили, что мужику повезло с женой...

Женился Стас поздно, привёз из другого района некрасивую, с плоской фигурой, с жёсткими тёмными волосами, уже далеко не юную Дарью. Она была абсолютной противоположностью светленькой, лёгкой, смешливой Шуры. Стас будто вытравить навсегда хотел из себя любимый образ. Но почему не уехал тогда жить туда? Не захотел быть примаком в доме у тестя и тёщи? А может, нарочно решил продемонстрировать Шуры, как он несчастен без неё, как от отчаяния взял первую попавшуюся, засидевшуюся в девках?

Всё, что творилось в доме Соколовых, там и оставалось. В синяках Дарья не ходила, на жизнь никогда не жаловалась. Они родили двоих детей: сына и дочь. Стас постоянно работал, охотился. В доме всегда была еда, в изобилии водилось мясо. Дети иногда нос воротили от него. Да, Стас попивал, но кто не пьёт. Да, в пьяном виде сдерживать он себя не мог, ноги сами вели его к Шуры. Но и раз, и два, и десять столкнувшись с её хо-

лодом и ужасом перед его напором, он постепенно остыл, успокоился, а с годами очерствел, сделался равнодушен ко всему. Дарью он так и не полюбил, и она это знала. Поначалу тайно, скрытно, не выдавая себя ни единым намёком, ревновала его к Шуру. Но шли годы, росли дети, заботы, болезни, утраты – жизнь, она ведь всё всегда рассудит.

Теперь им всем уже под шестьдесят. Шура пять лет назад похоронила мужа. Стас тяжело болен. Кого и к кому теперь ревновать? Смешно даже...

Дарья вошла в кухню и, наводя в тазу свежей тёплой воды, попросила Шуру:

– Мне послезавтра в пенсионный нужно поехать. Ты побудешь с ним? Я на двухчасовом уже вернусь.

– Побуду, конечно...

– А то он герой. Вчера... я в огороде была... прихожу – сидит у кровати на полу. Встать пытается. Расшибётся ещё, а потом скажут, что это я его прибила!

– Да о чём говорить. Приду к восьми.

– Ну и спасибо, – поблагодарила Дарья, унося таз в комнату к Стасу. – А сейчас беги. У тебя ещё вон сколько народу, кроме нас.

Шура отправилась по домам других подопечных. За день она нанашивала им по два десятка вёдер воды из колодца, по полкуба дров доставляла из дровяников к печам, бегала в магазин за продуктами, выслушивала жалобы на здоровье, на детей, на правительество, на жизнь. Утешала, увещевала, проверяла – принимаются ли лекарства, помогала оплатить свет, воду и мобильную связь: телефончики, простые, кнопочные, завелись теперь практически у всех стариков. Выносила помои, топила печи, иногда готовила и кормила самых беспомощных, больных, мыла за ними посуду, уносила от них домой постельное бельё и одежду, стирала в своей машинке. И всегда с улыбкой, с шуткой. А ведь и сама она уже два года как пенсионер-

ка, спина, руки болят, ноют по ночам. Только вот ораву внуков на её пенсию не вырастить, так что придётся работать, пока не свалится...

Сегодня, проделывая всё это уже привычно, без сантиментов, с наработанной за годы профессиональной внимательностью и выдержкой, но ни в коем случае не с равнодушием или, не дай бог, грубостью, Шура продолжала думать о Стасе...

Пять лет назад, в глухом морозном феврале, в день похорон Шурино мужа, он, никому ничего не объясняя, собрался и ушёл из дома. Недалеко ушёл, поселился в свободной избе на соседней улице. Не пил, не дурил, на расспросы не отвечал, Дарью не навещал. Просто жил. Взрослый сын, до невероятности похожий на мать, такой же худой, длинный, чёрный, один раз зашёл к нему, попросил вернуться домой. Стас только мотнул головой и тихо, себе под нос, проговорил:

– Меня теперь там ничего не держит...

Шура справила по мужу сороковины, проводила родню и осталась одна. На исходе второго месяца неофициального развода, ясным апрельским вечером, Стас появился к ней. Трезвый, тихий. Не сняв верхней одежды и обуви, только стянув с головы вязаную шапку, прошёл к столу, сел на табурет, положил широкую ладонь на клеёнку. И произнёс одно-единственное слово:

– Примешь?

– Нет, – сразу и очень спокойно ответила Шура. – Я вдова, ею и останусь. А у тебя семья. Возвращайся домой.

В тот же вечер Стас вернулся к Дарье.

В пятницу в восемь утра Шура, как и договаривались, пришла к Соколовым.

Дарья, уже одетая, встретила её в коридоре, на ходу объяснила, что в печке стоит суп и каша, и убежала на автобус.

Шура прошла в дом, разделась, вымыла руки и осторожно постучала в дверь спальни, из-за которой слышался звук телевизора.

– Входи, Шура! – отозвался Стас. Голос его прозвучал непривычно высоко, и она поняла, что он волнуется.

Она и сама отчего-то волновалась.

Стас сидел на кровати, умытый, причесанный, выбритый. От него приятно пахло одеколоном. Он взял в руки пульт, убавил звук.

– Как спалось? Никто не мешал? – попытался он пошутить и сам же смутился от неловкости. – А я худо сплю... Вроде с вечера и лягу, и засну, а в четыре-пять уже всё, выспался. Садись, посиди. Может, чаю?

Шура присела к столу.

– Нет, спасибо. Я попила уже. А ты-то сам, накормила тебя Дарья?

– Накормила, не беспокойся. Конфетку хочешь? – Стас протянул ей леденец в фантике. – Хоть и нельзя мне, а отступиться не могу. Дарья уже даже не ругается, молча покупает.

Шура взяла леденец, развернула, положила в рот. Приятная цитрусовая кислинка растеклась на языке.

Они посидели молча, глядя на беззвучно шевелящихся на экране телевизора людей. В воздухе крепло напряжение. Шура не могла сидеть просто так, бессмысленно, на месте, ей нужно было что-то делать.

– Хлеб-то есть в доме? Пойти купить, что ли? – ухватилась она за спасительную мысль.

– Нет! Не уходи... – испуганно вскрикнул Стас. – Первый раз мы вот так с тобой сидим, рядом, спокойно. Ты ведь не боишься меня теперь, Шура?

Она посмотрела на него и улыбнулась:

– Теперь – не боюсь. Теперь я тебя жалею.

– Жалость унижает мужика, – нахмурился Стас.

– Жалость лечит, глупый ты человек, – всё с той же улыбкой и с неожиданной для самой себя нежностью в голосе про-

говорила Шура. – Ты не хандри, я в соццентре уже узнавала, можно добиться, чтобы тебе инвалидную коляску выделили. Руки-то у тебя сильные, сможешь колёса крутить. Будешь по деревне кататься!

– Руки у меня сильные, – задумчиво отозвался Стас. – Такие сильные. Я бы тебя всю жизнь на них носил.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Да будет, Стас, будет, – отвела Шура взгляд. – Неужто все годы тебя так и мает?

– А то ты не знаешь... – прошептал он. – Я ведь тогда в лесу чуть не застрелился. Ружьё осечку дало. Новое ружьё! Осечку... Ладно, думаю, значит, буду жить. И отправился за Дарьей.

Стас вдруг мешком съехал с кровати на пол. Она даже вздрогнула от неожиданности и кинулась ему на помощь. А он обнял её за ноги по-прежнему сильными, очень сильными руками и уткнулся лицом в живот.

– Господи... да что же это... – горло Шуры сдавил спазм. – Стасюшка, да что же это...

Она осторожно опустила руку на его лысину, окружённую тёмными, с проседью кудрями. Надо же! А ведь был когда-то блондином, чуб вился из-под кепки. Крепкий, породистый дуб, а не мужик, казалось, никому не по силам его выкорчевать, и что стало?

Шура гладила Стаса по голове, по вздрагивающим плечам и вдруг тихо запела:

– Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой... и в окошко моё не стучи...

Она оборвала песню на полуслове. Вздохнула.

Стас обмяк, перестал вздрагивать. Проговорил хрипло:

– Мы ведь с тобой ни разу вдвоём даже чаю не выпили. А мне хочется.

– Давай, милый, попьём, – ответила Шура, и снова в голосе её прозвучала нежность. – Ты как любишь? С вареньем или с конфетами?

– Я люблю с тобой...

Она помогла ему подняться, усадила за стол, а сама пошла ставить чайник. Песня всё звучала в её голове, только слова чуть изменились, пелись не как положено:

«Это я, это я тебя, милый, заставила, целоваться на свадьбе с другой...»

Она стояла у кухонного окна, смотрела на бордовый клён, растущий у забора, на раскисшую дорогу, на хмурое небо. Короткое бабье лето закончилось, с ночи зарядил дождь. Шура слушала, как шумит закипающий электрический чайник, и думала о том, что очень жалеет Стаса, а по-русски жалеть – значит любить...

КИРЮША

Каждый день, в одно и то же время, его одинокая длинная фигура появлялась на дороге. Шагал он медленно, запрокинув голову назад и чуть набок, словно всё время смотрел в небо, словно искал там что-то. Он даже не шагал, а шаркал, почти не отрывая подошв от земли, взбивая обувью пыль, если было лето, или снег, если стояла зима. Поэтому по самому краю грунтовки всегда тянулся странный, неровный, непрерывный след. Правила Кирюша знал и соблюдал неукоснительно: нужно идти навстречу машинам, не препятствуя их движению.

Гулял он ежедневно в любую погоду. Жара, дождь, буран, мороз, ветер – ничто его не останавливало. Зимой Кирюша был одет в один и тот же тёплый охотничий костюм на синтепоне: брюки и куртка коричневого цвета, украшенные для маскировки золотоосенними листьями. Капюшон он всегда надевал на голову и плотно затягивал под подбородком, отчего и без того вытянутое бесцветное лицо его становилось совсем узким и бледным. Летом и в межсезонье он ходил в затёртых джинсах, заправленных в резиновые сапоги, в рубашке, ворот которой глухо застёгивал на тонкой шее, и длинной, похожей на пиджак, ветровке. Головной убор в тёплое время года не носил.

Вероника встречалась с Кирюшей в половине четвёртого, когда возвращалась с работы домой. Школа, в которой она шестой год трудилась учительницей начальных классов, находилась в соседнем селе всего в полутора километрах от деревни, где она теперь жила. После развода с загулявшим мужем Вероника вернулась под родительский кров. Пять лет назад ещё был жив папа, но уже тяжело болел. Похоронив его солнечным золотым днём бабьего лета, они с мамой остались вдвоём. Ребёнка за пару лет семейной жизни Вероника завести не успела, успокаивала себя тем, что у неё и так есть пятеро детей: три дочки и два сына – именно столько ребят обучалось в сельской начальной школе. Две девочки и мальчик в первом классе. Во втором – никого. Девочка – в третьем. И один мальчик в этом году заканчивал начальную школу. Молодых семей в селе осталось совсем мало, и, хотя они стараются со всей страстью, восполнить демографический провал им не под силу. Школу уже дважды грозили закрыть, потому что на каждого ученика приходилась обслуживающая единица: директор, учитель, техничка, повар, истопник (при школе была своя мини-котельная). Потом решили объединить с садиком, где воспитывались ещё четыре разновозрастных ребёнка, и пока на этом успокоились. Но было совершенно очевидно, что в ближайшие три года в первый класс никто не поступит. Значит, количество учеников будет только уменьшаться. Конечно, может случиться чудо – приедет в село жить семья с ребяташками. Вон, в Рябиновку той весной явились таджики, сразу шесть учеников поступило в рябиновскую школу. Но что это за ученики! Они даже по-русски не говорят, их сразу зачислили на спецобучение, возись с ними, вбивай в круглые, с колючими чёрными волосами головёнки алфавит и таблицу умножения. У них только старшая девочка очень толковая, усидчивая, сама читать научилась, помогает братьям и учительнице. Плакалась эта учительница на недавнем собрании, мол, как от стенки горох всё от них отлетает, а на десятилетней Фаризе, по сути, и держится всё это семейство, потому что родители всегда на работе, а она и варит, и моет, и всю ораву

пестует, да ещё и учится на отлично. Чудо-девчонка: худенькая, маленькая, всегда, как у них заведено, с покрытой платком головой, в платье до земли, придёт и грустно так рассказывает, что у неё руки болят после вчерашней стирки, а младший брат, пока она готовила плов, удрал из дома, и она бегала по Рябиновке, искала его, плакала и дрожала от страха, что отец прибьёт. Учительница слушает её рассказы и сама плачет, потому что и хотела бы, да ничем не может помочь – свои законы у людей. Вероника тоже жалела бедную Фаризу и думала, что удочерила бы её, но ведь никто не даст от живых-то родителей. Даже опека закрывает глаза на всё, что творится в той семье, на их бедность и неустроенность. Чужой монастырь – чужой устав.

Сегодня Вероника возвращалась домой поздно. Вечерело. Моросил дождь. Серый ивняк, захвативший обочины дороги, плакал, тяжёлые капли срывались с его голых гибких веток и падали в чёрную палую листву. Потемневший хмурый ельник съёжился и замер. Вероника задумалась, а когда подняла взгляд от земли и отвела в сторону склонённый вперёд зонтик, то вздрогнула от неожиданности: на повороте к деревне стоял Кирюша. Его коричневый, в осенних листьях костюм почти сливался с природой. Только узкое лицо, обрамлённое капюшоном, белело в сумерках. Она и забыла про него, и не ожидала увидеть здесь в это время – обычно по парню можно было сверять часы. Сейчас начало шестого, скоро стемнеет, а он, значит, стоит и мокнет тут с полчетвёртого. Зачем? Холодно. Простынет.

Вероника никогда не знала – здороваться с ним или нет. Ей казалось, что Кирюша находится в каком-то своём мире, а потому просто не замечает и не слышит ни её, ни чего-либо вокруг. Обычно она быстро проскакивала мимо, стараясь не глядеть несчастному парню в глаза, а он брёл, как всегда запрокинув голову, смотрел в небо. Может, ему хорошо в самом себе, зачем нарушать его уединение. Вряд ли он обидится, что с ним кто-то не поздоровался.

Но сейчас Вероника шла прямо на Кирюшу и чувствовала на себе его скошенный взгляд.

– Здравствуйте... – выдавила она и поспешно свернула с грунтовки на дорожку, ведущую к дому.

Парень ничего не ответил. Даже не изменил положения головы и тела.

«Ну и ладно... – подумала Вероника. – Значит, он действительно ничего не слышит и не замечает».

Добежав до дома, Вероника оглянулась – длинной фигуры на повороте уже не было. Кирюша пошёл обратно. Она отомкнула замок на двери, заскочила на крыльцо, поставила раскрытый зонтик в угол, нажала клавишу выключателя – на улице зажёгся свет. Двор, освещённый яркой лампочкой, сделался уютнее, а вот округа потемнела ещё больше, в лесу уже наступила ночь.

В доме было тепло и сухо. Перед тем как убежать на телятник, мать протопила печку-голландку, сварила и оставила на горячей плите упревать суп. Обычно Вероника успевала застать её – вечерняя смена начиналась в пять. Они вместе обедали, нахваливали вкусности, обсуждали новости. Мать отправлялась на работу, а дочь садилась готовиться к завтрашним урокам. Всего-то пятеро учеников, но зато все в разных классах, и предметов много. К тому же современные дети – визуалы, им надо всё показать, нарисовать, одними словами или параграфом из учебника не отделаешься, вот и приходится изощряться: то презентацию сделать, то картинки или видео из интернета скачать.

В одиночестве, без аппетита Вероника поела рассольник, вымыла тарелку и не сразу пошла в свой рабочий уголок за компьютер, а прилегла. Ей захотелось посумерничать. Это значило – спокойно побыть в вечерней темноте и тишине. Не зажигать свет, не включать радио или телевизор. Иногда они с мамой ставили на стол свечу и сидели за столом, тихо переговариваясь ни о чём. Или молчали. Главное при сумерничании не закрывать занавески на окнах. В этом весь смысл. Тогда видно, как светлый вечер постепенно синееет, как наползающая ночь неуловимо проникает в каждый закоулок деревенской улицы,

в каждую рытвинку на дороге, в каждую щёлочку двора. И если выйти в этот момент на волю, то можно отчётливо увидеть границу дня и ночи, тьмы и света: на западе небо может быть ещё совсем светлым, с отблесками остывающей вечерней зари, но на востоке – на востоке, где должно зародиться солнце нового дня, оно будет тёмно-фиолетовое, глухое, неумолимое.

Вероника лежала на своей кровати, поверх покрывала, вытянувшись на спине и сложив руки на груди. Слух в темноте сразу обострился, и она нарочно ловила разнообразные звуки, наполнявшие в этот момент дом и мир вокруг. Монотонно гудел холодильник, тикал будильник, из раковины редко, с чёткими временными промежутками, капала вода. Вероника посчитала: двенадцать секунд было нужно капле, чтобы накопиться, стечь по металлическому штырьку вниз, собраться в тяжёлый шарик на его конце и вдруг обрушиться и разбиться о звонкое дно раковины. С русской печи спрыгнула кошка, мягко, дробно протопала по половикам к миске и принялась звонко лакать молоко. Зажужжала и стала биться о потолок отупевшая октябрьская муха.

Вероника вздохнула. Кошка услышала её, запрыгнула на кровать, боднула приветливо в бок и села в ногах умытья.

«А ведь он влюбился в меня!» – осенило Веронику.

Она даже села от неожиданности на кровати и минуты три приходила в себя, словно услышала удивительную и одновременно неприятную новость. Ей стало отчего-то очень неловко, как будто она была виновата в этом. Но, конечно, никакой вины за ней не было. Вероника не подавала и не могла бы подать и малейшего повода этому бедному парню. Она как-то его и не замечала, и не помнила бы даже о его существовании, если бы не эти ежедневные встречи на дороге. Ну гуляет и гуляет. Ей-то что! Позавидуешь только такому упорству Кирюшиной блаженной природы и его физической выносливости. Тут не знаешь, как себя заставить зарядку делать по утрам, как на работу не проспаться и не опоздать, а он ходит по доброй воле полтора километра туда, полтора обратно круглый год. Ходит в надежде встретить

её, просто встретить, взглянуть, наполниться понятным только ему одному счастьем и побрести обратно, зная, что завтра всё повторится. А в выходные? В каникулы? Гуляет ли он, когда занятий в школе нет? Кажется, гуляет. Да, мама как-то ходила в магазин в воскресенье и говорила, что видела Кирюшу, ещё подшучивала над его постоянством. На что он рассчитывает в эти дни? Просто ходит до её деревни, просто смотрит на её дом оттуда, с дороги? И живёт этим?

В задумчивости спустив на пол ноги, Вероника нащупала пальцами ног тапки, обулась, прошла в кухню, включила свет и зажмурилась. Когда глаза привыкли, она налила из чайника в чашку остывшей заварки и проглотила её, горькую, вяжущую. Кошка пришла следом, боднула ноги. Вероника насыпала ей корму и пошла в свою комнату включать компьютер.

Веронике казалось, что её память сейчас загружается с шумом и треском, как старый процессор. Что она знала о Кирюше? Он на десять лет её младше, старший ребёнок в неблагополучной многодетной семье. Она его всегда помнила таким: с запрокинутой головой, со скошенным взглядом, со слюной из приоткрытого рта... Но односельчане уверяли, что родился Кирюша здоровым, его родители тогда ещё не были горькими пропойцами и смогли передать первому ребёнку ещё не повреждённые алкоголем гены. Это дальше пошло шатай-валяй, хотя с возрастом все зуевские ребята как-то выправились, работают, семьи завели, своих деток нарожали. Что же случилось с Кирюшей?

«Нет, ну что ты придумала! – заругалась Вероника сама на себя. – Влюбился! Он и слова-то такого не знает, не понимает... Водит его болезнь, на месте не сидится, а куда ему идти? В лес? Заблудится. Вот и бродит по знакомому маршруту туда-сюда, туда-сюда. Кстати, народ говорит, что он очень работающий, исполнительный. Силища у него нечеловеческая... Эх, вот так часто бывает у дурачков – добрые, работающие, выносливые. Какая несправедливость. Нашлась бы ему такая же... ну-у... добрая, кривенькая, заботливая, полюбили бы друг друга и жили душа в душу...»

Так думала Вероника, а рука её привычно водила мышкой, крутила колёсико, глаза отыскивали в поисковике необходимые материалы. Она что-то скачивала, переименовывала, сохраняла в папки на рабочем столе компьютера, распечатывала, раскладывала по прозрачным файлам. Пару раз отвлеклась на переписку с подругой во ВКонтакте, и в навязчивой ленте «возможные друзья» взгляд её зацепился за красивую летнюю картинку, поставленную кем-то на аватарку вместо своего лица. Вероника услышала, как шумит сосновый бор, пронизанный солнечными лучами, увидела, как сквозь сучья деревьев проглядывают лоскуты голубого неба, а на одной ветке сидит крупная чёрная птица, наверное, ворон. Кирилл Зуев, 23 года – было написано на картинке. Кирюша?! Не может быть! У него есть страничка в соцсети?! И надо же, чтобы именно сейчас хитрый ВК подкинул ей это в ленте. Веронике иногда казалось, что интернет научился читать мысли, а не только подсовывать всё подряд под последний запрос.

Конечно, она не могла удержаться и зашла на страницу Кирилла Зуева, предполагаемого Кирюши. Информации было совсем немного. Несколько фотографий природы, все тоже очень красивые. Неужели сам снимает? Но ни одного портрета, чтобы окончательно удостовериться. В статусе стояло: «Ты – единственный автор всего, что происходит с тобой в жизни». Мудро! Но явно украдено у кого-то! На стене было несколько смешных картинок и поздравлений с днём рождения. Надо же! Совсем недавно, на прошлой неделе, Кирюше исполнилось двадцать три. Вероника спустилась по стене чуть ниже и увидела четверостишие:

Лес красивый. Люблю тишину.

Небо обнимет меня.

Она тоже обнимает.

И тогда у меня счастье.

Рука автоматически катнула колёсико мыши. Вероника прочитала ещё:

*Может я нечеловек.
Я птица. Умею летать.
И она летать.
Я знаю.*

Вероника сглотнула комок.

*Везна пришла.
Я люблю когда везна.
Цветы рвать надо.
Любить надо.
И солнце всем дарю.*

Под последним стихотворением стоял комментарий: «Жги, Кирюша! Будешь новый Пушкин!» И издевательские смайлики в ряд.

Вам смешно? Веронике стало стыдно и за себя, и за всех, кто насмеялся, подтрунивал над Кирюшей, раздражался на него, обижал. За всех, кто понятия не имел, какая нежнейшая душа живёт в этом парне. Какая трогательная любовь ко всему живому таится в нём. Он способен видеть красоту мира, умеет выражать её в своих неуклюжих, но таких искренних стихотворениях, сохранять на своих фотографиях. И болезнь заслонила от него мир злой, беспощадный, ехидный, или, наоборот, огородила собой ясную Кирюшину душу, умеющую любить и жалеть, от всего этого мира. Потому что она не выдержала бы прямого соприкосновения с ним, смертельно обожглась бы, как бабочка о пламя, и погибла...

Вероника сидела перед компьютером, перелистывая фотографии на Кирюшиной странице, и видела мир его глазами. В этом мире было очень много неба – чистого, высокого, голубого. В этом мире скромно жили полевые цветы – ромашки, васильки, колокольчики. Росли белые берёзы и золотые сосны, тёмно-зелёные липы и бордовые осины. Под деревьями теснились семейки грибов с разноцветными шляпами. Ещё в Кирюшином мире были рыжая красавица-кошка и лохматый пёс, умеющий улыбаться. Это был самый живой и правильный мир! Она бы тоже хотела жить в таком!

*Снег вчера падал.
Потом нестал.
Прилетели синисы
Я дал хлеба.
Ели. Веселые
Желтые*

Вероника вздрогнула от звонка мобильного телефона. Усталый мамин голос в трубке попросил её встретить: взяла с фермы три банки молока, будет делать творог.

Она оделась, прихватила фонарик. Шла по дороге почти на ощупь, промозглая темнота октябрьской ночи поглощала слабый тонкий луч света, словно чёрная дыра. Морось не прекращалась. Под сапогами чавкала грязь.

С мамой встретились на полпути, хотя Вероника просила её подождать на ферме, не тащить всё самой. Отобрала у неё сумку с двумя трёхлитровками, хотя мать ещё пробовала сопротивляться. Долго шагали молча. Дорога пошла чуть в горку, они тащили тяжёлые банки и себя по раскисшей колее, разговаривать было трудно.

Но когда свернули с грунтовки на свою дорожку, Вероника спросила:

– А что случилось с Кирюшей? Почему он такой?

– Дак бабка его проглядела, – просто ответила мама. – Свалился в подвал, шею свернул, ушибся. Года три ему было, наверное. Так и не выправился. А ты чего вдруг спрашиваешь?

– Да встретила его сегодня опять. Знаешь, он, по-моему, в меня влюбился. Поэтому и ходит.

Мать промолчала, вздохнула только.

Они дошли до дома, мокрое крыльцо которого освещал дворовый фонарь, с радостью поставили на ступеньки сумки с банками. В доме сняли плащи, Вероника развесила их сушиться, пока мать, сидя на скамеечке у порога, стягивала с ног сапоги, а потом, расстегнув кофту и спустив на плечи платок, отдыхала.

– Грехи наши, – выдохнула она. – А ты знаешь, что бабка эта Зуева, помнишь, она такая страшная, бельмоватая?

Но Вероника бабку Зуеву не помнила.

– Так вот она отца-то Кирюшиного, сынка своего единственного, сдала в детдом. А сама гуляла, о-ой... не до сынка ей было... Ты чай-то поставила?

Вероника налила воды и нажала кнопку электрического чайника. Тот почти сразу зашумел, мешая хорошенько расслышать мать.

– А потом, как пошли у сынка свои дети, да каждый год выскакивали, он эту мать непутёвую разыскал, к себе забрал. Она уж к тому времени никому даже за стакан портвейна была не нужна. Тыфу ты... Вот и водилась с ребятишками до смерти! Во как! Бог-то говорит: одного нянчить не захотела – вот тебе десять! Водись!

Мать поднялась, вымыла руки и лицо, села за стол. Вероника налила чаю ей и себе, выложила на стол пакет с пряниками и конфетами.

– Может, картошки поджарить, мам? – спросила она. – А то чего одного чаю-то?

– Нет, пока не хочу. Буде отдохну вот. – Она отхлебнула из чашки и протянула: – Да-а... говорили, конечно, что Кирюш-то она специально в подвал-то... хорохорилась поначалу, не желала в няньках сидеть. Да ведь не докажешь. Свидетелей нет.

Мать пила чай шумно, втягивая горячее через губы, чмокала конфетой.

Вероника выкатила из пакета шоколадную «Ласточку», незаметно спрятала её в карман халата, решив потом переложить в пальто. Если Кирюша завтра снова будет встречать её из школы, а он будет, она это точно знает, то эта конфета достанется ему. А ещё Вероника хочет наконец заглянуть в глаза парню, и она уже сейчас догадывается, что увидит там не пустоту и тьму, а мысль и свет. И любовь. И тогда небо обнимет её, и будет у неё *щастье, везна и жолтые синисы*. Они прилетят к ней из детских снов, вернуться вместе с утраченной радостью бытия, разгонят небесную хмарь и подарят солнце.

Завтра. В полчетвёртого. Главное, чтобы Кирюша не простыл после сегодняшнего ожидания под дождём, а её снова не задержали на работе.

СЫН

Татьяна Николаевна всю жизнь проработала журналисткой в районной газете. И хотя уже пятнадцать лет находилась на заслуженном отдыхе, её активная творческая натура, жажда общения с людьми, любопытство к их судьбам, не утраченные за многие годы работы, не давали ей покоя. Она сочиняла стихи и рассказы, ходила в кружок «Вдохновение», пригревший под сводами районной библиотеки местные литературные таланты, иногда писала для родной малотиражки статьи, уже как внештатный корреспондент, и, конечно, ради всего этого давным-давно освоила компьютер.

Знакомые интересовались: не скучно ли ей в деревне одной, особенно зимой? Ни мужика, ни внуков, ни скотины. А ей и вправду было не скучно: сын с дочкой исправно звонили и по возможности навещали её, привозили продукты. По журналистской привычке она внимательно следила за всеми новостями, за мировыми катаклизмами, интересовалась политикой и модными философскими течениями. Пищу для размышлений и единомышленников, с которыми можно было обсудить свои мысли и догадки, находила в интернете. В электронную почту, в соцсеть ВКонтакте она заходила ежедневно, а показавшиеся ей важными статьи Дзена были веером открыты на панели вкладок в ожидании, пока их прочтут.

Дочка, приехав к матери, всякий раз заставляла её в привычному углу за компьютером и частенько ругалась:

– Опять сидишь? Пошла бы прогулялась, что ли, ноги бы размяла. На лыжах давай покатаемся, снег свежий выпал и не холодно.

Но Татьяне Николаевне было хорошо в тишине натопленного дома, с мурлычущей кошкой под боком, посматривать в окно на убелённую деревенскую улицу, по которой редко кто проезжал или проходил, и при этом чувствовать неразрывную связь со всей планетой. Удобное кресло, ровно гудящий ком-

пьютер, ладонь, лежащая на «мышке», неяркий свет и очки на носу. Больше ей ничего и не нужно.

Бывало, засиживалась она допоздна, а поутру долго не могла проснуться. Затапливая в выстывшем доме печь, свершая все утренние, неизбежные для деревенского жителя дела, заваривая чай и неспешно завтракая, она мысленно устремлялась в свой рабочий уголок. Иногда, когда электричество по какой-либо причине отключали, и если ещё не дай бог надолго, Татьяна Николаевна не знала, куда себя девать, и по-настоящему страдала без связи с миром. Но это была не болезненная зависимость, нет. Привыкшая всегда быть на виду, в гуще событий, заходя в интернет, находясь с кем-то в интеллектуальной переписке, Татьяна Николаевна чувствовала себя нужной, активной и... почти молодой.

Вот и в это утро, скутав русскую печь и поставив в неё томиться щи, она устроилась в любимом кресле, нажала на компьютере кнопку запуска и, ожидая, пока тот загрузится, погладила свою старую тощую кошку, пришедшую разделить с хозяйкой бдение. Когда на мониторе появились все иконки, Татьяна Николаевна уверенно кликнула мышкой по кругляшу интернет-браузера и вошла на свою страницу в ВК.

Около значка мессенджера обозначилась цифра 2. Развернув вкладку, она увидела новые сообщения от виртуальной подружки, с которой они вели давнюю переписку, и одно от незнакомца с ником Жека-сан, скрывшегося за аватаркой с изображением сурового самурая. Она не любила такие послания неведомо от кого, не торопилась принимать в друзья всякого, кто к ней попросится, а сперва изучала страницу претендента на предмет общих интересов и схожих взглядов на жизнь.

В друзьях у «самурая» числились чуть больше двадцати человек, стена была украшена глупыми картинками, на которых скалили клыки какие-то inferнальные существа, изгибались юные красавицы и призывно поблёскивали фарами дорогие автомобили и мотоциклы. Из всего этого Татьяна Николаевна сделала вывод о предельной юности Жеки-сана, а на одной

из фотографий, собственно, и увидела его самого: щуплого парня лет шестнадцати, стоящего в развязной позе, в спортивном костюме и надвинутой на глаза бейсболке на фоне деревянного забора, за которым безумствовали огромные разноцветные шапки георгинов. Над цветами возвышался угол крыши частного дома и торчал кусочек голубого неба.

Что могло понадобиться такому юнцу от семидесятилетней женщины? Наверняка мошенник, сейчас будет денег просить. И Татьяна Николаевна вернулась к его сообщению с боевым настроением удалить, не читая. Но взгляд сам зацепился за первые строчки и дальше побежал по словам, по предложениям, профессионально примечая недостающие знаки препинания и орфографические ошибки.

«Здраствуйте Татьяна Николаевна. Меня зовут Женя фамилия Маслов. Но эта мамина фамилия, потомушто я рос без отца. Я обратился к Вам так как Вы работали в газете и живете в деревни, где родом мой отец. Вы его знаете и я прошу Вас мне помочь его найти. Его фамилия Линков, а имя Вадим. Значит я должен быть Линков Евгений Вадимович. Отчество у меня тоже другое Сергеевич. Мама не знает что я его ищу. Пожалуста Вы ей не говорите. Я Вам очень благодарен, если Вы поможете».

Откинувшись на спинку стула, Татьяна Николаевна ещё с минуту, не моргая, смотрела на экран. На шутку, на розыгрыш это было не похоже. Да и с чего бы парню так разыгрывать пожилую одинокую женщину. Но если всё это правда, то ему, наверное, кто-то подсказал обратиться именно к ней, именно как к журналисту, как к человеку, способному понять и прочувствовать ситуацию и не оттолкнуть, не оскорбить парня в его намерениях. А ему ведь непросто было решиться написать такое письмо незнакомому человеку. Он ведь жил, рос, думал, представлял себе отца, проживал одиночество и обиду. Мальчишке особенно тяжело взрослеть без мужского примера рядом, и ещё неизвестно, какие у него отношения с матерью. Ведь не хочет, чтобы она знала о его желании встретиться с отцом. Может быть, имя его и фамилия стали известны парню совсем недав-

но. Взбудораженный этим знанием, тем, что отец – вот он, живёт совсем рядом, в пятнадцати километрах, тот намечтал себе счастливую встречу, выдумал, что найдёт в нём родного человека, часть себя самого: расколотого, не обретённого вовремя...

Вадим Линков, Вадька-Лось – вечно сопливый, с разбитыми коленками, со спущенными штанами бегал он по деревне в своём детстве. Воспитанный крикливой, постоянно озабоченной мамкой и хронически пьяным отцом, он плохо разговаривал, будто горячую кашу во рту держал. И за взрослым за ним осталась такая же странность. Поздоровается – буркнет, начнёт что рассказывать – быстро, глотая по полслова – половину не разберёшь. От мамки ему досталась суетливость, желание сделать десять дел одновременно, от отца – пристрастие к выпивке. Горьким пьяницей Вадим, конечно, не был, попивал, как все, но с первой женой расстался именно из-за водки. Так что же, этот Жека-сан, Женя Маслов, живущий в райцентре, его сын от первого брака? Но тогда у него должны быть отцовские фамилия и отчество. Когда они разводились, парню уже пятый год шёл, и он был зарегистрирован, как положено, сразу после рождения. Да и звали пацана вроде не Женей, а как..? Не помнила этого Татьяна Николаевна. И лет тому, первому сыну Линкова, должно быть намного больше, далеко за двадцать. Этому шестнадцать, и он получается даже младше второй Вадькиной дочери, которой девятнадцать. Вот так на! Значит, гульнул мужик от второй своей бабёнки, и не бесследно... Если, конечно, всё правда и Женя Маслов не ошибается.

Вконец разволновавшись, Татьяна Николаевна пошла накапать себе корвалолу. Что она может сделать? Должна ли лезть в чужую жизнь, в чужую тайну, помогать вытряхивать из шкафов скелеты? Станет ли встреча отца и сына счастливой для обоих? Как показывает жизнь, случается такое крайне редко. А уж жене Вадькиной этот подарочек в виде щуплого «самурая» в спортивном костюме точно не доставит радости. Тут и вторую семью разрушить недолго. И хочет ли она быть причастной к этому? Конечно, нет.

Вернувшись к компьютеру, Татьяна Николаевна ещё раз зашла на страницу Жени и снова открыла его фотографию. Ну что за манера прятать лицо! Хоть бы глаза его рассмотреть, что там, во взгляде? Пустота или всё же есть какая-то мысль, отсвет внутренней душевной работы, может быть, даже боли. Пишет безграмотно, язык куцый, мысль выражает с трудом. Точно, как Вадька, уж в чём в чём, а в этом они родственники! Татьяна Николаевна усмехнулась.

А ведь Вадька маленький тоже был щуплый, бегал, как длиннолапый щенок, путаясь в собственных ногах, спотыкаясь и падая. Оттого и ссадины не сходили с его коленок и локтей. Это потом, после армии, он окреп, возмужал, даже красота в нём какая-то мужская проявилась. Черты лица укрупнились, огрубели, плечи развернулись, а конечности остались длинные и тонкие. Недаром дали ему кличку Лось. Очень похоже: тяжёлое, крепкое тело на выносливых, каких-то сучковатых, похожих на сухие еловые жерди ногах. И нос у Вадьки большой, мясистый. Волосы на голове серые, жёсткие, словно из проволоки скрученные. Рогов только не хватает. А рога-то, получается, выросли не у него, а у его жены, да ещё и целых шестнадцать лет назад!

И тут Татьяне Николаевне прилетела мысленная догадка, что мать Жени может быть среди его друзей. Она открыла список и стала пытаться по аватаркам понять, кто же из девушек и женщин больше всех подходит на эту роль.

Но всё оказалось проще: среди друзей Жени была Светлана Маслова. Тридцать семь лет, довольно обычной наружности, чуть полноватая. Татьяна Николаевна внимательно взгляделась в её лицо и поняла, что знает эту женщину. Она торгует на рынке рыбой. Ошибиться Татьяна Николаевна, любительница рыбы, не могла. Бывая в городке, она предпочитала покупать товар именно у этой продавщицы, так как та никогда не обманывала, предупреждала, если горбуша перемороженная, скумбрия мелкая, а селёдка лежалая, и предлагала взамен что-то получше, повкуснее.

Татьяне Николаевне сделалось совсем дурно: теперь всякий раз, встретив на рынке Светлану Маслову, она будет вспоминать и Женю, и Вадима Линкова, и это письмо, и зачем-то будет носить в себе их общую тайну, и томиться ею. Вот ведь напасть! Не отвечать совсем? Или отказать в помощи? От расстройств она даже вышла из интернета, «усыпила» компьютер и отправилась полежать.

Вытянувшись на узкой жёсткой кушетке, Татьяна Николаевна прикрыла глаза, и поток воспоминаний понёс её туда, куда она меньше всего хотела.

Её старшая дочь Тася росла так же, без отца. Первый раз она спросила о папе в три с половиной года. Татьяна Николаевна, тогда просто молодая журналистка Таня, попыталась объяснить ребёнку, что папа далеко, в длительной командировке, но обязательно когда-нибудь приедет к ним. Стыдно было за столь откровенное враньё, ещё бы про сбитого лётчика рассказала или про героя-разведчика... Трёхлетняя дочь такую «правду» приняла. Но чуть позже почему-то стала подходить к мужчинам в магазинах и спрашивать: «Вы мой папа?» Мужчины реагировали по-разному: кто-то отмахивался, кто-то смеялся, кто-то отвечал, что годится больше в дедушки – возраста людей Тася в свои пять лет ещё не различала. Однажды Таня, оставив ребёнка в очереди, убежала к кассе оплачивать товар, а когда вернулась, увидела дочь на руках у нетрезвого мужчины. Тася сияла и трогала его за усы, а он в ответ гудел: «Хочешь, буду твоим папой? Я не против! Куда наша мама подевалась? Она у нас красивая?» – «Вот наша мама!» – воскликнула дочь, завидев Таню, и добавила громко, на весь магазин: «Мама! Я нам папу нашла!» Покупатели оглянулись на её голос и посмотрели с неодобрением. Таня еле отобрала ревущую дочь у «папы», да и самого нетрезвого претендента на это звание едва отшила.

Честно про отца они поговорили с Тасей, когда той исполнилось двенадцать. Взрослая, самостоятельная, серьёзная девочка, она сама попросила рассказать ей всё, как есть на самом

деле. Таня рассказала. Больше разговоров и вопросов на эту тему между ними не возникало.

Второй раз Татьяна Николаевна вышла замуж, когда дочери исполнилось пятнадцать. Вскоре родился сын, погружённая в семейные и рабочие проблемы, она и думать забыла о прежних переживаниях – своих и своей дочери.

А взрослая дочь однажды подошла и сказала, что написала отцу письмо. Как раз шестнадцать лет Тасе исполнилось, прямо как Жеке-самураю. Видимо, возраст у них такой – вроде уже взрослые, готовые к самостоятельной жизни, они всё-таки ищут какую-то опору, которая помогла бы им справиться со страхом перед первым шагом в огромный, часто враждебный мир. Поиск отца – это же практически поиск Бога. Возможно, именно к этому возрасту они осознают, начинают ощущать отсутствие какой-то части себя, и им необходимо её отыскать, чтобы стать полноценными. Как в сказке, они идут неведомо куда, незнамо зачем и проходят эту жестокую инициацию, чаще всего разрушаясь ещё больше... У дочери отношения с найденным отцом не сложились, она – даже такая взрослая, умная, до дрожи похожая на него и внешностью, и характером, была ему не нужна.

Бедный, бедный Женя. Кто и зачем рассказал ему про отца? Кто натолкнул его на мысль начать его искать? Ведь фраза «значит я должен быть Линков Евгений Вадимович» – это ведь не его фраза! Это, наверняка, бабка нашптала парню, мол, ты – не ты, и заронила в его юношескую голову страшное, разрушительное сомнение в самом себе. И росло оно, и крепло в его мыслях и в слабой ещё душе, и терял он своё уже вроде бы сформировавшееся «я». Вся небольшая жизнь его, её зыбкие основы рассыпались на фрагментики, как картинка на цифровом экране. И чтобы собрать себя обратно, ему просто необходимо увидеться с отцом, и даже если она, Татьяна Николаевна, не поможет парню, он всё равно будет искать этой встречи. Может, Господь, а скорее всего, та же бабка правильно надоумила его написать журналистке. Она попытается найти самые вер-

ные слова и для Жени, и для Вадима, постарается подготовить обоим, гладко выстелить им путь друг к другу.

Решительно поднявшись с кушетки, Татьяна Николаевна вернулась в угол, разбудила компьютер и написала ответ:

«Дорогой Женя! Признаться, твоё письмо совершенно выбило меня из колеи. Трудно вот так вдруг погружаться в чужую судьбу, тем более, когда на себе испытал нечто подобное. Я пишу тебе это и до сих пор не уверена, имею ли я право вмешиваться в твою жизнь, в жизнь твоего отца. И первое, что хочу спросить: точно ли ты знаешь, что Вадим Линков, который, как ты правильно заметил, мне хорошо знаком, действительно твой отец. Ведь допустить здесь ошибки нельзя! Ты же понимаешь, что если ваша встреча состоится, она может круто перевернуть жизнь многих людей, не только твою и Вадима, но и его семьи. Хватит ли у тебя сил, такта, рассудительности, найдёшь ли ты правильные слова в этой ситуации?.. Нужно, Женя, нужно подумать и об этом. Ещё меня беспокоит твоя мама, если она не знает о твоём намерении, не станет ли это предательством по отношению к ней? Не доставит ли это ей боль? Ведь по какой-то причине они с твоим отцом не стали тогда жить вместе, что-то между ними произошло, и, может быть, она перечеркнула для себя те страницы и постаралась навсегда о них забыть. И ещё хочу спросить: чего ты ждёшь от вашей встречи? Хочу предостеречь тебя от излишнего романтизма, от фантазий – реальность слишком часто не соотносится с нашими представлениями о ней. Понимаю, что пишу много и сложно. И, наверное, зря. Что я могу сделать для тебя? Мне поговорить с Вадимом? Как-то подготовить его? Наверное, пока это будет самым верным решением...»

Снова пришлось идти пить лекарство и полежать. Но не успел ещё мятно-яблочный дух корвалола рассеяться в воздухе, как из угла донёсся характерный звук, каким соцсеть докладывала о новом сообщении.

Женя писал: «Спасибо за ответ. Я точно знаю что он отец. Просто хочу на него посмотреть».

И всё. Она ему полстраницы, можно сказать, душу вывернула, а он ей телеграмму. Она тут целые города нагородила, а ему просто посмотреть. Нечего тогда и переживать за этого «самурая», не у всех же такое чувствительное нутро, как у неё. Да и с чего она решила, что парень о чём-то переживает? Он, наверное, ни одной книжки в жизни не прочитал, вырос в простой, грубой семье, и никакой романтизм, никакие сантименты Жеке-сану вовсе не знакомы. Тем и лучше. И торопиться ни к чему. Встретится Вадим – поговорит с ним, нет – и ладно.

На том Татьяна Николаевна и успокоилась. Женя больше не писал. Вадима Линкова и его жену она не видела, поскольку выходила из дома крайне редко, а жили они на разных, дальних друг от друга улицах. Постепенно Татьяна Николаевна начала забывать о своём обещании, а потом решила, что раз парень молчит, не напоминает о себе, то, может, он уже и передумал.

И только она совсем успокоилась, от Жени прилетела просьба: «Попросите у него телефон. Я сам поговорю...»

Опять всё внутри у Татьяны Николаевны всколыхнулось, ещё и чувство вины к этому прибавилось. Видно, никуда не деться.

Через неделю, в пенсионный день, она позвонила на почту и сказала, чтобы «зарплату» – как она в шутку называла положенные по возрасту выплаты, на дом ей сегодня не возили, она придёт за ней сама. Заодно заглянет в фельдшерский пункт и к главе поселения, благо все в одном здании сидят.

По случаю выхода в люди Татьяна Николаевна принарядилась: достала сапоги вместо привычных валенок, малонадёванное и оттого совершенно новое, хоть и морально устаревшее пальто с норковым воротником, вязаный беретик, варежки и даже сумочку. Оглядела себя в зеркале, вздохнула о чём-то, понятном только ей, и, выпустив на улицу кошку и заперев дом, отправилась по делам.

Воздух был уже совсем весенний, пахло талым снегом. По небу, то пряча, то вновь выпуская на свободу обновлённое солнце, бежали облака. На верхушках высоченных старых бе-

рѐз, растущих троицей у церкви, галдели вороны. Крыши домов оголились и где-то чернели влажно, а где-то разноцветно сияли. Сугробы осели. Укатанная за зиму дорога начинала проваливаться под ногами, в оставленных следах снег намок, синел.

Татьяне Николаевне то и дело встречались односельчане: день сегодня активный – все идут за пенсией, оплатить квитанции и зайти в магазин, в который специально к этому дню привозили деликатесы и разносолы. Хитро устроено – кому не захочется с пенсии купить кусочек вкусенького мяса, копчёной рыбки или килограммчик тех-иных фруктов. Татьяну Николаевну приветствовали, расспрашивали о здоровье, о детях, она отвечала и традиционно спрашивала о том же. Все оставались довольны беседой.

На почте она посидела в очереди из трёх человек, попросила главу оживить фонарь около своего дома, шуточно пожаловалась на сорбк, растаскивающих с помойки отходы, почитала газетки. Получив пенсию и оплатив квитанции, она отправилась в магазин. Здесь тоже была невеликая очередь и те же разговоры. Раздухарившись, Татьяна Николаевна попросила отвесить ей два кусочка куриного галантина и полкило сыра, ещё высмотрела любимое печенье, мандарины и не смогла устоять перед ароматом копчёной скумбрии.

Пока ей всё это взвешивали, заворачивали, хлопала дверь, люди входили и выходили из магазина, здоровались, рассматривали товар, становились в очередь.

Татьяна Николаевна как раз завязывала пакетик, из которого торчал хвост скумбрии, когда над её ухом забубнил знакомый невнятный голос:

– Зачем, тёт Тань, плоху рыбу берѐшь? Я сѐдня свежих лещей наловил. Купи у меня!

Вадим Линков навис над ней, а она оторопела от неожиданности. В мыслях сразу вспыхнули события последних недель, зазвучала переписка с Женей, поплыл рыбный рыночный ряд, мелькнуло лицо Светланы Масловой...

Татьяна Николаевна ухватила Вадима за руку и ласково проговорила:

– Отвези-ка ты меня домой, а то набрала я тут товару – не унести. А там, глядишь, и рыбки у тебя куплю!

Вадим помог ей сесть в свой белый «Жигуль» и в мгновение ока доставил до дома. Распахнул перед Татьяной Николаевной багажник, в котором на расстеленной чёрной клеёнке были навалены свежевывловленные склизкие лещи и подлещики.

– Выбирай, тёт Тань, гли-ко, каки лапти! – довольно бубнил он. – В печку их. Кости-то и сопреют. Ешь-хвали!

– Ну, давай вот этого и... вон того, – показала Татьяна Николаевна, неотрывно раздумывая, как ей лучше начать разговор с так удачно подвернувшимся ей Линковым. – Да в избу зайти, у меня там безмен есть. Взвесим, и рассчитаюсь с тобой.

Она направилась в дом, следом резво запрыгнул Вадим, принёс сетку с продуктами и пакет с лещами.

Татьяна Николаевна протянула ему безмен, положила на стол названную сумму и, набрав в лёгкие побольше воздуха, выдохнула:

– Присядь, Вадим, мне с тобой поговорить нужно...

– Чо тако, тёт Тань? – напрягся Линков и почему-то протянул ей обратно купюры. – Я не дорого это. Сосед по триста берёт...

– Да я не о том вовсе, – ответила Татьяна Николаевна, сжав его руку с деньгами. – Ох, как и начать...

Она сама присела, а Вадим растерянно остался стоять.

– В общем, прости, если лезу не в своё дело, но я пообещала. С месяц назад мне ВКонтакте написал мальчик один, попросил тебя разыскать, потому что... потому что ты его отец.

Линков стянул с головы шапку и сел на табуретку у входной двери.

– А-а, – выдохнул он, – Женька. А я уже думал шо случилось.

– Так тебе известно о нём?! – воскликнула Татьяна Николаевна. – А я мучаюсь второй месяц, не знаю, как к разговору подступиться!

– Мужики летом доложили... – спокойно пояснил Вадим и шмыгнул оттаявшим носом. – Было дело... гульнул... не думал, шо она с пузом осталас... У меня жона, дочка. Куды я от их?

– А с парнем-то почему не общаешься?

– Да зачем это, тёт Тань? Шо уж топерь... Я его не ростил. Чужой он мне.

– Да как же это у вас, мужиков, так получается? – с досадой произнесла Татьяна Николаевна.

– Дак чо... как... – пожал плечами Лось и снова шмыгнул носом. – Гульнул по пьянке... дак чо...

– Телефон узнай, позвони хоть ему или напиши. Он ведь с меня спрашивает.

– Дак чо... об чём говорить-то? Оно мне надо?..

– Иди с глаз моих, – махнула она рукой.

Линков перешагнул порог, но вдруг остановился и, развернувшись в дверях, заискивающе произнёс:

– Моёй хоть не скажи, тёт Тань...

И поскорее слинял.

Татьяна Николаевна проследила в окно, как белый «Жигуль» поспешно свернул с её улицы в сторону церкви. Принесла дров, затопила русскую печь. Навела в тазу тёплой воды, плюхнула в неё лещей – так лучше чистить, не летит ничего по сторонам.

Она пальцами поддевала и легко снимала прозрачные кругляши чешуи со склизких рыббин. Из воды высунулась голова и теперь оттуда на неё пялился бессмысленный остановившийся глаз крупного леща. От этого мёртвого взгляда было как-то совсем тоскливо. Татьяна Николаевна надавила на рыбью голову и утопила её в воде.

Скутав печь и засунув в неё завёрнутых в фольгу лещей, она села к компьютеру и написала Жене Маслову три предложения:

«Извини, Женя, что долго не отвечала. Я всё выяснила: Вадим Линков не твой отец. Ты ошибся».

Готовых лещей она ела без аппетита, а остатки отнесла соседской собаке.

ПОЭЗИЯ

Лариса СБИТНЕВА

СТИХИ О ЛЮБВИ

Пойдём со мной по краю
осинового леса.
Я всё тебе прощаю,
сверчок,
дружок,
повеса!

Малиновые ветки,
оранжевые шишки...
А где-то бродит ветер,
стучит еле слышно.

Такой порой богаты
осенние растенья –
И вот зрачком заката
отмечен миг даренья.

И у реки уснувшей
просторно и прохладно.
А ты такой хороший!
А ты такой нескладный!

Прощально солнце светит,
раскрашивая лица.
Мне кажется:
мы – дети.
Мы собираем листья.

Про колыханье трав духмяных
и про рассвет на берегу
я расскажу тебе стихами,
а это значит – не солгу.

Они рождаются, как дыханье,
как тайна взгляда твоего.
Природа говорит стихами
светло и грустно. Отчего?

Они, как радуги рассвета,
в прозрачных капельках росы.
Беги! И не ищи ответа!
И объясненья не проси!

Тот, кто бродит в потёмках Вселенной –
он сегодня почувствовал, верно,
как орешек сердечка скрипел,
точно тесно ему в скорлупе.

Это, знать, по всему неспроста.
Гулко филин в лесу хохотал –
я то помню, что детские сны
до сих пор по ночам нам слышны.

Где-то близко – напротив или возле
голос выключили радиоле.
Только музыка, связочка нот,
неспроста родилась и поёт.

Свет вечерний зажжён неспроста,
неспроста загорелась звезда,
неспроста задрожала свеча,
неспроста так слеза горяча.

Это кто-то родной, безымянный
сочиняет сюжет долгожданный.
Я сажу в опустевшем доме
и не сплю, чтоб присниться ему.

До срока вызрела трава.
До срока ели отзвенели.
А мы с тобою не успели
сказать последние слова.

Была такая тишина!
И небо синью полыхало.
Река – прозрачная – сверкала
и вся светилась – до дна.

Лишь птица вскрикнула во сне –
и долго эхо голосило,
как будто боль его пронзила...
И что-то дрогнуло во мне.

Маюсь маем,
вспоминаю,
уезжаю,
оставляю
и тебя,
и жёлтый берег,
и засохшие цветы.
Не прощаюсь,
не прощаю,
ничего не обещаю.
Уезжаю,
хоть не знаю,
где живёт
такой,
как ты.

Живёт, как хочет – пьёт и пьёт,
печалится, когда печален.
Проснётся ночью и поёт,
раздвинув темноту плечами.

Ах, эта песня! Осень в ней,
крылатой шали паутинки,
болотный запах старых пней,
ходьбы хрустящие ботинки.

Там старый дом и старый сад,
и топят печь, когда светает.
Там листья ворохом лежат
и их никто не убирает.

Там тишина живёт бесцельно.
И в горле сдерживая дрожь,

к окну, как в маленькую церковь,
уйдёт он, вслушиваясь в дождь.

Из города дороги нет,
шершавый ветер в окна бьётся.
Последний кончился куплет.
Но всё поётся. Всё поётся...

ЛЮБОВЬ

Рассвет растекался по листьям,
дрожал у меня в волосах,
ласкал наши руки и лица,
и губы искал.

А солнце туманно светило,
травы обнимала и жгла.
И я тебя так любила!
И так берегла!

Александр МОРОЗОВ

КВОК

Повесть

– Барин, – по-стариковски шаркая ногами, вошёл в гостиную Филимон, – Алексей Михайлович.

Левое веко дремавшего в кресле Алексея Михайловича Чирова задрожало и медленно поднялось вверх, приоткрыв вопрошающий глаз.

– Ктой-то там к нам едет, с городу, – доложил дворецкий.

Веко опять закрылось. Несколько минут Алексей Михайлович колебался: очень уж хотелось ещё поспать – он хоть сам и был пехотным майором в отставке, но перенятый у моряков «адмиральский час» соблюдал свято. И всё-таки приличие требовало проснуться и встретить подъезжающих как подобает.

Чиров открыл глаза:

– Далеко?

– С большака уж свернули.

Алексей Михайлович потянулся и встал.

– Ладно, иди встречай. Да чтобы всё у меня по артикулу было! Ливрею смотри не забудь надеть! – крикнул он вслед отправившемуся выполнять приказание Филимону. И сам тем временем тоже поспешил переодеться: халат, хоть и дорогой, богатый, расшитый красиво, а всё-таки негоже встречать в нём гостей – неприлично.

Облачившись в сюртук, Чиров успокоился.

Жил Алексей Михайлович небедно, как-никак триста душ имел, но будние дни проводил просто, без церемоний – без соблюдения этикета и прочих там сложностей. Другое дело – когда гости, тут уж Чиров был щепетилен до мелочей, и не дай бог кому-нибудь оплошать. Гости, правда, наезжали не часто: боль-

ше по весне да к осени – поохотиться, иногда соседи навещали. Сам Алексей Михайлович тоже редко куда отлучался, особенно после того, как пять лет назад овдовел.

Господский дом Чировых – большое двухэтажное здание белого камня стояло на холме, окружённое хозяйственными постройками. У подножия холма, вдоль забора, росли вперемежку старые липы и вязы. Рядом же с самой усадьбой – только фруктовый сад, так что из окон гостиной, которая, по желанию барина, расположилась на втором этаже, видно всё далеко окрест, в том числе и ответвляющуюся от большака дорогу, петляющую сначала по полям и лишь при въезде на холм проходящую по аллее из таких же, как перед домом, старых лип.

Просушенный солнцем просёлок пылил под колёсами повозки, поэтому Алексей Михайлович без труда обнаружил её у последнего поворота перед усадьбой.

– Почтовая – значит, кто-то издалека: не сосед и даже не из города. Интересно – кто же это? Кому понадобился вдруг? – вглядываясь в подъезжающий открытый экипаж, ломал голову озабоченный хозяин. Не от расстройства или недовольства, а лишь одного любопытства ради. Гостей Чиров завсегда привечал.

Вот тройка подкатила к воротам, пропала на миг из вида и выскочила уже почти у самого подъезда. В тарантасе двое: молодой господин лет двадцати восьми – тридцати, чем-то отдалённо напоминающий самого Алексея Михайловича – такой же худой, высокий, с тонкими чертами лица, с густой каштановой шевелюрой, в отличие от майорской – значительно поредевшей и поседевшей; рядом с ним – полугосподского вида юный субъект, очевидно – лакей.

Филимон вышел навстречу гостям, поприветствовал господина, помог ему сойти с повозки. Махнул дворне, чтобы помогли разгрузить вещи. После чего пригласил приехавших в дом.

– Бог ты мой! Это же Андрей! Андрюшка – сын Ивана, – сообразил Алексей Михайлович, наблюдавший сцену встречи сбоку и сверху и поэтому не сразу признавший племянника.

– Андрей Иванович Чиров! – подтвердил его соображение вошедший с докладом дворецкий. Алексей Михайлович окинул слугу строгим, придирчивым взглядом, но ни в чём изъяну не нашёл: ливрея фиолетового цвета, расшитая серебряными позументами, белые штаны, чулки под цвет ливреи и башмаки с большими пряжками – всё аккуратно, строго, без лишнего франтовства.

– Да ясно, что Чиров. Ясно! Где же он, шельмец? Что же не идёт?!

И обрадованный дядюшка заторопился вниз, дабы облобызать любимого и единственного племянника.

– Андрюшенька! Милый! Здравствуй! – выговаривал он между поцелуями. – Каким же образом в наши палестины. Надолго ли?

– Недельки две погощу, а может и поболее. – Племянник, не видевший дядю лет десять, искренне обрадовался такому приёму.

– Как отец? Матушка?

– Здоровы все, передают вам привет, наилучшие пожелания и подарки, да ещё письмо от бабушки.

– Спасибо, спасибо, – рассыпался дядя ответными благодарностями. – Что же мы здесь стоим-то, проходи наверх, в кабинет. Помнишь ещё где?

– Помню.

– Вот и молодец! – одобрительно хлопнул Алексей Михайлович племянника по плечу, выбив при этом изрядную порцию пыли. – Экий ты, однако, Андрюшенька, пыльный весь. Но ничего...

– Филимон! – Барин повернул голову в сторону дворецкого. – Филимон, велика нам баньку скоренько приготовить.

Гость попытался было возразить, но Алексей Михайлович, взглянув на него с лукавым прищуром, подтвердил.

– Да-да, баньку непременно. Нечего тебе в лоханках бултыхаться.

Племянник понял, что сопротивление бесполезно.

– Значит, баньку да побыстрее, – продолжил Чиров указания дворецкому. – Потом пришли ко мне кухарку, я ей скажу, что на ужин приготовить. Вещи Андрей Ивановича снесите в комнату рядом с кабинетом.

Барин, прикинув, не забыл ли чего, ничего более не вспомнил и, отпуская, кивнул дворецкому.

– Всё.

Сам повернулся к племяннику.

– Пойдём, мил Андриюшенька, обскажешь мне про столичное ваше житьё-бытьё.

Чировы поднялись наверх. В кабинете дядя раскурил трубку, предложил и Андрею, благо есть из чего предложить – выбор богатый, но тот отказался.

– Так признайся всё-таки, как же это ты Парижи, Лондоны и Берлины на нашу глухомань променял? Али поиздержались родители немножко?

Алексей Михайлович расположился в своём кресле и жестом предложил племяннику другое.

– Да что особенного в Париже? Кокотки, шансоньетки, вино – этого добра и у нас хватает. Захотелось своего русского, исконного. Сейчас столько разговоров вокруг о русской деревне, о народе, о будущем державном...

– А чего же интересного в нашей деревне? Не Версаль...

– Ну как же, дядюшка, сейчас же вся просвещённая Россия кипит: так же больше жить нельзя, в такой дикости.

Алексей Михайлович вопросительно склонил голову набок.

– Русскому человеку нынче стыдно в приличном европейском обществе показаться – смотрят, как на варваров.

– Так уж и варваров?

– Так уж и варваров. Да мне самому недавно, в салоне мадам Люке, одна француженка полнейший конфуз устроила, – загорячился молодой Чиров, – я как раз о благородстве наших дворянок рассуждал: о доброте, милосердии. И вдруг одна из слу-

шавших меня мадмуазелек спрашивает, вроде как бы между прочим, не знаю ли я, как закончились осложнения у госпожи Щербаковой. А я про такую и не слышал.

Андрей Иванович разволновался, заново переживая ту ситуацию

– Мне бы так и сказать, а я постыдился своё незнание выказать. «По-моему, – говорю наугад, – всё закончилось благополучно». – «Выкормили, значит, щенков?» – не отстаёт мадмуазель. Я и брякни: «Да – выкормили, всё хорошо.» – «А что с ребёнком?» – не унимается француженка. Тут я ответить не решился и сказал, что не ведаю. А та как вскинется: «Всё вы ведаете! И что ребёночек умер – знаете! Но по-вашему – это нормально, вам до этого дела нет: главное – щенки живы». И с таким ещё ехидством спрашивает: «А сколько у вас самого душ?» Что после этого началось... мне чуть обструкцию не устроили, еле выкрутился. И это, ты учти – дома, в Петербурге, среди своих, а представь, что бы там у них, во Франции, к примеру, было бы.

– А что это за канитель такая – «щенки, ребёнок»? – поинтересовался Алексей Михайлович, в отличие от племянника ничуть рассказом не взволнованный.

Андрея дядино равнодушие удивило: не проявил тот ожидаемой им солидарности, и пояснения он давал с явной обидой и неохотой.

– У какой-то подмосковной помещицы Щербаковой, оказывается, сдохла любимая сука, а щенки остались. Так вот она – эта Щербакова заперла с ними девку дворовую, недавно родившую, кормилицей.

– Да, – неодобрительно покачал головой старший Чиров, – совсем с этими собаками с ума посходили. И добро бы хоть мужик был, а то – баба, «Диана подмосковная».

Дядюшкина реакция и вовсе Андрея Ивановича обескуражила, хотел было объясниться по сути, но... тут подоспела баня.

Баню отставной майор любил, со всеми традициями, атрибутами и прибабасами: веничками разными – берёзовыми,

дубовыми, можжевельными; травками – чабрецом, полынью да листочками эвкалиптовыми; со свойским пивком на каменку. И само собой разумеется – с девками банными.

Однако во время краткой своей беседы с племянником понял отставной майор, что засиделся он у себя в провинции, поотстал от жизни, поодичал, уловил Алексей Михайлович, во время того рассказа, нотку пока ему непонятную, а посему – поостерётся перед молодым родственником нараспашку расхристоваться: девок приказал убрать.

Весь остальной ритуал, вплоть до ныряния после парной в речку, несмотря на упорное сопротивление младшего, Чировы выполнили сполна.

После же бани, как и завещал великий генералиссимус: «Последние портянки продай, но выпей!» Ослушаться не посмели: суворовское правило для хозяина – закон.

По бокалу лафита – французского красного виноградно-го вина – поднимали уже на балконе. Распаренные, уставшие, в ожидании праздничного ужина, любовались раскинувшейся перед ними красотой.

Не раскалённое добела, а уже остывшее до красноты, подбирающееся к зубчатому лесному горизонту вечернее солнце грело мягко – не обжигая. И светило уже не в упор – сверху, а будто откуда-то сбоку – со стороны, размывая дневные контрастные краски, создавая полутона, оттенки, тени, добавляя глубины написанной природой картине. Природа как бы намекала, что лишь она одна является создателем шедевров, остальное – лишь копии, стремящиеся к оригиналу. Напоминала неназойливо – отдавала, ничего не требуя взамен. Окружающая красота не поражала, не покоряла, она растворяла в себе, создавала ощущение единства, общей гармонии. Темно-зеленые волны молодой ржи, перекатываясь, бежали от подножия холма к недалёким перелескам, и это неостанавливающееся движение завораживало, словно горящий огонь или неумолкающее ворчание прибора.

От созерцания и приобщения к вселенскому мирозданию вернул их к делам более прозаичным, но естественным Филимон, пригласивший господ в гостиную залу к ужину.

Здесь вселенная предстала совсем другой стороной своего многообразия и великолепия.

Больше они в этот вечер ничего иностранного не пили: ме- доуха – разной крепости; настойки, наливки – горькие, слад- кие: рябиновые, анисовые, калгановые, вишнёвые, малиновые, смородиновые; абсенты. И всё под разные закуски – разносолы. Чего только на этом столе не красовалось: дичь всевозможная – и перепела, и рябчики, и гусь с яблоками, и почки заячьи; мяс- ная снедь разная – языки, рубцы, балыки, колбасы, паштеты, рулеты, поросёнок, запечённый с кашей; рыба всяких видов – и караси жареные в сметане, и печень налимя, и щёки сомовые копчёные, судак жареный, судак маринованный...

– Осетрина у нас не водится, посему – чёрная икра привоз- ная, а остальное – своё: родное, здешнее. Икра вон – щучья, – указал Алексей Михайлович, – на мой вкус – ничуть не хуже.

– Целую артель, небось, содержите для создания этаких за- пасов? – полюбопытствовал восхищённый горожанин.

– Да нет, – стараясь скрыть довольство произведённым на гостя впечатлением, отвечивал хлебосольный хозя- ин. – Есть у меня мужичек, позже покажу, так народ бает, что он не только все птичьи, звериные и рыбьи повадки знает, но и язык их понимает. Вот он нас всем этим провиантом и обе- спечивает, а жена его – напитками разными, диковинными. Вот попробуй настоечку – имбирную... Да грибочком закуси...

И дядя налил из баклажки очередную стопочку племяннику.

Грибчиков всяких на столе немерено: тут тебе и грузди бе- лые, и чёрные, рыжики, маслята маринованные, боровые, вся- кие. Не сразу и угадаешь, который подцепить.

А ещё огурчики, капуста квашеная и с хреном, и клюков- кой, брусничкой. Зелень огородная насыпью. Горками ковриги, калачи, пироги, булки.

Всего и не перечесть.

Дядюшка с середины трапезы ударился в воспоминания: совсем ещё юнцом довелось ему участвовать в швейцарском походе Суворова. Кампания та закончилась для российской армии неудачно, а для самого Александра Васильевича и вовсе трагедией: по возвращении на родину попал он под царскую опалу, тяжело заболел и умер в одиночестве, покинутый всеми сподвижниками и друзьями, кроме поэта Державина, написавшего эпитафию на его надгробье.

Однако в памяти людской, а особенно – воинства своего остался он навечно кумиром и незыблемым авторитетом.

Алексей Михайлович тогда, вместе с тысячами других, в плен попал к французам. Около года обретался в неволе, пока Наполеон их под честное слово не отправил обратно в Россию.

Зато в первый раз увидел Париж, побродил по его улицам и к лафиту пристрастился.

– У нас дворцы и фонтаны не хуже... – безапелляционно заявил бывший майор. Главной его гордостью всю жизнь оставалось приобщение к ореолу славы великого полководца, в армии которого, пусть недолго, но всё же довелось ему сражаться.

– Александр Васильевич во всём любил строгий воинский порядок, у себя в имении для крепостных такой обычай завёл: как только парням и девкам по восемнадцать лет исполнится, он их строит: «на первый-второй – рассчитайсь» и в церковь – венчаться. Причём каждой паре молодых выделял аж по червонцу для обзаведения хозяйством – широкой русской души человек, отец-благодетель. Я с него стараюсь во всём пример брать. А насчёт выпить-закусить, как видишь, французишкам этим до нас далеко – не угнаться.

Сей патриотический постулат был беспорен.

В связи с затянувшимися посиделками пробудился Андрей Иванович на следующее утро поздно. Поворочавшись с боку на бок, попытался ещё подремать, но – то ли солнышко слишком ярко в окно светило, то ли в голове после вчерашнего черезчур шумело, а пуще всего – пить ужасно хотелось, в ито-

ге – заснуть больше не удалось. Хотел было позвать слугу, но где того разместили, не знал и потому кричать постеснялся. Зато стоило ему выйти из спальни, как тут же столкнулся с дядюшкой, будто поджидавшего его у дверей.

– Поднялся уже? Как спалось?

– Спасибо, хорошо.

– Филимон! – зычно, словно на плацу гаркнул бывший майор. – Позови лакея барину. Да дай ему кружку для кваса побольше – пусть принесёт.

Вытянувшись в струнку, Филимон выслушал приказание и отправился вниз, а Алексей Михайлович задержался около племянника, брови его сурово насупились.

– Прочитал я письмо отца твоего, моего брата Ивана Михайловича, и очень оно меня расстроило: никогда ещё среди Чировых такого конфуза не бывало. И по военной службе числились, и по гражданской, но всегда царю-батюшке и Отчизне верой-правдой служили. А ты что же – в вольтерьянцы подался?

– Да какие вольтерьянцы, дядюшка?! – попытался возразить младший отпрыск славного рода Чировых.

Но дядя, замахав руками, и слушать его не стал.

– И не надо, не надо, и не говори, и не объясняй. По мне разницы никакой: что вольтерьянцы, что масоны, что писаки-щелкопёры, по мне – всё едино: бунтовщики и смутьяны.

– При чём тут масоны и бунтовщики?! – взмолился молодой барин, к физическим мучениям которого, совсем некстати, добавилась вдруг эта дядюшкина эскапада.

Страдание это столь явно отразилось на его лице, что негодующий пыл Алексея Михайловича разом угас: дядя тяжело вздохнул и успокоился.

– Ладно – артикул нарушать не будем, – переменялся он в лице. – Умывайся, одевайся и спускайся к столу. Угощаться, не обессудь, тебе придётся одному: встаю я по-стариковски рано и с завтраком, по армейской привычке, тянуть не привык. После трапезы покажу тебе своё хозяйство, а о затее твоей позже поговорим, с утра-то – забот много.

Тут появился Алёшка, лакей Андрея Ивановича, в одной руке он нёс здоровенную деревянную кружку, сразу же приво-
вавшую внимание молодого барина, на другой висело господ-
ское платье, начищенное и отутюженное. Дядя, на прощание
похлопав племянника по плечу, ушёл, а тот тут же с нетерпе-
нием выхватил кружку из рук слуги и с вожделением припал
к ней, будто пустынный странник.

Квас холодный, видно, только что из ледника, с приятной
кислинкой, но не кислый, тёк по пересохшему, жаждущему гор-
лу почти без задержек: барин вроде бы и не глотал, а просто
лил его в себя, заливая пышущий внутри пожар. Не мудрено,
что кружка опустела в мгновение ока.

– Ещё, барин? – услужливо склонился Алёшка.

Вторая кружка шла уже с толком, с расстановкой, даже ме-
довый привкус почувствовался.

– Вот теперь – совсем другое дело, – повеселел Андрей Ива-
нович, – теперь можно и позавтракать. Тащи, Алёшка, воду –
умываться.

– Не извольте беспокоиться, барин, всё уже готово.

Отзавтракав, Андрей Иванович вышел во внутренний
двор, и снова ему не пришлось разыскивать дядю – Алексей
Михайлович, стоя посреди построек, громко распекал за что-то
управляющего. Увидев племянника, он ещё несколько сердитых
слов выговорил, потом управляющего отослал, а сам заспешил
навстречу родственнику.

– Я гляжу, ты весь в заботах! – выразил своё восхищение
младший Чирков.

– А как же иначе: не встанешь рано, не заставишь, так ведь
ничего и делать не будут. Да мало того, что не будут, так они ещё
и твоё украдут. Поэтому – если не хочешь по миру пойти – по-
глядывай. Так-то вот, племянничек.

Алексей Михайлович явно гордился своей хозяйской хваткой.

– Оно, конечно, с диванов столичных, да и в парижских
салунах, мы – русские помещики, может, и кажемся злодеями-

душегубами бессердечными, а только невдомёк всем этим мадам-муазелям, что это мы всю Россию-матушку кормим, да и Париж – в придачу. И, кстати, мужика, за которого вы в этих салонах печётесь – тоже. Русский мужик, Андриюшенька, – Чиров назидательно поднял вверх толстую суковатую палку, что держал в руке, – не чета французскому, тем паче немецкому. Русский мужик дисциплины не любит и к порядку приучается плохо, того не понимая, что ему от этого порядка только выгода. Ты попробуй за ним не угляди, так он с утра напьётся как свинья и начнёт или песни орать, или драться, а чтоб на работу самому пойти – ни-ни. Хуже всякой скотины: та хоть, когда жрать захочется, она встанет и пойдёт добывать, а этот – сдохнет, но не пошевелится.

– Да будет вам, дядюшка, так ли уж и плох наш русский мужик? Вон какие чудо-богатыри в двенадцатом году сыскались.

– Я ж и говорю: подраться да пограбить они охочи...

Под эти разговоры они обошли всё подворье и в завершение экскурсии спустились к реке, в беседку. Маршрут явно повседневный, потому как тут же появилась дворовая девка с самоваром и пирогами. И длинная коса, и чёрные брови, и тонкий девичий стан не остались без внимания младшего Чирова.

– Что – хороша? – заметил дядя Андриюшин интерес.

Племянник неопределённо пожал плечами.

– Вот этим, – кивнул Алексей Михайлович в сторону девицы, – настоящий дворянин в твоём возрасте и должен интересоваться: девки, лошади, охота, кроме службы и карьеры, конечно, а не...

Барин остановил руку девушки, разливающей чай по чашкам.

– Поди пока. Мы тут сами управимся. Да скажи Сидору, чтоб мне Михрютку быстренько нашёл.

И после того, как та отошла, закончил фразу:

– А не политикой.

Подавал чашку племяннику.

– Стыдоба.

– Да что вы, право, дядюшка, – приняв чай, с раздражением отвечив тот, – заладили вместе с папенькой: «Политика, политика...», ни в какую политику я не лезу и ничуть ей не интересуюсь.

– Но как же? – откусив расстегая, возмутился Алексей Михайлович, но спокойно – без утренней экспрессии. – В письме отцовском писано: «...намеревается сотрудничать с публицистическими журналами».

– Правильно, – согласился племянник и тоже потянулся за пирогом, – только журналы эти вполне цензурные и печатаются в них такие же помещики – дворяне, как и вы: Тургенев Иван Сергеевич, Некрасов Николай Александрович, сейчас появился новый автор – Толстой Лев Николаевич, тот и вовсе – граф.

Заинтересованный хозяин дома отложил недоеденный пирог в сторону.

– С давних пор, ещё с ломоносовских и державинских од, царствующие фамилии к плитам благоволили. Пушкина Александра Сергеевича взял себе на содержание сам самодержец, а после смерти одного и всю его семью.

Племянник с дядей поменялись ролями: теперь младший наставлял старшего.

– И что же в тех журналах печатают?

Чувствовалось в вопросе скрытое недоверие.

– Разное: стихи, поэмы, рассказы, романы. Тургенев, к примеру, из матушкиной жизни историю поведал, инкогнито, разумеется. В ней немому крепостному пришлось собачку свою по приказу барыни утопить: обе столицы и пол-Европы рыдали.

Некрасов рассказал, как другой крестьянин – Дед Мазай зайцев в половодье спасал.

Толстой в «Севастопольских рассказах» о героях Крымской войны повествует. Много о любви, о природе...

– И что же – за это деньги платят?

Недоверия в голосе не убавилось.

Андрей Иванович решил изменить тактику и перейти в наступление.

– А вот у вас, дядя, каков годовой доход с имения?

Алексей Михайлович, считавший себя вполне успешным помещиком, не без гордости ответил:

– Три тысячи рубликов имею гарантированно, в иной – плодородный год и поболее.

Племянник, выдержав паузу для эффективности, огласил:

– Пушкин за поэму «Евгений Онегин» получил 12 000 рублей, Толстому как начинающему автору платят по 200 рублей за печатный лист, Тургеневу – 300–400, а Некрасову, говорят, ещё больше.

Дядя, услышав цифры, сравнил вслух: двести рублей – хорошая лошадь-ломовик стоит, а за четыреста я недавно кузнеца купил.

Пока старший Чиров проводил в голове дополнительные пересчёты, младший разбрасывал семена на вспаханную ниву.

– Мне до сих сочинителей далеко: и таланта не хватает, и жизненного багажа, а посему я решил пойти другим путём: заняться бытописанием, репортажами, причём не просто эпистолярно, а с иллюстрациями – фотоснимками, более эпически. Для осуществления сего замысла привёз я из Берлина фотографическую камеру: аппарат, в котором с помощью специальных пластин запечатлевается изображение. Хотел ещё вчера похвастаться, да как-то не пришлось. Маман и папа настоятельно просили меня сделать ваш портрет.

У Алексея Михайловича, давно уже позабывшего про чай с плюшками, тревога от сердца немного отлегла, но сомнения остались: «Чего же это Иван-то так всполошился – на первый взгляд, ничего дурного не видеть».

– А скажи-ка мне, мой милый друг, честно – как на духу, так ли всё благостно в этих журналах, никакого вольтерьянства и якобинства вовсе нет?

Прищуренные дядины глаза лукаво улыбались, но смотрели пристально.

Гость невольно заёрзал под этим взглядом и покраснел, словно попавшийся на плутовстве мальчишка, почувствовав это, соврать уже не решился, но всё-таки нашёлся, что ответить.

– Это ж как посмотреть, дядюшка. Если захотеть, то и в «Золотом петушке» можно крамолу сыскать. У меня мечты и мысли не о том: хочется мне по другим, дальним странам поездить, про их житьё-бытьё написать. Про здешний же репортаж можете и вовсе не волноваться: перед тем как эпистолу свою отправлять, я вам её для одобрения покажу, коль оно не получу, то и отсылать не буду.

С ответом племянник угадал, а пуще того – с предложением, Алексей Михайлович в отношении него успокоился окончательно, но вопросы продолжал задавать.

– Стало быть есть такие, которые по-другому смотрят?

– И немало, – подтвердил столичный гость. – Сейчас большое брожение умов идёт: отстаём мы от передовой Европы, догонять надо – множество заводов, фабрик строить, железных дорог, пароходов. А для этого люди нужны – рабочие. Где их взять? Из деревни, из крестьян, а они все в крепости. Идея об их освобождении ещё в начале века витала, но тогда – после победы над Бонапартом – решили, что у нас и так всё хорошо – правильно. Теперь же, после Крымской конфузии, волну опять подняли.

– А не боятся там, у вас – в столице, что после нас – помещиков, она и новоявленных фабрикантов, и заводчиков сметёт, а то и вовсе – всех?

– О столь дальней перспективе никто не думает, все думают сегодняшним днём.

Этот родственный разговор на столь щекотливую тему забрался уже так далеко, что пора было остановиться, и оба Чирова это почувствовали.

– Пойдёмте, дядюшка, я вам лучше фотокамеру покажу, – предложил младший.

– Пойдём, – согласился Алексей Михайлович. – Чай, всё одно, остыл, да и обедать скоро.

Они поднялись из-за стола и не спеша направились от реки к господскому дому. Уже на подходе заметил барин в конце хозяйственного двора двоих мужиков.

– Погоди-ка, Андрюшенька, – остановил он племянника. – Видишь вон ту парочку? – указал он рукой на крестьян. – Огромный мужичина, кривоногий – это Сидор, за управляющего у меня – ты его знаешь, а второй – которого он постоянно в шею тыкает, тот – Михрютка. По записи-то он – Михай, но как в детстве худосочным заморышем был, так и повелось – Михрютка да Михрютка. К взрослости в кость тоже не пошёл, однако на медведя один ходил.

Между тем Сидор и сопровождаемый им мужик, увидев господ, повернули в сторону Чировых.

– И заметь, что Сидор – такой же крепостной и в тычки гнать Михрютку я ему вовсе не велел, а приказал спокойно того ко мне доставить. Вот и представь, если он над своим братом-крестьянином ради ничего изгаляется, то что он с тобой и со мной сделает. Дай ему волю – зарежет и не поморщится.

Крестьянская процессия тем временем добралась до господ. Остановились, сняли шапки, поклонились. Михрютка при более близком рассмотрении молодого барина очаровал совершенно: стройный, сухощавый, лицо херувима с большущими голубыми глазами и белокурая шевелюра – вылитый Лель из русской сказки, хоть сейчас на репортёрскую фотографию, сельская идиллия-пастораль.

– Еле нашёл, – доложил Сидор. – И ишо упирается – идти не хочет: будто установленный порядок не для всех писан.

Алексей Михайлович, пропустив сентенцию управляющего, изрёк, видимо, заранее заготовленную для племянника фразу. – Это и есть, Андрюшенька, поставщик дичи и рыбы к нашему столу, про которого я тебе давеча говорил. Кличут его Михеем или Михрюткой, как кому сподобится. С завтрашнего дня поступает в полное твоё владение: он тебе все и охотничьи, и рыбные угодыя укажет и поможет, заместо егеря.

– Понял приказание, Михрютка? – посмотрел майор на крестьянина.

– Мне б немного погодить, барин, – нахмурясь, потупившись, с мольбой в голосе выдавил в ответ крепостной.

– Что значит – «погодить»?! – опешил Чиров. – Своевольничать вздумал?!

– Настёна у меня на сносях: вот-вот рожать должна. Бабка Аграфена, повитуха из Пестенок, сказывает: ребёнок неправильно лежит – помогать надо. Лучше бы к фельдшеру свозить. А управляющий лошади не даёт.

Оправдывавшийся Михей тут же получил господский ответ.

– Не барыня по фельдшерам ездить: сама родит – не впервой. За повитухой сынишку пошлешь – он у вас сообразительный.

– От Пестенок – три версты, пока она оттуда приковыляет... Смилуйся, барин, – опустил ся егерь на колени.

Но Чиров был неумолим:

– Не доводи до греха, Михрютка! Завтра поутру чтоб был на подворье, иначе – в батоги.

И, подхватив под руку племянника, удалился в дом.

– Такая она, Андрюшенька, жизнь наша помещичья, все их заботы, хлопоты на наших плечах: и роды, и похороны, и прочая жизненная суета – тяжело. Но они этого не понимают, они думают – это легко, просто.

Младший Чиров не спорил, он уже мысленно создавал в голове экспозицию из завтрашней утренней фотосъёмки.

Войдя в дом, они прошли наверх – в дядюшкин кабинет, Алёшка принёс туда кофр с фотокамерой. И Андрей Иванович с полчаса рассказывал дяде о принципе фотографии вообще и об устройстве фотоаппарата – в частности. По окончании лекции стоворились поутру завтрашнего дня сделать снимок для портрета Алексея Михайловича, а также общие фото барина с крестьянами. После перешли в гостиную – отобедали. Обед – поскромнее вчерашнего ужина, но всё одно – разносо-

лов и угощений – предостаточно. Далее, по традиции – у хозяйина «адмиральский час», Андрей Иванович, дабы не болтаться без дела одному, решил последовать дядиному примеру. Однако едва он успел раздеться и забраться под одеяло, как в дверь кто-то поскрёбся, потом та слегка приотворилась, и в образовавшийся просвет просунулась девичья голова недавней прислужницы за чаем.

– Чего тебе? – негромко поинтересовался молодой Чиров, – Заходи.

Девушка змейкой скользнула внутрь, притворив дверь за собою.

– Аглаей меня кличут, барин меня к вам в услужение направил, говорит, что понравилась будто вам! – Она в нерешительности переминалась с ноги на ногу у порога. – Так мне сейчас услужить али опосля – к ночи ближе?

Последний раз в этой усадьбе Андрей побывал в далёком мальчишестве, вместе с батюшкой и матушкой своими. Тогда, разумеется, об услугах такого рода речи не заходило. Было ли сие в заводе у местных помещиков или дядя решил устроить племяннику эксклюзив, Андрюша не ведал. Впрочем – особой роли это не играло: человек он молодой, неженатый.

– Чего ж ночи-то дожидаться? Давай – ныряй.

И, приглашающе, откинул край одеяла.

Девушка, скинув обувь, на цыпочках перебежала комнату, по ходу сбросила на висящую на стуле Андреевскую одежду са-рафан и юркнула в господскую кровать.

В свои двадцать восемь лет Андрей Чиров имел довольно солидный опыт в общении с женским полом. Он не считался гулякой, завсегдатаем парижских, берлинских и лондонских борделей, но и стороной их не обходил. Кроме французенок, немок и англичанок числились в его коллекции и чешки, полячки, итальянки, даже негритянка и креолка. Все они разительно отличались по виду, манерам и темпераменту, но объединялись одним: ты – очередной клиент. Тебе нужно удовлетворить свою плотскую похоть, им – заработать свою мзду. В зависимости

от наличия времени, денег и желания, работа могла выполняться быстро, могла – долго, со всякими причудами и изысками. Среди этих жриц любви встречались огромные таланты: актрисы, очень убедительно изображавшие пылкую страсть. Но, как бы они ни играли: фальшиво или блестяще, он всегда если не чувствовал, то знал, что это купленное, оплаченное действо. Впрочем – туда и шли не за иллюзиями.

Безусловно, имелся опыт и совсем другого рода: и пылкая юношеская влюблённость, и глубокое чувство в зрелости. Но для развития серьёзных отношений сложностей возникало гораздо больше: кроме денег, имело значение положение в обществе – требовалось сыскать ровню. К тому же мечталось, что избранница будет не только красива, но и умна. К сожалению, такой гармонии для Андрея Ивановича пока не обнаружилось: или он им не подходил, либо они ему.

Запрыгнувшая к нему в постель Глаша ни под какие категории не попадала. Несомненно созревшая для взрослой жизни молодница, разрываемая естественной природной потребностью, едва коснувшись обнажённого мужского тела, вспыхнула жарким огнём желания и мгновенно зажгла ответное пламя, не пыхнувшее порохом, а разгоревшееся тугим, стойким, могучим огнём.

Он и она – оба они купались в этом пожаре наслаждений, почти позабыв обо всём на свете, и, безусловно, всполошили бы весь дом своими стонами, не сдерживай себя через силу Андрей и не прикрывай своей ладонью рот потерявшей себя от неиспытанного доселе блаженства Аглае. Выплеснувшись без остатка, измождённые упали и заснули.

Первой очнулась Глаша, соскочила с кровати, натянула сарафан и, не шлёпая, остерегаясь – на носочках, прокралась к двери, обернулась, встретилась взглядом с глазами молодого барчука, с трудом сумевшего оторвать голову от подушки.

– Так мне в ночь-то приходиться? Али как?

– Конечно, – едва смог вымолвить тот и обессиленно рухнул обратно.

Вечер прошёл в подготовке к завтрашнему фотографированию. И сам владелец поместья, домашняя челядь и дворовые доставали из сундуков и приводили в надлежащий вид свои лучшие, праздничные наряды.

Майора для портрета планировалось запечатлеть в гостинном зале в парадном мундире при всех регалиях и на общем снимке барина с крестьянами – на фоне парадного подъезда и в цивильном облике.

Ужин прошёл гораздо скромнее вчерашнего, особенно – в отношении количества вина. И спать улеглись раньше обычного.

В доме давно уже всё стихло, и снаружи тоже, лишь изредка стукнет колотушка сторожа. Чиров, прислушиваясь, ждал прихода Аглаи. Наконец послышался чуть уловимый шорох, лёгкий скрип двери, пропустившей беззвучную тень вовнутрь. Прошелестела сбрасываемая одежда, девичья рука нашарила край одеяла, приподняла его. И Андрей с вожделением вновь ощутил трепетное горячее женское тело. Всё закружилось с прежней силой – будто и не прерывалось: объятья, поцелуи, ласки... Никто из них не смог бы сказать, как долго это безумство продолжалось. Они пили и пили без усталости божественный напиток из сосуда любви, казалось, что он бездонный, но всё же чаша наконец иссякла – Эросу требовалось время, чтобы наполнить её вновь.

Впервые за два свидания они просто лежали.

– Получается – я у тебя первый? – задал Андрюша вопрос, терзавший его весь остаток дня.

Он не видел её лица, но почему-то догадался, что она улыбнулась.

– Не совсем...

– Как это – «не совсем»? Так не бывает.

– Бывает, – вздохнула Глаша. – По весне приезжал к барину граф, поохотиться. На ночь хозяин меня к нему и наладил. Не знаю: по просьбе или гостеприимства ради. Только граф-то уже

старенький: на охоте подустал, да винца прилично употребил, по мужской части и вышла у него осечка. Слыхала я от баб дворовых, что такое бывает. Дал он мне медный грошик и велел строго-настрого никому не рассказывать ничего. А кому мне рассказывать? Барину, что ли? Он меня ни о чём и не спрашивал. Вот теперь и решай: первый ты у меня или не совсем.

Ушла Аглая под утро.

Наступивший день прошёл строго по задуманному: и портрет отсняли, и коллективное фото, и ещё несколько снимков для репортажа. Единственным тёмным пятном, испортившим благостную картину, явилось появление в усадьбе Михрютки: снова ползал на коленях, выпрашивая у барина лошадь для поездки к фельдшеру. Но управляющий однозначно заявил Алексею Михайловичу, что свободных лошадей нет, да и самому Михею надобно бы делом заниматься, а не бить баклуши и не раскатывать не пойми где и не пойми зачем.

Хозяин Сидора поддержал: велел егерю назавтра устроить для молодого барина охоту, после чего Михрютку чуть ли не в пинки погнали со двора, дабы не мешал и не портил идиллию.

Положа руку на сердце, младший Чиров Михею сочувствовал. Чем вызвана крайняя суровость дяди и явная озлобленность управляющего, он не понимал. Да и не верилось почему-то, что в столь крепком хозяйстве нельзя сыскать какую-нибудь захудаленькую лошадеёнку на полдня. Вспомнилось, как по приезде, за ужином дядюшка своего ловчего, бортника, егеря и рыбака в одном лице и всё его семейство расхваливал и благодарил за усердную службу, а тут – такая метаморфоза.

Объяснила её Аглая. Она теперь, кроме роли любовницы-наложницы, взяла себе за труд молодого барина в делах помещичьих просвещать, бытие разъяснять местное.

– История эта – простая: несколько лет тому назад приглядел Сидор себе в невесты Настасью, ей тогда, аккурат как мне сейчас – осьмнадцать исполнилось. И барин, вопреки незыбле-

тому суворовскому правилу – самому пары молодых назначать, вроде бы согласие своё обещал. Оставалось осени дожждаться: венчают-то крепостных у нас два раза в год – весной и осенью.

Настя как-то про это прознала и к госпоже, покойной Авдотье Степановне – заступнице своей и покровительнице за милостью обратилась. Тётя твоя тогда уже шибко хворала, лекарства фельдшерские, да и уездного доктора, ей почти не помогали, а вот капельки из Настасьиных отваров и вытяжек боли снимали, отпускало сердешную. У Насти-то в роду все знахарки-травницы, они и с Михеем-то с детских лет вместе по лесам и лугам шастали – одной-то страшновато поди.

Авдотья Степановна в дела мужнины никогда не встревала, тем паче – не перечила, но отказать жене, находящейся на предсмертном одре, Алексей Михайлович не смог: по осени обвенчали Настю с Михеем. Оно, конечно, обещание, данное крепостному, для барина – ничто, пустяк. Но что-то в тот раз в голове господина нашего, бывшего высокопревосходительства майора, будто занозой застряло: в случае любого, даже пустяшного спора Михея и Сидора барин неизменно, и не раздумывая, встаёт на сторону последнего.

Помолчав, рассказчица добавила зачем-то:

– А управляющий, кстати, по сей день бобылём ходит.

На следующее утро встать пришлось рано – на заре. Быстренько слегка перекусив, Андрей Иванович с помощью Алёшки облачился в охотничий камзол зелёного цвета, натянул сапоги с высокими ботфортами, патронташ, ягдаш, дробовик, дядюшкой презентованный, на голову немецкую охотничью шляпу с пером и красивой металлической пружкой.

Охотник – на загляденье, хоть сейчас на обложку журнала.

Ожидавший его на дворе Михей одет был, в отличие от барина – скромно, даже черезчур: холщовая рубаха, такие же порты, бечёвкой подпоясанные, да лапотки короткие – вот и вся одежда.

– Они что у тебя – не промокают? – кивнул охотник на обувь егеря.

– Пошто – не промокают? Вода затекла, вода вытекла – не зима. Лучше бы – вообще босым, да ногу боюсь проколоть.

– А что же ты даже без ружья, на охоту?

– Какая нынче охота? Вся живность приплод, только что появившийся, выкармливает: бить её сейчас – грех. Уж коли в дому сидеть скучно, можно было на озеро, за карасём отправиться – душу отвести. Либо на реку – сом зашевелился.

Такого оборота дела новоиспечённый столичный журналист, радетьель природы русской, никак не ожидал.

– И придумать ничего нельзя? – приоткрыл он калитку для компромисса.

Крестьянин впервые взглянул ему в лицо, внимательно посмотрел – оценивающе.

– Попробуем.

И махнул рукой, предлагая барчуку следовать за ним.

Они спустились к реке и по едва заметной тропинке зашагали по берегу, двигаясь вниз по течению. Версты через полторы дошли до большой луки, река делала здесь плавный поворот.

– Видишь, барин, островок? – указал рукой проводник.

– Зови меня Андреем Ивановичем, – подсказал Чиров.

Михей мотнул головой, соглашаясь.

– Русло от него идёт слева, а справа начинается от этого именно места, где мы стоим, мель: самое глубокое – по колено. От островка до берега – заливина, полой и камыши. Ты сейчас осторожно пробираешься на остров и там – замираешь, а я – обхожу луку берегом, стороной и аккуратно шумну из камышей на тебя уток. Смотри внимательно: они с утятами далеко на открытую воду выплывать не будут и на крыло не поднимутся. Выстрелишь – затаись: дай успокоиться. Добычу забирать сразу не надо: течения здесь нет – опосля соберём.

Получив столь подробный инструктаж, Чиров спустился в воду.

– В самом деле – мелко.

Михей на берегу поднял руку, призывая к вниманию.

– И бей только селезней. От уток отличаешь?

– Да, – подтвердил охотник, – головки крашенные.
Успокоенный егерь скрылся в зарослях.

Не спеша, с опаской Чиров перебрался через протоку. Ступив на твёрдую землю, осмотрелся, нашёл местечко поудобней: под невысокой ольхой – и самого листа скрывает, и ветка как раз на уровне глаз растёт – удобно ствол ружья положить. Урез камыша просматривался хорошо: до самого дальнего угла сажень пятнадцать. Уток пока не видно, кругом – тихо, умиротворённо.

Он почти задремал, когда глаз уловил какое-то движение, плёночка сна тут же испарилась. Справа из-под самого берега показалась крупная кряква и несколько сереньких комочков утят в кильватере, чуть погодя обозначился ещё выводок. Оба семейства усердно кормились, постоянно опуская клювики под воду, изредка ныряя. Наконец объявился и селезень с ярко-зелёной шапочкой на голове и такими же отливами на крыльях. Какое-то время он плавал в общей стайке, потом решил поискать что-то в стороне. Тут его и настиг выстрел охотника. От хлопка взрослые утки встрепенулись: одна – нырнула, другая – хотела взлететь, но тут же опустилась на воду; вернулись к семействам и скрылись в камышах.

Больше Андрей Иванович не дремал: с разной интенсивностью выводки и селезни появлялись то тут, то там, но в общем направлении – удаляясь к левому дальнему углу заливины, согласно движению загонщика.

Стрельба несложная: это тебе не навскидку, из качающейся лодки, влёт, да на пределе дальности, здесь: стоя на твёрдой земле, с упора, по медленно плавающей цели – проще; Андрей ни разу промаха не дал. Некоторые селезни после выстрела замирали сразу, какие-то перед этим чертили крыльями круги на воде, но уплывших или улетевших подранков не случилось. Для давненько не бывавшего на охоте человека – везенье редкое, естественно – приятное и раззадоривающее всё больше и больше.

Высматривая очередную добычу, и именно поэтому, скорее всего, Чиров не сразу понял, что же такое появилось вдруг из тростниковых дебрей, как раз по середине дуги. Что-то большое: или – коряга, или – бревно. Сперва оно остановилось на границе открытой воды, но затем двинулось напрямик к острову охотника. Теперь над водой отчетливо выделась голова и мохнатый загривок.

– Кабан!

Зверь явно сворачивать не собирался, местами он, видимо, шёл по дну, местами – плыл, не спеша, но довольно скоро приближаясь к намеченной им цели. Уже явственно различались торчащие по краям морды страшные изогнутые клыки вепря. И, как казалось охотнику, его маленькие, налитые кровью от бешенства глазки насквозь буравили стоявшего перед ним врага.

Дрожащие пальцы Андрея второпях тщетно пытались выковырить из патронташа нужный патрон. Кроме точного выстрела пулей в упор, другого пути к спасению однозначно не было. На худой конец, можно бросить всё и кинуться вплавь в реку, но – плавать, к своему несчастью, Андрей Иванович вовсе не умел.

Патрон всё-таки поддался наконец, вставив его в ствол, охотник нашёл зверя взглядом. И в это время луч поднявшегося над дальним лесом солнышка, попав на красивую бляху чировской шляпы, вспыхнул, зацепившись за неё, и заплясал там солнечным зайчиком.

Ошарашенный кабан застыл на месте, через миг скакнул вертикально вверх, почти полностью выпрыгнув из воды, круто развернулся и опрометью кинулся вдоль островка. В том самом месте, где Андрюша спускался, выскочил на берег и в мгновение ока скрылся из виду.

Всё это произошло настолько неожиданно и быстро, что охотник даже выстрелить вслед ему не успел.

Некоторое время Андрею Ивановичу потребовалось, чтобы прийти в себя, что подарило нескольким гордым селезням спасение: успели и на водной глади поплескаться, и убраться восвояси.

Окончательно успокоившись, Чиров вновь перезарядил ружьё и вернулся к утиному промыслу. Ещё несколько точных выстрелов принесли ему новую удачу. По подсчётам Андрея около десятка подстреленных, довольно приличных экземпляров дожидались уже сейчас окончания пальбы.

– Вполне достойный результат, и снимки бесподобно получаются...

Остывающий охотничий азарт плавно перетекал в репортёрский.

Солнце поднялось ещё выше. Судя по всему, охота заканчивалась: новые утиные семейства больше не показывались, и на берегу вот-вот должен был появиться Михей, самое время разрядить оружие и отправиться собирать добычу.

И тут из дальних камышовых зарослей медленно, грациозно и величаво, превосходя все возможные ожидания, выплыли два огромных белых гуся.

– Нет – это не гуси, это – лебеди.

Как их различать, охотник не знал, да и не собирался он во все этого делать.

– Лебедь – это фантастический трофей, приз.

Сделав небольшой вольт по открытой воде, царь-птицы развернулись обратно к камышам. Стрелок старательно прицелился было в первого – который покрупней, но опоздал, пришлось бить второго. Взмахнув крыльями, птица попыталась взлететь, но полученный заряд дробы не позволил, ткнулась головой вперёд и так, с распростёртыми крыльями и легла на воду, даже не трепыхнувшись, в отличие от некоторых селезней.

– Попал!! – возликовала душа стрелка.

Чиров, более не таясь, выскочил из засидки и, поднимая кучу брызг, заторопился к последней удаче. Оступился, упал, едва не утопил ружьё. Очухался, пришёл в ум и уже без суеты побрёл по мелководью.

Он как раз взял довольно тяжёлую птицу в руки, когда появился Михей с угрюмым, озабоченным лицом, подошёл

к охотнику, развернул птичью голову к себе, взглянул на клюв, горестно вздохнул, проведя рукой по атласному пуху шеи.

– Лебёдушка... Как её сюда занесло? Не бывало никогда прежде... Бают, что лебеди в одиночку не живут... и лебедяткам теперь конец. Одним выстрелом целое семейство сгубили. – Печально покачал головой.

Говорил егерь негромко и вроде как бы в сторону, однако довольно внятно. Конечно, следовало урезонить, отчитать, поставить на место зарвавшегося крепостного, но портить прекрасное, праздничное настроение не захотелось – Андрей сделал вид, что ничего не расслышал.

Снимков по результатам охоты пришлось сделать два: на одном – Андрей Иванович в охотничьем облачении держит висящую в вытянутых в сторону руках свою добычу: отдельно селезней и на особицу – лебедя; на другом – лебедь на огромном блюде, как живой – украшение шикарного после-охотничьего стола.

– Будто на сказочном пиру! Изумительный натюрморт, – радовался автор.

Дядюшка, раззадоренный трофеями племянника, предложил устроить охоту посерьёзней: на лося, оленя или кабана, но младший Чиров, памятуя и Михрюткины увещевания, и своё приключение, идею дядюшкину не поддержал.

– Мне хочется всё попробовать: две неиспользованные пластины для аппарата остались, Михей предлагает исполнина речного добыть – сома. Вот бы отснять – бесподобная экспозиция получится.

Алексей Михайлович упорствовать не стал.

– Рыбалка – так рыбалка. Езжай – попытай счастье.

Один неприятный штрих после охоты остался: где-то, не заметив, зацепился Андрей за острый сучок и порвал камзол, слева на груди – в самом заметном месте. Камзол новый, вместе со шляпой в Германии купленный – выбрасывать жалко. И прореха-то небольшая, но – на виду. Сунул он было его для починки Алёшке, но Глаша у того отобрала:

– Испортил хорошую вещь.

К ночи уже принесла – в идеальном состоянии.

– Я тут сверху ящерку маленькую вышила, – показала Аглая на место закамуфлированного разрыва.

– Так он теперь ещё лучше стал – красивее! – восхитился работой барин.

Рукодельница скромно улыбнулась похвале:

– Авдотья Степановна, госпожа покойная, меня сызмальства в белошвейки определила: всяким портняжным тонкостям, кройке, шитью, вышивке учила.

Аглая в последнее время удивляла Чирова всё чаще, и не только старательным услужением, но и ненавязчивым превращением в его гида по запутанным лабиринтам сельской жизни российской провинции. Показывала и разъясняла происходящие здесь события с другой – изнаночной стороны, порой абсолютно неожиданной для городского барчука.

– А что, многие здешние помещицы так заботятся о крепостных своих, как покойная тётушка?

– Достоверно – не знаю, но скорее – нет.

И, не задумываясь, прибавила:

– Нам, конечно, с барями повезло: и по большому счёту, и в мелочах.

Столь многозначительные выводы этого юного создания Андрея развеселили, но всё же, стараясь оставаться серьёзным, он переспросил:

– И в чём именно? Попроще только, подходчивей.

Уловила Глаша в вопросе иронию, подвох – непонятно, но разложила своё заявление по полочкам и весьма убедительно.

– Во-первых – то, что барин здесь живёт, а не в городе или за границей какой-нибудь.

Тут же разъяснила.

– У соседей-то, в большинстве, хозяева лишь временами наезжают. И приходится общине двоих кормить: барина и управляющего. Неизвестно – кого больше.

– В самом деле, – мысленно согласился слушатель. – Никто из просвещённых салонных умников темы этой никогда не касался, а у крестьян – она в главных.

– Господин наш, – продолжала ответчица, – Его превосходительство Алексей Михайлович, порядки завёл строгие – воинские, но понятные: «Работай честно и усердно, слушайся беспрекословно». Тяжело, но лучше, чем без закона: посему община барина завсегда поддерживает.

Такой крестьянский подход многое объяснял в жизни глубинки, непонятное прежде Чирову.

– И ещё – повезло, что нет у Алексея Михайловича азарта запредельного охотничьего: ни своры не держит, ни егерей, одним Михрюткой обходится. Господа-то во время большой охоты всей лошадино-собачьей толпой не по барским полям обычно скачут: на крестьянских наделах, полосках потравы творят, и – не взыщи. Это вроде и мелочью, пустяком кажется, но иную семью может на всю зиму без пропитания оставить.

Прищёлкнула языком девушка и замолчала.

– Молодец! – без малейшей доли ехидства похвалил её Андрей. – Толково всё разъяснила.

– Ничего заумного в моих речах нет – дела житейские. Их и Ромка Михеевский в свои пять лет понимает.

– Ты грамоте-то учёна? – перебил барчук.

– Три года в приход ходила: чтению, письму и счёту обучена, а большего, как говорит барин, бабе и не надобно.

– А хотела бы ещё учиться?

– Что я – глупая? – удивилась Аглая. – От учёбы отказываться. Учёный человек завсегда найдёт, как для себя и других с пользой прожить.

– Это спорно, – не вслух – про себя не согласился младший Чиров, помятуя о многочисленных однокашниках по университетам, сейчас недорослями шатающимся по России-матушке и всему белу свету.

– Ты давеча про сына Михрютки обмолвилась. Хорошо их знаешь?

– А как же? Настёна – сестра моя старшая. Ромашка стало быть – племянник.

– Михей, он всегда такой угрюмый, неулыбчивый?

– С чего ему веселиться? Повитуха страшными родами пугает, а лошади, чтобы свезти жену в соседнее село в родильню – не дают.

– Что он вообще за человек?

Глаша задумалась.

– С малолетства всё время при отце крутился, тот у бари-на в лесничих ходил и попутно зверя и рыбу добывал. Его потом шатун зимой задрал – один тулуп нашли. Михей в лесники не пошёл, но все отцовские охотничьи и рыбацкие ухватки перенял: для барской забавы волка руками живьём берёт. У него и раньше с управляющим какие-то нелады были, а после той истории с женитьбой, что я тебе рассказывала, промеж них почти открытая война идёт. Сидор Силыч на него всегда зверем смотрит и вечно какую-нибудь гадость старается сделать. Мужикам деревенским – он чужак: в поле-то он с ними на барщину не ходит, они его за господского прихвостня и любимчика держат. Дворня тоже сторонится – кто из опаски гнева управляющего, кто – из зависти: воли, вишь ли, много.

Живут они на отшибе, так что, если случись беда какая, то и не поможет никто. Ромушка – мальчонка смышлёный, да кто ж дитя малое послушает, если ещё и захочет.

– А выкупиться у него нет мечты?

– Допустим – выкупился. Дальше-то – что? – ответила девица вопросом на вопрос. – Леса и реки – помещичьи, земли – нет. Изба, правда, отцовская – крепкая, просторная, да что в ней проку. Вот если бы ты у дядюшки, Алексей Михайловича, кобылку какую-никакую для Михея выпросил – тогда бы судьба ему и улыбнулась, для него это сейчас важнее всего. И тебе – вечная благодарность.

– Пробовал, сразу после охоты, – вспомнил Андрей разговор с дядей. – Упирается майор, не желает слово офицерское повторно нарушать.

И, размышляя вслух, добавил:

– В восьмисотом году они Наполеону тоже слово давали, когда он их из плена без обмена отпускал, что воевать супротив Франции более не будут. Нарушили – и не единожды, до Парижа добрались. Так-то – Бонопартий был, а тут – Сидор Силыч Крюков.

На лице молодого барина читались искренняя досада и сожаление. С минуту помолчал.

– Есть у меня одна задумка, как это дело разрешить.

Аглая, встрепенувшись, прижалась ближе.

– Коли наша рыбацкая экспедиция пройдёт удачно и в результате этого пластины фотографические израсходуются полностью, попрошу я у дяди коляску для поездки в город, в фотолабораторию при пожарной части. И, втихаря, прихвачу с собой сестрицу твою. Не в родильню, а в уездную больницу свезу, к доктору. Понадобится – приплачу. Я-то никаких слов Сидору не давал.

Глаша несколько секунд осмысливала услышанное, потом привстала на колени, внимательно посмотрела лежащему рядом Андрею в лицо и, склонившись к нему, нежно поцеловала. Поцелуй совсем другой, отличный от обычного: не пылкий, страстный, а трепетно-любящий, с кусочком души – за живое задевшей мужское сердце

– Так я побегу – обрадую их?! – приготовилась она соскочить с кровати.

– Не надо, – придержал он её за руку, – Лишний шум, разговоры раньше времени – ни к чему. Пусть всё идёт своим чередом. Полежи.

И они, от чего-то счастливые, лежали какое-то время молча и улыбались.

Аглая таки умудрилась предупредить Михея о важности предстоящей рыбалки, взяв с него слово молчать. Не очень-то, видимо, поверив в такую господскую милость, тот свояченицу, однако, отблагодарил и обнадежил, со своей стороны. Впрочем, он и без предупреждения готовился к ловле по-серьезному: такой уж у него обычай – всё тщательно подготовить, проверить.

Бечева льняная, вываренная, для цвета и прочности, в дубовой коре – без узлов, потёртостей и надрывов. Крюки – кованые из коской стали, не раз проверенные. Сходил на реку – лодку, чёлн-долблёнку, что побольше – на двоих обустроил: переложил в неё багор, дубинку, мешок-рогожу большой с тесёмками-завязками, весло – правило. В корзинку плетёную с крышкой, у берега притопленную, с лягухами зелёными, заглянул, проверил – скачут квакушки, бодренькие.

– Пожалуй, всё готово.

И всё же Глашино предупреждение без следа не прошло: до этого думал Михей просто отбыть номер – покатать барина по ближайшим омутам: Молчановскому и Чернышевскому, где сомы, конечно, имелись, но не гиганты; теперь, понятно – всё поменялось, выходило – пудовиками не отделаешься.

– Придётся на Чёрную Слуду плюхать, а это – почти час супротив течения грести. Но если барчук слово сдержит, то не в тягость и день вваливать, хоть до умру, хоть – душа вон.

У реки Чиров появился, как и договаривались – около четырёх часов пополудни. Положа руку на сердце, эта идея – ловля большого сома, Андрея Ивановича в восторг не приводила: с детских пор почему-то не испытывал он любви, тяги к воде – не его планида. Плавать и к своим почти тридцати годам так и не научился, да особенным желанием и не горел. Но здесь – в деревне все эти занятия: охота, рыбалка считались настолько естественными, обычными делами, что отнекивание от участия в них выглядело бы крайне нелепо.

Наличие Михрютки рядом реальные страхи сводило к нулю, а возможность получить редчайшие, сенсационные фото толкнула бы и на более авантюрные поступки. Убеждая себя размышлениями подобного толка, Андрюша даже слегка переусердствовал с настроем и таким лихим бодрячком чуть было не спрыгнул в привязанную к мосткам лодку.

– Э! Э! Э! – всполошился ожидавший его в челноке Михей. – Осторожно, барин! Стой!

Чиров застыл на месте.

– Не спеши, – успокоил его рыбак. – Садись на мостик, спускай ноги вниз, аккуратно ставь их в долблёнку и, придерживаясь руками за причал, усаживайся на нос. Чёлн – лодка ходовая и непотопляемая, но – вертлявая: стоит сильно, резко закрепить – в момент днище покажет: купайся тогда.

Выполнив все наставления знатока, Андрей Иванович благополучно расположился на носовой банке и незаметно с облегчением выдохнул: «Рыбалка началась без приключений».

Михрютка отвязался от мостков, оттолкнулся и, развернув долблёнку против течения, погнал её мощными гребками правёла вдоль берега, по самым прибрежным кустам.

– Здесь течение тише, – объяснил он.

Они молча проплыли версты полторы, когда окончательно успокоившийся Чиров всё-таки задал волновавшийся его вопрос.

– А что значит – непотопляемый?

– Чёлн, если даже по борта водой залить, на дно не пойдёт – так и будет плавать, как бревно. Плоскодонка – та на воде поостойчивей, но потопнет за милую душу, коли по какой-то причине воды наберёт много и отчерпать не успеешь.

Разъяснение окончательно развеяло опасения молодого барина, и он решил, для интереса, разговорить молчуна Михрютку.

– А правду говорят, что ты птичий и звериный язык понимаешь? – задал он самый каверзный вопрос, имевшийся у него в заглашнике.

– Да упаси Боже, – не задумываясь ответил Михей.

– Что так? – удивился репортёр.

– Что же получится: я с ними сначала по-свойски, родственному поговорю, а опосля из ружья – бух? Паскудство какое-то.

– Но без ружья – они сильнее: медведь же не задумывался, когда тебя осиротил, – привёл Андрей Иванович, на его взгляд, убойный аргумент.

Михрютка вдруг набычился и, поджав губы, принялся сосредоточенно, со злостью загребать воду, быстрее-быстрее разгоняя челнок. Смотрел мимо барчука, то ли действительноверял курс или просто отводил глаза в сторону.

Андрюша только что размышлял о паразитальном феномене: глухая деревня, малограмотный крепостной мужичок, а философствует...

Теперь он никак не мог понять, чем же вызвана эта перемена. Но интересоваться не стал: разом посуровевший вид Михея к расспросам не располагал.

Так, молчком, они и двигались, повторяя, точно по лекалу, все изгибы реки. День приближался к вечеру, жара спала. Неожиданно кормщик, протабанив веслом, развернул лодку поперёк течения.

– Приехали! – объявил егерь – Чёрная Слуда.

И он указал рукой вверх по течению. Река, поодаль от них, делала резкий поворот влево, а прямо – взгляд упирался в крутой песчаный яр – обрыв семи-восьми саженей вверх, а на нём ещё такой же высоты стволы – стрелы сосен. На добрую версту с лишним – огромная природная отвесная стена.

– А под водой – омут, такой же, как яр, но – глубины.

– И мы в нём рыбачить будем?

Представив себе шестнадцатиметровую толщу воды, под этими бурлящими воронками водоворотов, разбрасывающих шапки пены по сторонам, Андрей Иванович оторопел – надо было что-то срочно придумать для того, чтобы ретироваться.

Но Михей успокоил его.

– Нет – в омуте не будем. Там – на дне целый лес топляков: брёвен, что притаскивает река в половодье – оттуда никакого сома не вытащишь. Ловить будем на плёсах, на мелководье: выше омута, за поворотом, и тут, где мы сейчас крутимся. Здесь глубина небольшая: сажень-полторы, местами ещё меньше: в человеческий рост. Дно – песчаное с каменистыми грядами, перекатами. Плёсы оба большие: шириной почти от берега

до берега и длиной по полверсты каждый. С той стороны, – указал рыбак на мыс в изгибе реки, – песчаная коса. На неё, если удастся хорошего добыть, и будем его вытаскивать.

Закончив пояснения, Михей снова взялся за весло и погнал челнок к противоположному берегу. Обогнув мыс, поднялись к верхней границе плёса.

– Придержись, барин, за ветки, – скомандовал кормщик, въезжая в притоленный куст ивняка.

После остановки лодки положил весло, достал бечеву: один её конец пропустил через металлическое кольцо, ввинченное в нос челнока, другой – закрепил за заднюю скамью. К носовому концу привязал поводок из медной проволоки с большущим кованым из косы крючком, выше поводка – свинцовое грузило. Достал квок, квокушу – изогнутую деревянную палку: с ручкой на одном конце и выдолбленным углублением – на другом.

Внимательно наблюдавший за приготовлениями Андрей, увидев палку, полюбопытствовал.

– А в чём, собственно, суть рыбалки?

Михей, продолжая подготовку, вытащил из корзинки лягушку покрупнее и осторожно, но основательно завёл жало крючка ей под кожу спинки.

– Сейчас мы эту красотку опустим в реку и потащим её вслед за лодкой. А я в это время квоком стану ударять по поверхности. Вот так... – Михей опустил руку за борт и несколько раз стукнул: раздался звук – будто стаканом перевёрнутым по воде плюхают.

– Сом этот звук услышит, примет за кваканье, подплывёт и лягушку с крючком заглотит, – догадался барин, – тут мы его и заграбастаем.

Азарт предстоящей ловли потихонечку обволакивал, окутывал Андрюшу.

Михрютка тем временем достал из своей сумы какую-то склянку, пальцем выковырнул содержимое и принялся обмазывать себе лицо, лоб, руки. Закончив процедуру, протянул банку Андрею.

– Намажься, барин. К вечеру комарья налетит немерено – зажрут.

– А что это? – с недоверием принял баночку барчук.

– Жена моя, Настасья, снадобье готовит – хорошо от мош-кары помогает.

Чиров, подцепив мазь пальцем, понюхал.

– Пахнет не дурно... Из чего она?

– Бузина там, корица, ещё какие-то корешки, травы.

Барин, посомневавшись, всё же решил послушаться совета опытного рыбака: намазался и вернул склянку обратно.

– Ну, – перекрестился Михей, – с Богом.

Отцепившись от куста, выплыли на течение. Михей опустил приманку, поколдовал с бечевой, после взял её и квокушу в правую руку, в левую – весло правило и, изредка подправляя курс, позволил челноку самостоятельно сплавляться по течению. Бечева натянулась, волоча за собой наживку.

– Чмок, чмок, чмок, – раздалась звуки по воде. Через паузу – снова: – Квок, квок, квок.

Ходит много поверий, за что именно принимают сомы эти звуки: и за кваканье, и за клохчанье, урканье – призыв самцов самкой, и за плескание, барахтанье обессиленной тонущей жертвы. Точно только одно: сомы этим звукам верят, они на них откликаются, принимая обманку за чистую монету, в результате – очень дорого платят за свою ошибку. Впрочем – это не редкость в нашем мире.

Первого откликнувшегося пришлось ждать совсем недолго: они ещё и до мыса не дошли, как Михрютка вдруг резко взмахнул правой рукой, бросил и весло, и квокушу в лодку и обеими руками схватился за шнур.

– Маленький, – сообщил он встрепенувшемуся барчуку, медленно выбирая загулявшую из стороны в сторону бечеву.

Голова здоровенной рыбины появилась у борта челнока абсолютно неожиданно для Чирова, Михей же совершенно спокойно сунул ей в пасть четыре пальца, большим снаружи

сильно вдавив подбородок внутрь, после чего перевернул её, затихшую сразу, через борт.

То ли парализованный этим рыбацким приёмом, а может, просто ошарашенный случившимся, сом, с полпуда весом, неподвижно, не шевелясь лежал на дне лодки. Но стоило Михею вытащить крюк из его губы, как тут же изогнулся дугой и, толкнувшись широким хвостом, едва не выскочил наружу.

– Маленький, – повторил Михей. – Может, отпустим? Пусть растёт.

– А если больше не поймаем, что я фотографировать буду? – предъявил свой резон барин.

Михрютка резон принял, достал из-под сиденья дубинку, тюкнул ею по какому-то месту над верхней губой сома и, разом сомлевшего, отправил того в рогожий мешок.

Следующий заезд прошёл впустую – ни на верхнем плёсе, ни на нижнем никто на их лягушку не позарился. И ещё один спуск – тоже по полям.

– Дай я попробую, – заявил вдруг молодой господин, когда они в очередной раз поднялись вверх.

Как тут возразишь? Пришлось Михрютке, пересадив барчука на среднюю скамью, безропотно передать тому и квок, и бечеву. Однако от наставлений он всё-таки не удержался.

– Запомни, барин, три вещи: нельзя в челне резко в рост вставать, нельзя бечеву на руку наматывать и разбрасывать её, как попало, чтоб ногой невзначай не запутаться.

Андрей, до этого внимательно наблюдавший за всеми несложными манипуляциями рыбака, понял все три табу без разъяснений.

– Если хороший возьмёт – дуrom не тащи: пока он свежий, неуставший, может сторяча так рвануть, что, бывали такие случаи, кусок собственного кутыря, желудка вместе с крючком из своего нутра вырывал. Самое важное – слабины, слаби не давай: держи в натяг, чтобы на удар не оборвал. Нужно его как следует измотать и уж потом к берегу, на мель выводить, – добавил теории наставник.

Впрочем, на практике у барчука получалось совсем неплохо: звук из-под квокушки выходил сочный, живой.

– Ловко это у вас, барин, выходит, – похвалил Михай напарника. – Я вот полгода к науке этой обманной приобщался, а у вас с первого раза получилось: от природы видать – талант.

– Главное – чтобы сейчас сомам понравилось, – поскромничал Андрей Иванович.

Второй сом схватил на нижнем плёсе. Андрюша сначала почувствовал какие-то рывки, словно крючок или грузило за дно задевает. Он собрался было сообщить об этом Михрютке, но не успел – на руке вдруг будто гиря живая повисла. Повторяя движения егеря, барчук резко поддёрнул бечеву, загоняя глубже крючок, бросил квок на днище и принялся двумя руками выбирать, сом вначале упёрся – потянул очень сильно.

– Отпускай, отпускай, – подсказывал, притормаживая лодку веслом, Михай. – Слаби не давай! Теперь – попридержи: пусть потаскает, повыдохнется.

Где-то с полчаса сомяра активничал, затем начал уступать, позволяя рыболову выбирать бечеву. Ещё минут через десять Андрей подвёл его к челноку, и Михай, тем же приёмом, ловко затащил его в лодку.

Этот был побольше первого, но до пуда тоже явно не дотягивал.

Вечерняя заря догорала.

Закончив возню с добытым сомом, расселись по местам, и тут обоих рыбаков почти одновременно поразила внезапно наступившая полная тишина: ни звука, ни дуновения. Посмотрели друг на друга – вокруг всё замерло, застыло.

– Гроза, видать, подошла. – Михай обвёл взглядом видимую часть неба: почти безоблачную, светло-оранжевую от подкрашивающего её заходящего солнца. – Со стороны крутояра ползёт, скоро накроет. Может, к дому, барин – ещё успеем отскочить.

Для Андрюши, руки которого только-только перестали дрожать от переполнявшего всё его естество дикого восторга

удачи: первый раз в жизни он изловил такую большущую рыбину, вопрос Михрютки прозвучал полной нелепицей.

– Какое – домой?! – возмутился барчук. – Ты же сам говорил, что перед грозой самые крупные сомы из омутов выходят.

– Говорил, – согласился егерь.

– И на небе – ни тучки, – продолжал напирать барин.

Грозу Михей не любил: эта непобедимая, непредсказуемая, враждебная и безжалостная сила, с её молниями и ураганом, всегда приносила беду. Спрятаться от дождя несложно: перевернуть лодку на берегу и залезть под неё, но вот бороться с остальной стихией – занятие бессмысленное и опасное. Одна надежда – что обойдёт всё-таки стороной или заденет лишь краешком. Июльские грозы долгими обычно не бывают – авось пронесёт.

– На нет и суда нет, – покорился Михрютка барскому желанию и погнал челнок к верхнему плёсу.

Они, подгоняемые только течением, подходили аккуратно к песчаному мысу, когда из-за верхушек сосен показалась синевато-чёрная кромка огромного полога: не отдельные тучи-облака, а сплошная чернота затягивала небо. За спиной у Михея уже предупреждающе погрохатывало, резко стемнело, но впереди ещё виднелся просвет. Река должна была задержать грозу, и он надеялся, что, пройдя нижний плёс, они всё-таки успеют рвануть вниз по течению.

Плёс почти закончился, когда по воде пронёсся первый пробный шквальный зарядик: сразу нагнал приличную волну, но самое поганое – что дул ветер вдоль русла, а это значило, что скоро волны станут намного больше.

Андрей, с ужасом созерцавший разрастающуюся вширь позади Михея пугающую картину, по мере приближения к ним зловещей черноты, будто загипнотизированный удавом кролик, обречённо наполнялся неопишуемым животным страхом, парализующим всякое сознание и волю. Но, как заведённая кукла, продолжал по-прежнему плюхать квоком по воде. Зачем-

то перекинул пару раз через кисть правой руки постоянно выскальзывающую мокрую бечеву.

– Всё, барин, сматываемся!!! – услышал он крик егеря, и одновременно с первой ослепительной вспышкой молнии какая-то неведомая сила выдернула Андрея из лодки.

Кругом полная темнота. Но – всё окружённое крутояром пространство залито невиданно ярким белым светом. Очевидно, мачты сосен, стоящие вокруг омота, притягивали к себе всю мощь стихии: огромные молнии накладывались, пересекались, догоняя друг друга, и после каждой – моментальный оглушительный удар.

В эту бушующую преисподнюю и вынырнул из-под воды Михай, разом наполовину ослепший и оглохший. Вдобавок ко всему – крепкая, увесистая волна ударила прямо в лицо, накормив досыта речной водицей.

В этой адской круговерти очухаться было мудрено, даже мысли в кучу собрать не получалось. И тут что-то больно ударило его в спину. Он инстинктивно ухватился за это «что-то», и его немедленно поволокло к самым вратам разверзшегося чистилища.

Кругом взрывалось, гремело и ревело, дышать приходилось через раз, с трудом, но всё же Михай сообразил, что держится он за нос своей перевёрнутой лодки, которую тащит в сторону своей обители размотавшее бечеву на всю длину небывало огромное речное чудовище.

– Полоснуть бы ножом по бечеве и подальше от этого безумства...

А где барин?! Хорошо, если сейчас где-то к берегу подплывает... Но, судя по его кувырку из челнока – вряд ли: скорее всего – в бечеве запутался...

Жив ли? Господи...

Чиров, выдернутый из лодки за кисть правой руки с перехлёстнутой бечевой, при кульбите за борт, может, на беду

свою, может – на счастье, умудрился зацепиться ещё и левой ногой за лежащую на дне челна неразмотанную часть снасти. И теперь он болтался на этой тонкой верёвке, как лепесток – разворачивало его то в одну сторону, то – в другую. Сому это создавало дополнительный тормоз: тащить человека почти поперёк – труднее, а Андрею – давало возможность изредка хватать ртом воздух. Пока они двигались по плёсу, сомище вглубь уйти не мог. Перевернутый чёлн, тащившийся по поверхности, ветром и течением гонимый назад, держал бечеву натянутой, что давало Андрею Ивановичу шанс. Но стоит сому добраться до омота, как этот шанс мгновенно исчезнет, утонет.

Андрюша обо всём этом не думал: переворачиваясь, выплёвывал воду и жадно хватал, при возможности, воздух. Он уже смирился со своей участью, распрощавшись с жизнью, страшили лишь последние мучения перед смертью.

У окончательно пришедшего в себя Михея такой привилегии – сдаться – не было. В сполохах негаснущих вспышек молний сумел-таки примерно сориентироваться.

– Половину плёса уже пропёр – осталось ему немного. Волочить двух человек, а особенно – перевернутую лодку против течения и ветра – тяжело, но незаметно, чтобы этот речной дьявол по-настоящему выдохся, медленно – но ползёт к своей цели. Где-то здесь должны уже перекаты начинаться...

Егерь, для страховки перемотнув кисть бечевой, постарался опуститься как можно глубже, вытянув ноги и выставив пятки вперед.

– Что-то, кажись, шаркнуло? ... – обрадовался, но понял, что обманулся. – Хотя нет... Вот опять... Вот.

Пятка правой ноги упёрлась в камень.

– Большой, небольшой?? – гадал он, вкручивая пятку в песок под опорой.

– Вроде держит...

Голова еле-еле выныривает над водой, волны постоянно захлёстывают, но...

– Стоим! Стоим на месте! Сорвёт – не сорвёт???

Застопоренный хозяин реки попытался поддать, но силённок, видимо, на серьёзный рывок уже не хватило.

– Не сорвал, – ощутив непродолжительный натяг, понял Михей и постарался второй ногой нащупать валун. Аккуратно, с опаской, ввёртывал пятку в сторону, сдвинул правую – камень не закончился, на прежнее место воткнул левую. Стоять навтыжку сложно, но рисковать – искать другой выступ гряды, он побоялся.

Закрепившись надёжно, решил испытать противника: выпростав кисть, потянул обеими руками. Поддался!

Немного – сажень бечевы, не больше, но выбратал. Лодку тут же оттащило назад и в сторону. Присев, перевёл верёвку через себя, под правую подмышку: больно – режет, но зато гарантия, что челнок не уплывёт и можно работать обеими руками.

Андрюша сразу понял: что-то поменялось. Движение замедлилось, а после и вовсе прекратилось. Дышать стало проще. Иногда, правда, сом опускался поглубже, но долго там не задерживался. Если бы Чиров не болтался на этой бечеве, а просто бы оказался в воде, то давно, без всякого сомнения, утонул бы. Теперь же, когда по воле судьбы его единственная забота это – дышать, он избавился с помощью страха от паники, вполне благополучно задерживал вдох в ожидании очередной возможности получения желанной порции воздуха. Делал он это несознательно, но до данной поры – довольно удачно. Неожиданно Андрей почувствовал, как его потянули назад: нога при этом поднялась вверх, и он, перевернувшись от такого действия, глотнул прилично. Однако для него, уже не реагирующего на всю происходящую вокруг фантазмагорию, примерившего окончательно саван утопленника, глоток этот оказался ложечкой кагора на причастии, возродившем в нём веру, веру в спасение.

– Михей здесь!!! Он меня не бросил!!!

Умирать сразу расхотелось, но – снова стало страшно.

Гроза не утихала, но сейчас она помогала людям: даже когда Михей не тянул сам бечеву, то течение и ветер, гнавшие лодку в нужном направлении, заставляли сома упираться и постоянно тратить свои силы. И речной великан слабел – отдавая сажень за саженью. Вот уже Михей и барчука, распластанного на воде буквой «зю» и мотающего головой из стороны в сторону, увидел. А через пару переборов сапог Чирова и вовсе упёрся ему в грудь.

– Слава тебе, Господи... живой! – отлегло от сердца.

И тут на радостях Михей едва не совершил страшную роковую ошибку: достав нож, чуть было не полоснул по бечеве, чтобы ногу освободить – про руку-то и не сообразил. В последний момент разглядел – остановился.

– Чуть не отправил барина к водяному в гости, – мысленно перекрестился.

Подтянув барчука вплотную к себе, предложил:

– Попробуй на дно встать, ваше благородие.

Ростом-то Андрей Иванович очти на голову выше Михея.

Встал.

– Бечеву мокрую нам на ноге твоей не развязать – попробуй её из сапога вытащить, – подсказал господину егерь. С трудом, но получилось.

На руке бечева не завязана, просто перехлестнута, как только дали слабину – снялась легко.

Наверняка, не предупреди его свояченица, Михей с этим исполином больше бы тягаться не стал – резанул бы бечеву. Но теперь – когда все люди вроде как в безопасности, он о словах Аглаи вспомнил. Два стоящих на твёрдом взрослых мужика и лодка в подмогу – для уставшего сома, каким бы он ни был – это приговор. В этом Михей не сомневался. Перебирая мелкими шажками по перекату, рыбаки бочком-бочком, но добрались до песчаного мыса.

Когда вышли на берег, гроза вдруг стихла: её – потратившую все силы на реке, отнесло вдаль, где изредка что-то поблёскивало и погрохатывало. Волны улеглись, и ничто уже не напоминало о недавней свистопляске и столпотворении, происходившем здесь.

Небо вызвездилось, застрекотали кузнечики. Лодку вытащили на берег. Сома, привязав бечеву к двум причальным лодочным колам, оставили в реке, словно на кукане.

– Пусть ещё поизмотается.

А оба дико, смертельно уставших рыбака, как были в мокрой одежде, так и рухнули в густую прибрежную траву, мгновенно заснув.

По делу-то, нужно было хотя бы башку сомовью к берегу подтащить и пропустить через жабры верёвку, а то и две. Но ни духовных, ни физических сил у них уже не осталось.

Разбудил их предрассветный ветерок. Сверху одежда просхла, лишь бока, на которых лежали – влажные. Первым поднял голову Чиров, сонными глазами посмотрел на колья и тут же с криком «Ущёл!!!» вскочил на ноги и бросился к валявшейся на песке бечеве.

– Оборвал!!!

Наклонился, взял в руки остаток снасти, намереваясь вытащить его из воды.

– Погоди, – остановил барина Михай. – Брось её пока, пойдём – поглядим.

Они подошли к урезу реки, и егерь принялся что-то высматривать. Видимо, углядев, приложил палец к губам.

– Пойдём – только тихо: громко не говори и не топай.

И он, аккуратно ступая босыми ногами по песку, крадучись двинулся по берегу, вниз по течению. Голый песчаный мыс в том направлении упирался в большую ракиту, дальше – сплошной мелкий ивняк. Перед ракитой промоина, шириной – сажени три, по колено глубиной – у реки, после – превращаясь в лужу, вовсе сходящую на нет – на берегу. У промоины Михрютка остановился.

– Вон он, – показал егерь пальцем в сторону дерева.

– Где? – высунулся над его плечом Андрей.

– У самого берега лежит.

Чиров присмотрелся повнимательней, но ничего, кроме огромного топляка, поросшего водорослями, не увидел.

– Кроме бревна – ничего не вижу, – признался барчук.

– Это не бревно – это Он и есть.

Михей огорчённо вздохнул.

– Дали мы с тобой маху, ваше благородие. Вернее – это я обмишулился: обманул этот чёрт меня – вместо того, чтобы на короткой шлейке в омут рваться, силы тратить, лёг под берег и ждёт. С устатку да на радостях – затмение вчерась накатило: не дошло, что раз он такой огромный, то мой аршинный поводок проволоочный у него где-то посреди брюха, а на зубной щётке – бечева, которую мы всю ночь дружно драли. Со стрежня ушёл – отдохнул, и как только потянем или солнышко взойдёт – рванёт на удар и был таков. Тем более, что омут-то – вот он рядом, напротив. И лодка без весла – нам не помощница.

Такой трагический казус, после преодоления всех вчерашних злоключений и бед, закончившихся, казалось бы, победой, Чирова обескуражил совершенно. Самого Михея и подавно.

Ставки, безусловно, разные: у одного – жизнь близких, у другого – сорвавшийся фурор. Один мог, с огорчением, но отступить, другой – нет.

– Жалко, – посетовал вслух Андрюша, – столько страданий, и всё зря.

– Подожди, барин, причитать, – остановил его Михрютка. – Дело ещё не кончилось.

Он о чём-то сосредоточенно думал, что-то высчитывая, прикидывая.

– Видишь толстый сук у ракиты – над водой висит: сом аккурат под ним. Если ветка эта меня выдержит, то можем попытаться супостата этого одолеть. Пойдём-ка.

И егерь сторожко двинулся вдоль промоины, вымеряя расстояние шагами. Дойдя до конца, развернулся и стал вышаги-

вать в сторону кольев, от кольев к лодке. Отвязав конец бечевы от челнока, вернулся обратно и поманил барчука к себе.

– Запаса куска бечевы, что от кола до реки, хватает до той стороны промоины, а второго – до ракиты. Сейчас мы с тобой, тихонечко выбирая слабину, обходим промоину, и ты там остаёшься. Я со вторым концом лезу на дерево. Сомяра этот – в омуте, поди, лет сто живёт – в воде никого не боится, посему надеюсь – от лёгкого шевеления бечевы не вскинется. Самая его сила – в хвосте, в плёске или в плескалове – по-нашему. Попробуем его на время этой силы лишить.

И Михай потряс, показывая, изготовленным из верёвки арканом.

– От кольев бечеву отвязывать не будем, если затея наша сорвётся – последний шанс.

Они всё выполнили по-задуманному. Андрей занял свою позицию у устья промоины, а Михай забрался на ракиту: сук, слава богу, выдержал.

Егерь по пути срезал талинку с рогатулькой на конце и сейчас с её помощью заводил свою удавку – вытянутой руки и длины прута едва хватило. С замершим дыханием Михай завёл петлю с хвоста и аккуратно, легко касаясь, навроде речной тины, добрался ею почти до грудных плавников. На мгновение замер, изготовившись, и, крикнув барину: «Тащи», затянул аркан, поднимая плеск из воды. Почувствовав на себе верёвку, сом шархнул вон из силка, но Чиров успел всё-таки немного, но развернуть его голову, и этот бросок получился хоть и вкось, но главное – не вдоль косы и не в омут, а в промоину.

Рысью прыгнув с ветки, Михай, ещё раз – руками, попытался ухватить чудовище за хвост. В ответ оно, сбив наглеца с ног, возмущённо взбурлило прибрежный песок и рванулось дальше, выскочив при этом полностью из реки.

Могучее плескалово яростно молотило по поверхности береговой лужи, но это уже никаких серьёзных, кроме разле-

тающихся в стороны многочисленных ошмётков грязи, последствий не вызывало.

Андрюша, в захлестнувшем его раже, пытался оттащить исполина ещё дальше от реки, но тот, покинув пределы родной водной стихии, разом отяжелел, и случилось то, чего рыбаки и боялись – бечева оборвалась, а упиравшийся что есть мочи Андрей Иванович Чиров, в азарте обо всём позабывший, плюхнулся на задницу в самую грязницу, в пару с плещущимся сомом.

Посидел несколько секунд, остолбенев, и расхохотался. Губы Михрютки, созерцавшего эту изумительную картину, похоже, тоже шевельнулись.

Только сейчас они разглядели, с каким монстром тягались: на вид – более трёх сажений в длину и пудов 12–15 весом. В открытую пасть мог с плечами забраться и взрослый мужик.

Впрочем – проверять это никто не решился, даже после того, как егерь, отыскав приличный булыган, успокоил властелина реки навсегда.

Отдышавшись и успокоившись, нашли несколько брёвен, связали из них плот, на который погрузили добычу, не рискуя тащить вплавь. Нашли и обрубок доски вместо весла, после чего и тронулись в обратный путь. Жаться к берегу теперь не было нужды, и кормщик вывел караван на стрежень, стараясь скорее добраться домой.

Михрютка доской особо не усердствовал, слегка подправляя курс, позволял реке нести свою ношу с удобной ей скоростью самой, по сторонам головой особо не крутил: местные красоты сейчас его вовсе не интересовали, сосредоточенно думал о чём-то.

Андрей Иванович, сидящий к нему лицом, разглядывал буксируемый позади свой новый небывалый трофей, всё ещё не веря такой удаче и мысленно прикидывая, как и под каким ракурсом того сфотографировать. Не удосужился он, к сожалению, в иностранных журналах посмотреть, поискать подоб-

ные снимки, а в российских – их вовсе ещё не бывало: придётся придумывать самому. К тому же хотелось, чтобы фото органично вписывалось в канву его литературного эссе, контуры которого ему и самому пока ещё были не очень ясны.

– Слушай, Михай, – обратился он к кормщику, – а правду говорят, что сомы могут на людей нападать?

Егерь, оторвавшись от своих дум, пожал плечами.

– Слыхал я, что раньше бывали случаи – деток малых утаскивали. Думаю – по ошибке: за зверушку какую-нибудь пораненную принимали. Девоч иногда за ноги прихватывают почему-то. А про мужиков взрослых – не слыхивал. Да и помельчали они нонча. Мне дед покойный сказывал, что в давние-то года по двадцати с лишним пудов бывали.

Чиров посмотрел на лежащее на плоту чудище и представил почти в два раза большего пращура.

– А этот вот, – показал он в сторону их добычи, – мог бы на нас кинуться?

– А зачем мы ему? Ему – лишь бы от бечевы ослобониться: крюк, если в пасти где-то застрял – то выболит, если до кутыря заглотил – то рассосётся со временем. И живи себе ещё сто лет – поживай.

Чирова поражала способность этих людей, которых в обществе, собственно, и за людей-то лишь из снисходительности считали, быстро находить на, казалось бы, довольно сложные вопросы простые житейские ответы: и Аглая, и Михрютка – даже не задумывались.

– По-твоему получается, что все эти дикие неразумные твари на человека без нужды никогда не бросаются? – вспомнил Андрюша про кабана с утиной охоты. – А как же тот медведь?

Михей сморщился, будто больной зуб надкусил, подождал, пока боль отпустила.

– Опять вы, барин, батюшку моего вспомнили, – помолчал, на что-то решаясь. – Бывают, конечно, такие случаи: реже – с голодухи, чаще – защищаясь. Только отца моего никакой медведь не драл – не было такого.

Ответ Андрея Ивановича обескуражил.

– Как... не было?

Егерь снова поморщился.

– Запретил мне дядя ваш – хозяин мой, про историю эту рассказывать строго-настрого, кому бы то ни было, особенно – чужим. Но про вас тогда, полагаю, он и мысли не держал, когда этот запрет накладывал. Посему, наверное, большого греха в том не будет, коли расскажу, раз уж такой большой интерес имеется.

Чиров такому длинному вступлению удивился: что за столь тщательно охраняемая тайна смерти простого крепостного, пусть и лесника.

– Полушубок отцовский принесли лесорубы. Есть у управляющего такая ватага, которая лесоповалом занимается: шесть-семь человек. К лесу Сидор Сильч ни деревенских, ни селян не допускает: ежели даже старосты соизволение у барина на заготовку получают, то валит Крюковская артель. Ещё за березняком, зимой – на дрова иногда мужиков пуцают, а деловой лес – строго сами.

Вот они, через день, как тятенька пропал, всю изодранную, в кровище одёжу и приволокли: мол, косолапый сожрал – всё, что осталось. Мне тогда пятнадцать годков было, но в лесу-то я сызмальства: видел и на деревьях, и на тушах остатных следы – медведь, он когтями, словно портной ножницами, длинные лоскуты режет, полосует. А тут – всё мелкими клочьями, будто собаки драли. Пригляделся к одежке повнимательней и углядел дырочку непонятную, аккурат под левой лопаткой: для топора маленькая, для ножа – неровная, никак разгадать не мог. Только через день дошло – от штыка трёхгранного метка: видел я такой у Евстигнея – забойщика скотины, он как раз из этой шараги лесовальной.

У отца-то с ними старая вражда: они всякий раз к отведённой лесником делянке ещё кусок прихватят, а то и вообще – поворовски валят. Предлагали родителю и в долю войти, и бока обещали намять, но смертоубийством не страшали. На чём уж

он их тогда прищучил? Может, пару досей завалили? Одно точно – свои были: чужого бы отец близко, да ещё со спины не подпустил.

Андрей, никак не ожидавший услышать в этой глубокой глуши этакие криминальные страсти, искренне возмутился крестьянской тупостью.

– Что же он, отец твой, господину своему, Алексею Михайловичу обо всём этом не доложил?

– Пошто – «не доложил», – обиделся за родителя Михрютка. – Каждый раз докладывал. Но у Крюкова завсегда объяснение имелось: срочность какая-нибудь или нужда чрезвычайная. Пожурит его барин, поругает за самовольство, но – раз для дела, то и простит.

Михей слегка подтабанил доской, доворачивая чёлн.

– Да оно и понятно, – продолжил, управившись. – Сидор – его опора в имении: царь-батюшка – далеко, полиция – тоже не близко, а Крюков Сидор Силыч – здесь, под рукой. Сила для власти иной раз подороже денег будет.

В очередной раз удивил Чирова своим философствованием этот лапотник.

– И что же ты делать стал, когда понял, что медведь тут не при чём? Отомстить решил? Убийцу-то ты уже вычислил.

Михрютка непонимающими глазами посмотрел на барчука.

– К барину пошёл – за справедливым судом. Принёс тулупчик – показал. Его благородие опытным армейским взглядом сразу определил: «Наш российский штык». И приговор обозначил: «Убили мужика». Потом разъяснение мне сделал: «За спасение от неприятеля знамени, оружия или воинского снаряжения по артикулу полагается: вольному солдату – крест, а рекруту из крепостных – свобода. Батюшка твой погиб, защищая господское, то бишь – российское добро, остался бы жив – получил бы вольную грамоту. А пока – дарю семье его дом лесника, в вечное пользование».

Наказание за убийство – казнь, но убивец должен быть установлен точно, без ошибки. На всю губернию мы шум под-

нимать не будем – сам следствие проведу: коли сыщется лихо-деец – воздам по заслугам. А ты пока – молчок, через год поставлю тебя на отцовское место: честные слуги мне нужны.

– И какую кару вынесли? – не удержался молодой Чиров.

– А не сыскали убивца...

– Чего его искать-то? – удивился барчук. – Сам говоришь, что такой штык один на всю округу.

– Так-то оно так, но Сидор Силыч подтвердил, что вальщиков в тот день в лесу не было, а Евстигней – селянам скотину резал: двух кабанчиков заколол – на Рождество. Я потом с теми селянами говорил. «Было дело, – подтверждают, – колол кабанчиков после обеда, к вечеру ближе». А скотину-то, обычно, поутру режут...

Не нашёлся что на это сказать младший Чиров, только спустя минуту поинтересовался.

– Ты из-за них в лесники не пошёл?

Михей ухмыльнулся.

– А и не предлагал никто: не поставили. Силыч хозяина убедил, что нет в леснике надобности: «Сам управлюсь – без помощников».

Это уж потом, по подсказке барыни: «Чтобы никто случаем дом не отобрал», такую мне службу назначили.

Поднялось солнышко, чёрно-буро-коричневая, до этого влажно поблёскивавшая кожа сома быстро обсохла, стала матовой, а сам исполин вроде как ещё больше: страшноватое чудовище, даже сейчас. Взгляд Андрея вольно-неволью перескакивал с лица своего спасителя на большущую голову монстра с низко посаженными маленькими глазками над огромной, сомкнутой теперь, пастью и – обратно.

– По тому же суворовскому артикулу за спасение дворянина крепостному и всей его семье полагаются вольные грамоты, – подвёл итог их разговора Андрей Иванович. – Будь уверен – в этот раз справедливость безусловно восторжествует: закон превыше всего.

Андрюше самому очень понравилось столь эффектное и красивое окончание собственной речи. И в продолжение свершения благородных поступков Андрей Иванович рассказал Михею план, касаемый его жены.

– ...Но сначала – поможешь мне сделать красивое фото.

Егерь, до этого ломавший голову над тем, как, не выдавая Аглаю, перейти к главному разговору, самолично услышав господское предложение, разволновался неопишимо:

– Барин..., милостивый государь..., да мы за тебя..., мы за тебя..., всю жизнь молиться будем.

Казалось, что он тотчас падёт ниц, плюхнется на колени прямо в лодке.

Чиров, прекрасно помнивший о свойствах их судна и боящийся оказаться в воде, теперь ещё больше, чем раньше, попытался всеми способами – словами и жестами успокоить лодочника.

– Полно тебе, Михей... полно, ведь и не сделано ещё ничего... – приговаривал Андрей Иванович, выставив вперёд руки, и раскрытыми ладонями как бы удерживал, усаживал Михрютку на место.

Удалось – усадил, но не в меру расчувствовавшегося егеря, таки отказавшегося от попытки в порыве благодарности поцеловать либо руки, либо ноги господина, обычно мрачного молчуна, пробило вдруг на откровения, на разговоры.

– А всё же дядюшке вашему, Алексею Михайловичу, надобно к Крюкову опаску иметь: коли будет тому какая корысть, он не задумываясь барину измену сотворит. Хотя и сейчас грешен: каждый день ворует. В деревнях и селе старост разбойных, несправедных назначил. Да и во дворню, особливо после смерти матушки Авдотьи Степановны, своих людишек насовал. Старых-то слуг: Филимон, кухарка – Марфа, да ишо – дватри. Ключница вон – Пелагея, Палашка, почитай каждую ночь к нему шастает, поди все господние разговоры передаёт.

– Да какие у Алексея Михайловича разговоры, – отмахнулся барчук, – устав, артикул...

– Не скажи, ваше благородие, – не согласился егерь. – В доме, семье всегда секреты имеются: большие или маленькие.

Пыл у Михея попрошёл и разговорчивость вместе с ним – тоже: замолчал. Впрочем, и разговаривать было уже некогда – приплыли.

У причала, видимо, ещё с ночи, поджидали их Ромка и Глаша. Та, со всего лёту, кинулась Андрею на шею, умываясь слезами от радости, целовала куда ни попадя. Мальчонка что-то взволнованно нашёптывал отцу на ухо, лицо того приняло обычный – суровый вид.

– Барин, – прервал егерь радостную встречу, – надобно бы мужиков с телегой сюды наладить... Меня-то Силыч не послушает.

– Да, да, хорошо, – услышал его Чиров, и они с Аглаей направились в усадьбу.

Где-то через час, с уже загруженным сомом, въезжали во двор. Вид идущего впереди повозки молодого барина в одном сапоге вызывал сперва улыбки у встречающих, но зрелище лежащего на телеге чудища разом их стирало.

Долго рядили, как фотографировать: сначала хотели прямо в дроге – плохо видно; потом сгрузили на землю – теряется масштаб, размер; опосля решили подвесить на перекладину у ворот – шибко на висельника смахивает. Наконец остановились на пряслах у гумна: сено сушившееся скинули, для надёжности на столбы положили три жерди вместе и, блоком подтянув башку монстра вверх, привязали.

На первом снимке запечатлели: слева от сома – Михрютка, справа – сам Алексей Михайлович. При втором фотографировании молодой барин доверил снять крышечку с объектива Алёшке, а сам, уже переодетый, поменялся с дядюшкой.

Как ни старался Михей, в ответ на все увещевания и требования хозяев – улыбнуться, губы радостно растянуть не смог, хотя искренне пытался.

После окончания фотографирования состоялся самый торжественный момент: барин, подозвав к себе Михея, трижды его

расцеловал и объявил во всеуслышанье, что за спасение жизни дворянина Чирова Андрея Ивановича Шагов Михей Тимофеевич, жена его Анастасия и сын Роман от крепости освобождаются, о чём он сегодня же и отпишет вольные грамоты.

Бывший майор до того расчувствовался, что прослезился и, видимо, застеснявшись, поспешно ушёл.

Михей, накоротке переговорив со своим спасённым, тоже ушёл.

Сома уволокли на разделку. А главный виновник всего этого сыр-бора, довольный, почти счастливый отправился упаковывать кассеты и готовиться в дорогу. Но перед тем как заняться своими делами, зашёл в кабинет дядюшки, застав того за написанием вольных грамот. Оторвавшись от бумаг, Алексей Михайлович как-то странно, по-особенному, будто в первый раз, поглядел на племянника.

– Как представлю, что тебя могло нынче не стать... оторопь берёт, – поделился старик своими переживаниями, и глаза его снова набухли слезами, не удержавшись, он всхлипнул.

– Полноте вам, дядюшка, полноте, – поспешил обнять его Андрей, успокаивающе похлопывая. – Всё уже позади... всё обошлось.

И, ожидая, пока хозяин дома окончательно придёт в себя, опустился в гостевое кресло.

– Зашёл просить вас о подарке: может, как раз по случаю счастливого спасения.

Дядя долгим, задумчивым взглядом посмотрел на него, чему-то покачал головой и неожиданно совершенно спокойным твёрдым голосом отрезал.

– Нет – не могу.

В ответ на удивлённо вскинувшиеся брови младшего отпрыска продолжил:

– Знаю, какой ты подарок к своему второму дню рождения хочешь – вольную для Аглаи, – по лицу Андрея дядя понял, что угадал всё правильно. – Сожалею, но этого ныне не будет. Сейчас объясню...

Майор достал трубку, набил табаком, раскурил, племянник жестом отказался.

– Первое: не хочу прослыть в нашей губернии вольнодумцем-реформатором, распускающим своих крепостных почём зря. Ты давеча рассказывал о таких, появившихся в России-матушке дворянах.

Михей свою вольную для семьи заслужил по закону, по уставу, по артикулу суворовскому. А Глашка чем свою свободу заработала? Кувырканием в постели? Так у меня таких умелиц – пятеро банных девок. А некоторые помещики ещё и сенных держат. Причём заметь: при здравствующих супругах, вроде как не для себя – для гостей.

Всё, Андрюшенька, должно происходить по закону, а иначе – бардак будет.

Следующее соображение: написал я, допустим, вольную. Заберёшь ты её из благих намерений с собой. Девка красивая, в городе соблазнов много, а ну как пригрезится ей, что и сама, без тебя проживёт. Чем ты её остановишь?

Алексей Михайлович подождал ответа, но Андрей молчал.

– Посему, чтобы мне не пришлось отказывать тебе – лучше и не проси. Но и расстраиваться тебе не нужно: отпишу я её – забирай, а через годик, коли не передумаешь, и вольную оформим. Так-то, думаю – поразумней будет. Согласен?

Какое-то время в кабинете стояла тишина.

– И на этом спасибо! – поднялся племянник из кресла.

Старший Чиров попытался разглядеть в его лице огорчение или обиду – не увидел и вздохнул с облегчением.

– Бумаги на Шаговых я сейчас допишу, печатью фамильной скреплю и здесь – в секретере оставлю. Когда поедешь – заберёшь, в городе передашь их моему стряпчему, адрес ты знаешь. Пока ты со своими кассетами занимаешься, он всё оформит: внесёт в нужные списки, реестры. Вот, – прикинул хозяин, – пожалуй, на этом и всё – ступай, отдыхай.

И они ещё раз по-родственному обнялись. Обиды на дядю у Андрея и в самом деле не было – он понимал его правоту.

Да и Глаше он, собственно, ничего не обещал, даже того, что заберёт её с собой. Просто накатила такая волна удачи, и он на её гребне раззадорился через край.

– ...Пластина, находящаяся в кассете, покрыта коллоидным серебром. При попадании луча света, отражённого от предмета фотографирования, проходящего через объектив и целую систему линз, призм и зеркал, происходит определённая реакция – фототиз: распад молекул вещества, под воздействием поглощённого им света... – попытался поразить Аглаю своими университетскими знаниями о секрете фотографии будущий репортёр. – Потом результаты этого процесса закрепляются с помощью специальных химикалий, а затем – или переносятся на светочувствительную бумагу и получается фотопортрет; или с помощью фототипии и фотонаборной машины печатаются газеты или журналы.

– Понятно, – простодушно и буднично огорошила Андрюшу слушательница.

– Что тебе понятно?! – изумился лектор, рассчитывавший на абсолютно обратный эффект.

– Бабы у нас белое полотно замачивают, а потом на солнце раскладывают. Сама-то я в этих рецептурах не больно сильна: только хлорку да синьку и знаю, а вот Настасья в какой хошь цвет покрасить может, и не смывается потом, не отстирывается.

– Ничем тебя не удивишь – на всё ответ готов, – искренне подосадовал Андрюша и с наигранной угрозой в голосе, вроде как попугал:

– Вот заберу тебя с собой в город, отдам учиться и погляжу: будет ли у тебя там так же лихо получаться.

– Правда?!

В широко раскрытых глазах Аглаи отражались, сменяясь, и радость, и страх, и надежда и ещё что-то непонятное для Андрея.

– А когда? – выдохнула чуть слышно. Робко, словно боясь спугнуть.

– Отвезу поутру твою сестричку в больницу, завезу стряпчему дядины бумаги, затем в пожарной лаборатории обрабо-

таю и распечатаю пластины, портрет дядюшкин изготовлю. И к ночи вернусь. Дорога не больно долгая, но туда-то придётся ехать осторожно: роженица и пластинки хрупкие – половина стеклянные. До конца недели напишу свою эпистолу, представлю дяде на утверждение, коли одобрит, то можем и отправляться...

– По крайности – четыре дня, – подсчитала Глаша.

– Стало быть – четыре, – не вникая, согласился молодой господин.

Глаша объясняться о цене этих денёчков не стала, да если бы и захотела – не смогла.

– Ты ложись, Андрюшенька, отдохай. Намаялся, чай, за эти два дня, да и вставать рано. Саквояжик этот заберу, – подхватила она ридикюль с кассетами, – Алёшка твой толком их не уложит, а я мягкими тряпицами аккуратно оберну, плотненько упакую и к твоему отъезду в коляску отнесу. Спи.

Нежно чмокнув Андрея в губы, она, неслышно ступая, скрылась за дверью.

Весь усадебный люд, после пережитых накануне тревог, ожиданий, радостных возвращений и хлопот, в ту ночь улёгся рано – как стемнело по-настоящему, так и утомонились. Тем более, что в барском доме темнота и тишина – не погалашишься, да и не воспользоваться возможностью отдохнуть – грех. Поэтому, когда где-то ближе к полуночи прошёл какой-то шум, это никого не потревожило, не побеспокоило. И даже более осязаемое и слышное движение во дворе, с отдельными криками людей и топотом коней, усадьбу не разбудило.

Ближе к рассвету Филимон потряс спящего Алексея Михайловича за плечо.

– Просыпайтесь, барин. Беда!

При словах подобных: «Подъём! Тревога! В ружьё!» майор пробуждался мгновенно.

– Что?! Пожар?! – поднял голову от подушки, но набата не услышал.

– Михей сбежал!

– От кого?! – спустил ноги с кровати Чиров. – Куда?!

– И лошадь с коляской, для барина молодого приготовленную, угнал, – сообщил старый слуга, подавая господину одежду и сапоги. – Более не знаю ничего.

Сидор Крюков, встретивший хозяина внизу, знал, разумеется, больше.

– ...Конюха связал, выгнал лошадь, запряг в коляску и умчал куда-то. Мы в доме проверили – никого, мальчонка один. Сказывает, что мамке совсем худо стало и отец её в родильню повёз. Я двоих уже туда верхами отправил.

– Давно?!

– Да часа уже два как... в скорости должны обратно быть. Приказал Михрютку сюды доставить.

– Молодец! – похвалил управляющего барин. – Ужо я ему покажу, как своевольничать! Рано он себя лихим принцем возомнил! Все грамоты в огонь! В печку!

И Алексей Михайлович развернулся обратно к дому, но в это время на дороге перед усадьбой послышался топот копыт. Барин остановился в ожидании: в ворота въезжала одноконная повозка с привязанной к ней ещё лошадью, и рядом – верховой. Заметив людей, возница повернул к ним.

На дне коляски лежал связанный по рукам и ногам егерь. Вида ужасного: разбитый нос и губы в расчёт не шли. Мутный блуждающий взор, отвисшая, мелкотрясущаяся челюсть и невнятное бормотание создавали ощущение неприятное, отвратное, брезгливое.

– Он что – пьяный? – не понял Алексей Михайлович и, нагнувшись ближе к телу, прислушался.

– ...Погубил я их... погубил... – расслышал он прерывистые стенания.

– Он вроде как не в себе, – пояснили доставившие беглеца мужики. – И не сопротивлялся вовсе, это уж мы его так – для ума, для порядку поучили.

– А бормочет-то чего?

– Так одно только и талдычит: «...погубил я их... погубил...» Поначалу ещё о каких-то проклятых снимках поминал.

– Погубил-то кого?

Конюхи переглянулись.

– Своих, должно быть: мальчонку-то, новорождённого, мёртвым достали, и Настасья, как фельдшер говорит: «До утра не доживёт – кровью изошла».

Такой оборот дела Алексея Михайловича смутил. Простой для суда, на первый взгляд, случай: даже и не воровство, а почитай – грабёж, да ещё побег – по суворовскому артикулу на две тысячи шпицрутенов, самое малое, набегало. Теперь – пришлось задуматься.

Сидор, уловив колебания барина, подступил поближе, негромко – слышно лишь им двоим, но внятно и разборчиво предостерёт.

– Ежели такое спущать – завтра жди пугачёвщины, её на корню выжигать надо.

Чиров, соглашаясь, покачал головой, но возразил, памятуя правила:

– Надобно бы его для начала допросить хотя бы.

– Допросим, – заверил Силыч, – всыплем горяченьких – враз опамятует и во всём признается. Иначе – он долго так причитать будет.

В воинской практике его превосходительства такое случилось.

– Эх, Михрютка, Михрютка, что же ты натворил, дурень, – посетовал барин перед оглашением приговора.

– Тащите его на конюшню и отвесьте ему кнута – три сотни.

Аккурат вместе с последними словами Алексея Михайловича приоткрылась входная дверь и на крыльце появился младший Чиров, видимо, собравшийся в дорогу. Андрей с недоумением обежал взглядом лица собравшихся. Подошёл к коляске, увидев там связанного и избитого Михея, вовсе растерялся.

– И что тут происходит? – обратился он к дядюшке.

– Злодея изловили! – всякие сомнения майором уже отброшены, голос уверен и твёрд. – Конюха, понимаешь, связал. Коляску твою с лошадьё угнал – еле поймали.

– Но зачем?.. Мы же договорились...

Андрюша осёкся, мысль его метнулась в другую сторону, и он, оторопев, бросился к повозке. Михрютку оттуда уже вытащили и поволокли к месту порки.

С первого взгляда было видно – коляска пуста.

– А где саквояж с кассетами?!

Барчук посмотрел в лицо дяде, потом – Сидору, пошарил глазами вокруг – ничего.

– В коляске должен быть ридикюль с фотографическими пластинами, – пояснил младший Чиров старшему.

– Эй, мужики! Стой! – скомандовал Силыч конюхам. – Пантелей, подь сюда! – подозвал он давешнего возницу.

– Куды дел чемоданчик господский?! – впился Крюков пронзительным взглядом в лицо мужика.

– Христом Богом клянусь! Барин! Сидор Силыч! – мужик упал на колени. – Не брал ничего! Вот вам крест!

И истово перекрестился.

– Куды же он подевался, коль его туда поставили?! – не отступался управляющий.

– Надобно у Михрютки-злодея спросить, он ещё их поминал: «...снимки проклятые...» – вспомнил Пантелей, – выбросил, должно быть...

Андрюша, внимательно слушавший этот диалог, в возмущении, негодовании и отчаянии развёл руками.

– ...Как же он посмел?! Как же он мог?! Мы же ему...

Повернулся к дяде.

– Все мои труды, все надежды, все планы – всё насмарку! Всё – коту под хвост! И ваш портрет...

Безнадёжно отмахнулся.

Алексей Михайлович, вошедший в раж вершителя правосудия, не медля ничуть, оборотился к Крюкову.

– Добавь-ка, Сидор Силыч, ему ещё пару сотен.

– Как прикажете, ваше превосходительство, – присел, согнув спину, управляющий и, не дожидаясь новых указаний, заторопился исполнять оглашённую волю господина помещика.

Мужики подхватили Михрютку под микитки и поволокли к месту экзекуции, Крюков сел в коляску и поехал следом. Чировы остались у подъезда одни.

– Видишь, Андрюшенька, насколько темна мужичья душа: казалось бы – преданный человек, и – на тебе.

Между тем вся эта возня у господского дома, несмотря на довольно раннее утро, не могла не разбудить и остальную дворню. У людских, флигелей, подсобок и служебок появлялись полуодетые, полусонные люди – по одному, по двое-трое: кто-то вышел уже давно, кто-то – только что. Перешушукивались, переговаривались.

- ...Михрютку-то куды поволокли?
- ...Куды? Куды? На конюшню, сказывают.
- ...Барин-то, будто бы, вольную ему дать обещался.
- ...Обещанного три года ждут – выдать, не дождался.
- ...И молодой барчук его привечал.
- ...Что-то Михей у него испортил или потерял.
- ...Тоды – да: барин он добрый, покуда ты его интерес блюдёшь.
- ...Запрет Сидор Михрютку. Ой, запрет.

В барском доме тоже началось шевеление: стукали двери, слышались шаги. Скрипнув, приоткрылась и входная дверь. Выглянувшая в образовавшуюся щель Глаша, увидев рядом с Андреем Алексея Михайловича, выйти не решилась, но барин сам, разглядев девичью голову, поманил её к себе.

– Иди-ка, иди-ка сюда, красавица.

Она послушно вышла к господам.

– Может, ты нам сможешь объяснить то, что твой родственник натворил: коляску хозяйскую угнал, саквояж с кассетами изничтожил.

– Как угнал..? – посмотрела Аглая на Андрея. – Зачем?

– Вот и мы гадаем – «зачем?» Али чего-то не того на радостях принял? В голове помутилось? – пытался разговорить горничную барин.

– Не знаю я, – в полном смятении отвечала девушка. – Я всё ждала, когда Андрей Иванович завтракать пойдут, чтобы чемоданчик в коляску отнести. Но никто не пошёл...

Андрей, стоявший обречённо потупившись, поднял голову.

– Ты хочешь сказать, что не отнесла его?

– А куда? И повозки перед домом не было, только сейчас... – повиноватилась Глаша.

– И где он?! – нетерпеливо вскинулся барчук.

Испуганно вжав голову в плечи, Аглая указала изогнутой ладошкой себе за спину.

– Здесь, в прихожей стоит.

И добавила еле слышно.

– Всё переложила, упаковала...

Сорвавшись с места, младший Чиров бросился к двери, распахнул, шагнул внутрь, схватил саквояж и, прижав его к груди, вернулся на крыльцо, молча посмотрел на дядю.

Перед майором встала трудная задача: отменить назначенное по артикулу наказание он не мог, но и оставить его без изменения при вновь открывшихся обстоятельствах – тоже.

– Беги-ка, девка, на конюшню, да передай Сидору Силычу, что барин повелел экзекуцию уполовинить. Поняла? –скомандовал Алексей Михайлович.

– Нет – не поняла, что за экзекуция?

– Этого тебе понимать не надо. Слово запомнила?

– Да.

– Так исполняй! И ещё передай – пусть особо не усердствуют.

Глаша стремглав помчалась на конюшню. А Чировы, переглянувшись, вошли в дом.

Пока господа Чировы неспешно разбирались со своими господскими обязанностями, на конюшне события развивались

гораздо быстрее. Подъехав на коляске к месту, Крюков первым делом отправил конюшенного мальчонку к пастухам.

– Возьмёшь у них кнут волчий. Скажешь: «Сидор Силыч приказал».

Затем распорядился принести три ведра с водой и соли. В двух вёдрах соль размешали, в третьем воду оставили чистой. Вынесли на улицу лавку, связанные руки Михея пропустили под доску. Ноги привязали вместе. К тому времени Федотка-мальчишка принёс кнут: сплетённый из длинных узких кожаных ремешков, около двух саженей длиной каждый, с закреплёнными на концах свинчатками – это, по сути своей, настоящий кистень, в умелых руках убивающий волка.

Крюков подал кнут Пантелею.

– Ну что, Пантюша, давай – сполняй барский приказ.

– Почему я-то? – попытался отпихнуться конюх.

– Бери! Бери! – голос Сидора стал жёстче, злее, глаза колючей. – Откажешься – после него ляжешь. Это ты господам можешь байки рассказывать про то, как он тебя спеленал. Продрых, пьянь, покуда у тебя лошадь с повозкой увели. По артикулу суворовскому за пьянство – триста горячих полагается.

Нехотя, но Пантелей кнут взял.

– Я разве ж отказываюсь.

Описав несколько кругов над головой ката, ремни с хлопком впелись в спину жертвы: рубаха лопнула, но порозовела лишь в нескольких местах.

– Дай сюды! – вырвал кнутовище Крюков. – Вот как надо!

Он сноровисто изготовился, взмахнул, раскрутив – щёлкнул, ещё крутанул для замаха, но тут из-за угла конюшни выскочила Глаша и, под руку ему, закричала.

– Стойте!!!

Силыч опустил кнут.

– Алексей Михайлович приказал экзекуцию ополовинить и не усердствовать.

За этот короткий путь – что бежала, изо всех сил пыталась она придумать, что бы ещё к хозяйским словам добавить, но так и не нашлась, не сообразила.

Внешне Крюков и бровью не повёл, но про себя озлился.

– Ишь ты: «Алексей Михайлович...» Для нас всех: «Его благородие, господин, барин», а у этой свистушки... Алексей Михайлович. Ну погоди ужо...

Сидор обвёл взглядом распластанное перед ним тело Михея.

– Ополовинить, – усмехнулся, – как же. Милует царь, да не милует псарь!

Гаркнул на мужиков:

– Вы рубаху-то ему задержите! Перину ишо бы ему на спину положили.

Подручные едва успели исполнить приказ, как кнут, повинаясь нетерпеливой руке, впился в голую спину. Кожа под ударом лопнула и расплзлась по сторонам, брызнула кровь.

Аглая, взвизгнув от ужаса, ладонями закрыла лицо, при следующем замахе палача развернулась и, спотыкаясь, поковыляла прочь.

Вложившись в десяток ударов, Крюков передал кнотовище Пантелею, сам подошёл к голове егеря. Откинув с неё рубаху, приподнял за волосы, заглянул в лицо.

– Что, правдолюбское семя, помогла тебе ваша честность – отблагодарил барин?

Взор Михея прояснился: муть из глаз ушла, и зрачки не двигались сами по себе, – взгляд осмысленный, но мимо ката – сквозь палача. И лицо – без страдания. Казалось – вот-вот улыбнётся и прошепчет что-то.

Управляющий выпустил волосы из руки, голова упала на лавку.

– Лупи! – дал Сидор отмашку конюху. – Да смотри аккуратней: свинчатками по телу не врежь – враз все рёбра, а то и хребет переломашь. Мне его быстрая смерть не нужна: почитай добрый десяток лет я этого дня дожидался и теперича за каждый мой маетный денёк хочу расплату сполна получить.

– ...Михей, несмотря на запрет, жену в родильню повёз. Но и фельдшер дитя спасти не смог, – поднимаясь по лестнице, продолжал разговор с племянником старший Чиров. – И зачем, спрашивается, так – по-воровски. По-бандитски, словно тать: конюха связал. Не сломалась бы спина – поклонился ещё раз: попросил. Диспозиция-то поменялась – мог я запрет и отменить.

Они зашли в кабинет. Дядя, как обычно, взялся за трубку.

– Ну, ничего... с двух с половиной сотен не помрёт, а ума прибавится. Бог даст и Настя совладеет, оправится. Младенца, конечно, жаль, но – на всё воля Божья: ещё родят. Русские бабы они живучие, выносливые и плодовитые.

Дядюшкины увещевания никак не влияли на состояние Андрея – муторно на душе: слишком грубый диссонанс, резкий перепад – от беды к счастью и обратно.

– Поеду всё-таки в город: пластинки проявлю, отпечатаю, портрет ваш изготовлю, – ухватился за спасительную соломинку Андрюша.

– Поезжай, – согласился дядюшка. – Я бы и сам с тобой поехал, но что-то тревожно мне – будто перед баталией.

О лежавших в секретере вольных грамотах, по умолчанию, и не вспомнили.

Через час Андрей уехал. Где-то внизу, в своём закутке людской рыдала Глаша, оглушённая свалившимися на неё страшными несчастьями.

После первой сотни ударов кровотока спину Михрютки полили крутым рассолом, на голову – ведро холодной. Егерь не дёрнулся, не застонал. Сменили ката: вручили волчий кнут Савелию, второму конюху.

Отработав своё, тот вернул кнутовище обратно. Снова – рассол на спину, вода – на голову.

– А сколько бить-то? – изготовившись, обратился Пантелей к управляющему. И пояснил свой вопрос: – Девчонка от бари-

на прибежала, кричала: «Ополовинить». Стало быть – пятьдесят ещё?

– Какая девчонка?! – выверившись, уставился на него Сидор. – Ты что тут – самый грамотей и самый ушастый? Я вот, к примеру, и остальные – ничего не слышали: прибежала девчонка, постояла – посмотрела, испугалась и убежала. А ты, сердешный, один промеж всех что-то от неё услышал.

– Да нет, – испуганно затряс головой Пантюха. – Не слышал ничего – почудилось, померещилось.

– Бывает, с непривычки, – согласился Силыч, – не каждый день такие господские приказы исполнять доверяют. Но мы люди подневольные – куды деваться: нравится – не нравится... Ты давай – не тяни: человек-то заждался, – пошутил Сидор Силыч.

После третьей сотни Крюков снова поднял голову Михея: глаза закрыты, искусанные губы сжаты. Встряхнул. Веки медленно поднялись – глаза смотрели с насмешкой и губы растянулись.

– Сбегайте-ка к лесорубам: пускай Евстигней сюда поспешит, – распорядился управляющий и, приблизившись, шепнул на ухо егерю: – Скоро увидишься с жёнушкой своей...

В самом деле было или поблазилось Сидору, но будто бы Михей в ответ ещё шире улыбнулся.

Торопко прибёг Евстюха, этого учить и подгонять не нужно: вложил, как смог – лупил со всей дури, и остаток отбаранил, и ещё сверху – от себя.

Безжизненное тело Михрютки отвязали от лавки. За ноги, за руки отнесли в конюшню и бросили в пустой денник. И тут же – отовсюду, изо всех щелей, будто туча маленьких вампиров, слетелся бесчисленный рой всегда голодных, алчущих, злобных тварей – мух, набросившихся на эту уже недвижимую, но ещё кровоточащую человеческую плоть. Облепил её плотным слоем, моментально – на глазах превратившись в гудящий, жужжащий, шевелящийся ковёр, покрывающий умирающую жерт-

ву, привнося в её затухающее сознание новые невыносимые страдания предсмертных мук.

Несмотря на все перипетии этого рано начавшегося дня, в господском доме всё текло по расписанию. Отобедав в урочное время, Алексей Михайлович занял привычную позу в любимом кресле и, укрывшись пледом, задремал.

– Барин, – склонился к нему Филимон, где-то через полчаса.

Чиров, недовольно сморщившись, не открывая глаз и продолжая посапывать, чуть развернул голову.

– Там фельдшер покойную Настю с младенцем привёз, – доложил слуга.

– Не сдюжила, стало быть... – вздохнул Алексей Михайлович и широко зевнул. Закрыв рот, перекрестился. – Прости господи.

– И с ним – ещё какой-то дознаватель, – добавил Филимон.

– Меня спрашивают? – приподнялся майор.

– Нет.

Его превосходительство, успокоившись, откинулся обратно.

– Тогда, если понадобится – позовёшь.

И, пошамкав губами, устроился поудобней и снова засопел.

Проснувшись, как заведено, часа через полтора, барин вызвал к себе управляющего.

– Фельдшер где?

– Так уехали уже – полчаса тому.

– Зачем приезжал?

– У меня, – рассказывает, – в родильне покойницкой нет, и на похороны их средств не выделяется, поэтому – забирайте.

– А этот – который с ним был, что?

– Фельдшер-то на себя вину брать не хочет. «Поздно привезли», – заявляет, и по команде, как положено, доложил. Дознавателя и отправили, чтобы он Михрютку опросил, почему такое получилось. А тот к их приезду и сам уже час как представился.

– И что?

– Поспросал он мужиков: «Кто приказал? Чем пороли? Сколько?» Те ему всё, как было, обсказали, с этим и уехали. Правда, – якобы вспомнил Крюков, – перед отъездом, ехидно так, попытал у меня: «А знает ли твой барин, что по царскому Уложению о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года битиё кнутом запрещено, только плетью и не более трёхсот раз. Вы же – кнутом и полтысячи».

– Постой. Почему полтысячи? – недоумевающе переспросил майор. – Я же к вам Аглаю посылал, с приказом экзекуцию уменьшить вдвое.

– Глашку? С приказом? – удивился управляющий. – Прибегала, полслова не сказала – охнула, заревела и убежала. Девка – что с неё возмёмшь.

– А почему ко мне не поднялись? – насупился барин.

– Я предлагал, но дознаватель этот сказывает, что допрашивать господ-дворян ему не по чину, для этого следователь с города приедет, через день-два.

Опытный вояка явственно почувствовал надвигающуюся опасность. Управляющий подлил масла в огонь.

– Не к добру это всё, Алексей Михайлович.

Что-то резануло господское ухо, но что – не понял, не до того.

– Тут ведь ещё в чём неприятность, – продолжал нагнетать Сидор. – Будь они крепостными – одно дело, хотя по нынешним временам тоже спрос есть. Однако вы их вчера принародно от крепости освободили, а за вольных ответ другой – могут и дворянства лишить, и в Сибирь упрятать. Власти про это, видать, пока не знают, но если шепнёт кто или проговорится...

Тон, в каком Крюков с ним разговаривал, нравился Чирову всё меньше и меньше.

– Мало ли что я вчера на радостях мог пообещать: слова без бумаги, документа ничего не значат – пустой звук. А грамоты те – давно в печке.

Покривил душой Алексей Михайлович: за всеми этими не-настьями про бумаги он вовсе забыл.

– В судейских делах я мало чего понимаю, – прикинулся Силыч овечкой. – Хорошо, если так. Но, полагаю, разумнее – поберечься.

– Это как? – насторожился барин.

– Съехать вам отсюда надобно – на полгода, лучше – на год. Пока всё утрясётся, уляжется: не начнут же они вас искать.

Петля вокруг помещика Чирова, похоже, затягивалась, но выход, надежда ещё оставались.

– Ладно, пожди пока – я подумаю. Если надумаю – позову.

Едва за управляющим закрылась дверь, как Алексей Михайлович подскочил из кресла, бросившись в бюро секретера, поднял крышку: грамота на месте, но одна.

«Шагов Роман Михеевич...» – прочёл майор. А это значило, что путей отхода больше нет.

Прерогатива генералов – долго думать, майоры должны принимать решения быстро.

– Филимон! – позвонил господин в колокольчик. – Покличь мне управляющего обратно.

Ждать пришлось недолго.

– Думаю – ты прав: бережёного бог бережёт. Съедем мы завтра утром с Андреем Ивановичем, куда – к брату, а там посмотрим. С собой заберу Филимона, кухарку и Аглаю. Приготовь две повозки под людей и телегу под скарб. И ещё – будешь мне каждые три месяца отчёт присылать, адрес я сообщу.

– Это уж как водится, Алексей Михайлович, за всё до единой копейки, как на духу, отчитаюсь. Не извольте беспокоиться. Здешние дела тоже улажу – кнут на плеть подмену: «Мол, обознались мужики: не обучены – в тонкостях не разбираются. И считать до ста никто из них не умеет – самому пришлось». Будьте покойны – никто лишнего не пискнет. Вернётесь обратно аки ангел святой – без единого пятнышка.

Тут вдруг до Сидора дошло, что рисует он слишком радужную картину: того глядишь и передумает барин съезжать.

– Конечно, дело это рискованное, – поспешил он развернуть ситуацию. – Мужичьё – оно и есть мужичьё: который – дурак, который – болтун, а который, за верное моё служение вам, злобу на меня всю жизнь точит. Как вон – Аглая. А её слово, получается – одно из главных. Со мной, как с крепостным, ежели что пойдёт не так, церемониться не будут – враз в колодки обуют и на каторгу, но тогда и к вам следок потянется. Посему ради спокойствия Вашего и уверенности общей надобно, думается мне, нас с Глашкой этой обвенчать – так надёжней.

Закончил Силыч и замолчал в ожидании господского решения.

– Ишь как вывернул – ловок! – изумился Алексей Михайлович умению управляющего стричь листья с ёлки.

Но рисковать своей репутацией, дворянской честью, а возможно и свободой ради судьбы какой-то дворовой девки у него и в мыслях не было.

– Найдёт себе Андрюша другую забаву, – мысленно оправдал себя барин, а вслух спросил: – Когда? – давая этим вопросом ответ.

Крюков, стараясь по-прежнему выглядеть покорным, похолоуiski преданным и делами хозяина озабоченным, задумчиво растягивая слова, доложил:

– Сегодня не получится – батюшка занят: Шаговых отпевают. Хотели их в одной могиле похоронить, да он заартачился: «Не положено, – говорит, – не по-христиански». Пришлось ещё две копать. Столяра гробы сделали, так что – к ночи похороним, не в ледник же их нести. А завтра, до вашего отъезда – можно и под венец.

Майор без каких-либо колебаний и сомнений сий расклад утвердил, после чего управляющий немедленно отправился исполнять вроде как барскую волю, а сам Алексей Михайлович, поглощённый теперь заботами сборов, уселся за составление списка, перечня необходимого для долгого отъезда.

Вернувшийся вечером из города младший Чиров застал господский дом в суете слуг. Поднявшись к дяде в кабинет за объяснениями, был встречен весьма неожиданным вопросом.

– Андрюшенька, ты вольные грамоты покойных Михея и Насти не забирал?

– Значит всё-таки – покойных, – дошло до барчука, по инерции продолжившего снимать обёртку с дядиного фото. – Нет, не брал. Кому они теперь нужны, что в них проку.

На портрете – бравый офицер в лентах, орденах и медалях, монумент героического прошлого. Настоящий, реальный, лишь мельком взглянув, вопреки ожиданиям фотографа, отмахнулся.

– Стало быть нужны.

Очевидно – эта тема занимала его сейчас гораздо больше.

– Они сейчас – мой приговор, наш приговор.

И старший Чиров посвятил Андрюшу в подробности событий, произошедших в усадьбе за время его отсутствия.

– Должно быть, девка твоя – Глашка спёрла, – подытожил он свой рассказ.

– Она бы все три забрала или, по крайней мере, на живого племянника. Да и как ей в запертый кабинет попасть? – не согласился Андрей и, вспомнив предупреждение Михея, легко разрешил задачу. – Это – ключница Пелагея, полюбовница Сидора.

– Ежели так, то это – конец, полная конфузия, – сник суворовский вояка. – Проиграл я, Андрюшенька, эту баталию вдрызг: обложили со всех сторон – пора ноги уносить.

Но искорка надежды ещё тлела.

– Ты всё-таки сходи, поговори с Аглаей. Если грамоты найдутся – никуда не поеду, всё отменю и в обратную разверну.

Смысла окончания фразы Андрей не понял, но переспрашивать не стал.

Как найти Глашу, подсказал Филимон.

– На кладбище небось – где же ей ещё сейчас быть.

Кладбище – рядом с сельской церковью, на краю – три свежие могилы: две большие, одна – маленькая. Рядом с ними два человека: один – побольше, другой – маленький. У того, что побольше, голова повязана чёрным платком, глаза и нос – опухшие от слёз, лицо – не узнать. Маленький, вцепившись в руку тётки, не отрываясь смотрит на свежую землю, холмиками навсегда разделившую его с милой мамой и любимым тятенькой.

Не вмещается горе в его детскую душу, не убирается – разливается вокруг, в другие души просится. И в понимании не укладывается: вот же церковь рядом, Господь Бог. Как позволил? Зачем? За что?

Андрей тихо подошёл, встал рядом, прочитал слова молитвы, перекрестился. Молча простояли до близких сумерек. И так же скорбно молча, понуро и неспешно покинули погост. Они дошли почти до дома лесника, когда Глаша произнесла первые слова.

– Забери Ромку с собой – здесь его Сидор изведёт.

– Почему: «Забери»? – не понял Чиров. – Заберём.

Аглая остановилась, присела на корточки, погладила племянника по голове.

– Иди, Ромочка, в дом. Я сейчас с барином попрощаюсь и приду.

Мальчишка, готовый расплакаться, неохотно выпростал ручонку из тёткиной, посмотрел ей в лицо, сделав два робких шага, остановился, оглянулся, готовый броситься обратно.

– Иди, иди, – ласково подбодрила его Глаша. – Я быстро.

Мальчик маленькими, короткими шажками, не оборачиваясь, медленно пошёл к дому, потом вдруг резко сорвался с места и кинулся стремглав. Хлопнула дверь.

– Сейчас плакать будет, – сказала кому-то Аглая и подняла глаза на Андрея.

Постояла, потом подняла руку и так же нежно, как давеча мальчика, погладила Андрюшу по щеке, по голове.

– Не сказал тебе дядя твой, что завтра поутру меня с Крюковым обвенчает?

Заглянула в глаза.

– Нет, не сказал.

Почему-то смутился Чиров и вдруг с ужасом понял, что это известие его не шокирует, не коробит, и мозг не вопиёт, а лихорадочно ищет дверцу, щёлочку, чтобы шмыгнуть, выскользнуть, выбраться из этой истории поскорей.

– Верю, что не сказал, – она по-прежнему гладила его по голове и смотрела в глаза, – и знаю, что ты изменить ничего не можешь. Поэтому и прошу не за себя – за Романа: жизнь-то тебе отец его всё-таки спас. Отдашь куда-нибудь в ученики: на завод или фабрику какую...

Глаша сама нашла любимому лазейку.

– Конечно возьму! Конечно отдам! – торопливо соглашался он на всё, на любые условия.

Взгляд её переменился, рука обречённо опустилась.

– Слава тебе Господи! Пойду тогда его собирать.

Шагнула в сторону.

– Подожди, Глаша.

Сердце сжалось в ожидании последнего, прощального, самого важного...

– Вольные грамоты сестры и Михея ты взяла?

Сердце оборвалось, упало.

– Чтобы на могилы положить?

Перед тем, как уйти, нужно было ещё что-то всё-таки сказать.

– Помнишь, ты меня как-то спрашивал: «Зачем мы вообще детей рожаем, коли крепостью тяготимся?» Я тогда ещё посмеялась, мол: «Природа требует». Потом поразмыслила по-серьёзному: «Зачем?» И поняла – в надежде всё дело: в церковь-то мы в одну ходим, на иконы одни молимся, и живёт в нас, глупых, вера, что Господь Бог когда-нибудь вас вразумит и признаете вы в нас людей. Да, видимо, напрасны все эти мечты – мы для вас навсегда чернь, рвань, быдло. И как ни старай-

ся – искренней ответной благодарности не будет: все красивые слова – обманка. Может быть, Ромка или дети его какой-то другой способ отыщут, чтобы на Руси Святой все русские в людей превратились, а нам, по всему, придётся свой век в ярме доживать.

Развернулась и ушла.

Следующим утром батюшка с соизволения барина обвенчал раба божия Сидора с рабой божьей Аглаей.

Алексей Михайлович, как и заведено, подарил молодым червонец на обустройство.

Перед самым отъездом господского обоза случилась непредвиденная задержка – куда-то запропастился Ромка. Лишь обыскав все закутки, сообразили, что в усадьбе есть лишь одно место, с которым он не может распрощаться. Так и оказалось: маленький одинокий человечек лежал между двух могил, пытается раскинутыми ручками обнять их.

– Словно лебедёнок крылья раскинул, – мелькнула фотокадром охотничья сцена в памяти Андрея.

Еле утащили.

– Никуда не поеду!!! Хочу здесь – с ними!!!

Когда обоз наконец тронулся, Глаша, не сдержавшись, кинулась к повозкам, но Силыч, не раздумывая, прихватил молодую жену за волосы, притянул назад и поставил рядом с собой.

Попытавшегося выскочить из коляски Андрея задержала выставленная шлагбаумом дядюшкина нога.

– Не вмешивайся, Андрюшенька. Это теперь их дело – семейное, любовное.

Эссе Андрея Ивановича Чирова в журнале поместили в рубрике «Краеведческий очерк». Среди нарождающейся российской журналистики оно было встречено весьма благосклонно: особенно приветствовалась прогрессивность, новаторство в подаче материала, а именно – использование фотографических снимков. Небольшие критические замечания в адрес ав-

тора – отсутствие чёткой политической ориентации, но – это дело наживное.

С литературной точки зрения – как рассказ – произведение признали малооригинальным: русскую охоту и рыбалку описывали уже не раз, гораздо более маститые авторы.

Большого общественного резонанса также не случилось: «...жизнь российской деревни в нашей огромной империи, естественно, многообразна и многогранна: в одном поместье – спокойно-патриархальна благодаря дворянину-барину, строго придерживающемуся законов и канонов, как в описываемом автором случае; в другом – могут царить дикость и зверства...» – отмечал один из цензоров.

В чём единодушно сошлись все рецензенты – прекрасная колоратура и смысловая разнообразность фото. Тут вам и деревенский быт; открытые, добрые крестьянские лица; и их единение со своим господином. Здесь и блестящий натюрморт с лебедем. И особенно хорош финальный снимок, завершающий очерк: огромный сом, молодой дворянин – спортсмен, победивший этого исполина, и счастливый, радостный местный егерь, помогавший барину и получивший в награду полную свободу.

ПОЭЗИЯ

Нина ВЕСЕЛОВА

БАБЬЕ ЛЕТО

История виртуальной любви с прологом и эпилогом
Поминальный цикл

Надежда – как предчувствие любви –
Нам обостряет видение мира,
И в небесах поёт созвездье Лира,
И новый ток опять гудит в крови.

Такого на веку людском
Не помнят предки:
Цвету забывшимся кустом
И прячу ветки.

Я знаю, как я не права,
Пустив побеги, –
Повсюду падает листва,
Узнав о снеге,

И про сугробы говорят
За лесом где-то.
И лишь мои цветы горят...
О, бабье лето!

Познавший позднюю любовь
Не бросит камень в молодую! –
Уже почти в полубреду я
Твердить вам буду вновь и вновь.

Имевший опыт бытия,
Когда руки прикосновенье
Душе дарует вознесенье,
Вам скажет то же, что и я.

Двоим назначенный полёт
Не требует холодных формул.
Любовь небесная реформу
В нас совершает до и от.

И отправляется за борт
Всё, что свои имело смыслы,
Но вдруг мучительно нависло,
Взывая совершить аборт.

И выбор на кону один:
Погибнуть, не изведав доли,
Или, зажмурившись от боли,
Признать, кто есть твой господин...

Когда к душе летит с небес
Готовая всё сжечь комета,
Зачем искать и ждать ответа,
Каким предсказывают лето,
С дождями или, может, без?

Обычное сердечное тепло
Бывает тяжелее тяжкой ноши,
Когда для счастья время истекло,
А ты не появился, мой хороший.
Ищу тебя по свету день и ночь,
Глаз не смыкая и не пряча слёзы.
У нас могла бы быть такая дочь!
И сын бы был... Но это только грёзы.

А сердце обмирает от любви,
Ненужной, не востребованной, юной,
И жаркий ток гуляет по крови,
И верится, как в солнечном июне,
Что будет на дворе моём тепло
И всё успеет соками налиться.
... Не ведая, что время истекло,
Стучит в моё окно большая птица.

Когда осенней сумрачной порой
Светило в тучи тяжкие садится,
Мне верится, что сказочный герой
В дорогу непременно снарядится.
Ему взмахнуть рукою только раз,
Чтоб сокрушить ненастные оковы,
Ему сказать всего лишь пару фраз,
Чтоб жизнь моя заискрилась бы снова.

А он всё медлит, сказочный чужак,
Всё оседлать никак коня не может!
И пылью покрывается чердак,
И остывает в моей спальне ложе...

Я продиралась через толщу лет,
Сдирая ненавистные морщины,
И снова обнаруживала свет
Мальчишеский у павшего мужчины.
От устья, из болота нечистот
Я поднималась к ясному истоку...
Я понимала: предо мною тот,
Кто был унижен и убит до сроку,
Кому вонзили в спину острый нож
Тупого равнодушного презренья,

Кому внушили, что он просто вошь,
Что нет совсем надежды на прозренья.

Ах, как моя исплакалась душа
По каждому лежавшему в канаве,
И слушала я долго, чуть дыша,
Того, кто исповедаться не вправе,
И чувствовала плотью эту боль,
Сжигавшую отверженное сердце...
О Правящий, теперь меня уволь
С подобным примириться и стерпеться!

Когда бхватило тела и души,
Я всех несчастных созвала б в объятья,
Я их отмыла б в праведной тиши,
Я им бы объяснила, что мы – братья!
Но – бесполезен мой безумный жар,
И те, кого люблю, проходят мимо,
Ведь меж мирами тонкая межа
Другим невидима и, значит, мнима, мнима!
Хочу кричать и за собой вести,
Но опытом проверено – напрасно!

А за порогом ветер так свистит!
А на небе так пусто и так ясно!
О, дай мне, боже, силы не сгореть
От пламени, бушующего зряшно,
Пошли того, кого должна согреть!
Пусть будет телом жалкий он и страшный,
Я в душу гляну и увижу – он!
И распахнусь доверчиво навстречу.
А дальше – если время – вечный сон...
Бери меня, я даже не замечу!

Варю по воскресеньям щи
И манник затворяю...
Ищи меня, скорей ищи,
Пока я отворяю
Свою калитку хоть на день
В потоке сером будней.
Ведь с каждым часом гуще тень
И сон мой беспробудней.
Чем дольше – тем плотнее мхом
Мою скрывает душу.
Взойди на мой печальный холм,
Присядь меня послушать.

Я так отчаянно бегу
Всю жизнь тебе навстречу,
Чтоб на последнем берегу
Твои услышать речи!
Уже мерцают угольки
В голодной пасти печки.
Приди ко мне, обволоки,
Устройся на крылечке,
Как будто век ты здесь живал
И знал меня с пелёнок.
Приди, пока ещё жива
И достаёт силёнок
Увидеть свет во мраке дня
И распознать, что ты – родня.

А весна неизбежна –
 Как любовный экстаз,
 Как безумные всхлипы
 На вершине томленья
 И как сладкое право
 Исполнить приказ,
 От которого нет
 У тебя избавленья.

И любовь неизбежна,
 Как весенний экстаз...
 Хоть ещё бы один,
 Распоследнейший раз...

Прорастаю,
 Опять прорастаю
 Жадной верой в победу добра
 И предчувствие вновь обретаю,
 Что моя наступает пора.

Пьяной почкою новую завязь
 Обозначу на голом стебле.
 Не страшна мне слюнявая зависть,
 Что веками блуждает во мгле.

Набухаю нежнейшим бутонем,
 Расцветаю душистым цветком.
 Не молчите, скажите же,
 Кто нам
 Сдавит горло последним глотком?

Я устала скорбеть и бояться,
 Корни мне не подъест кабаньё!
 Хватит без толку по свету шляться,
 Безрассудное счастье моё.

Работаю свечой во мраке
И трепыхаюсь на юру,
Но не погасну, не умру
И не полезу в забияки.

Я верю в силу доброты
И ей служу в горниле воска.
И свет мой, тихий и неброский,
Наверняка уловишь ты.

Дотронься пламени рукой,
Оно твою согреет душу,
И злая воля не нарушит
Нам предначертанный покой.

Упрекнули, что желаю *славы*.
Славы, да! И чтоб *о двух ногах*.
Да такой, чтоб не было управы,
Коль нести решится на руках.

Впрочем, можно Васю или Петю,
Если вдруг такому приглянусь
И ему захочется в ответе
Сразу быть и за меня, и Русь.

Да любого, в ком жива отвага
И способность полюбить снова!

Ведь когда ложатся на бумагу,
Только о любви кричат слова.

Вчера в мелодию стиха,
 Ко мне пришедшего под вечер,
 Ворвалась, ко всему глуха,
 Тоска, мечтавшая о встрече.
 Задравши ноженьки на стол,
 Вальяжно закурила «приму»,
 Как будто заняла престол,
 Доселе для меня незримый.
 И стала душеньку тянуть,
 Как невод из пучины моря,
 И даже приняла на грудь
 Во избавление от горя.

Давно, в иные времена,
 Пошла бы я на поводочке
 И с ней бы выпила вина,
 Забыв о сыне и о дочке,
 И подпустила бы слезу,
 И даже затянула песню.
 А нынче – ни в одном глазу
 Тревоги нету, хоть ты тресни.

Встаю и пальцем ей – на дверь,
 Мол, убирайся восвояси.
 Я непокорная теперь
 И я давно не в первом классе!
 Я знаю стоимость души
 И не продам её вовеки.
 И лишь Господь в моей глуши
 Мои закрыть способен веки.

А до того – живу смеясь
 И соблюдая вид пристойный,
 Поскольку верю в то, что князь
 Ко мне торопится достойный.

Ему открою свой дворец
И зарыдаю на пороге,
Ведь я решила, что – конец,
А мне любовь послали боги!

И потому – при чём тоска,
Ко мне пришедшая под вечер?
Душе моей теперь близка
Мелодия грядущей встречи.
Кладу её на нотный стан
И напеваю в одиночку,
Пока мой Бог не перестал
Мне диктовать простые строчки.

А голос из души идёт
Всё откровенней, всё чудесней...
Конечно, князь меня найдёт
По этой песне.

Хоть мы с тобой на высших планах
Давно повенчаны судьбой
И у тебя на царской длани
Есть знак союза с голытьбой,

О том неведомо придворным
И даже простеньким богам:
Ведь ты всегда в толпе проворных
Богатых и известных дам.

Чернавкою не первый день я
Живу в завистливой глуши,
Но только веры в провиденье
Во мне ничто не сокрушит.

Закрыв глаза,
Заткнувши уши,
Я выбегу тебе навстречь!..
И бог наш с неба будет слушать
Любви пылающую речь.

Примеряю, примеряю, примеряю
Жизнь свою в слиянии с тобой.
Проверяю, проверяю, проверяю
Зонтик неба на рассвете голубой.

Дождиком его опять полощет
От утра до нового утра...
Всем угомониться было б проще,
Раз пришла осенняя пора.

Но я вижу, что на склоне где-то
Краткого и пасмурного дня
Заблудилось в паутине бабье лето
И зовёт унылую меня.

Я себя совсем не одобряю
За решимость ввязываться в бой,
Но наивно примеряю, примеряю
Жизнь мою в слиянии с тобой.

Когда подводится черта
Для зимних задубелых шествий
И открываются врата
Разгулу вешних сумасшествий,
Я чувствую внутри подъём
Грунтовых вод почти по шею
И с Господом моим вдвоём
Безумствую и хорошею.

И что мне жалкие звонки
Из околевшей преисподней,
Когда природные манки
Расставлены небесной сводней,
Когда напоена душа
Нектаром из студёной лужи
И жажда высидеть стрижат
Их пап и мам над полем кружит?

До крайней призрачной черты
Не истребить во мне потребность
Угадывать, где бродишь ты,
Скрывая немощную ревность
К самой природе, к небесам,
Которые меня объемлют,
И к тем пригоркам, где ты сам
Со мною ляжешь в эту землю.

Мой милый, меня не хватало тебе,
Чтоб вместе мы бросили вызов судьбе,
Чтоб вместе осилили русло реки,
Шагая теченью его вопреки.

Она непокорна, она глубока,
Забвения нашего счастья река.
Мы будем упрямы. С тобою вдвоём
Мы памятник в слове ему откуём

Из твёрдого сплава – из боли в груди
И тайной надежды, что всё впереди,
Что так же любя, но уже не скорбя,
За тайной чертой я узнаю тебя

По отзвуку слова, по песне души.
И всё, что мы здесь не могли совершить,
Нам будет доступно в небесной стране,
На той, за рекою, другой стороне.

Держись за меня, покоряя поток.
Я знаю, он с нами, доверчивый бог,
И хоть, как и я, ты теперь нелюдим,
Мы вместе, конечно, ему угодим.

И въяве рука устремится к руке,
Противясь забвения древней реке,
И этот слиянья божественный миг
Нам станет дороже написанных книг.

Лететь!.. чтобы на грудь твою
Упасть израненною птицей
И ощутить себя в раю!
И позабыть, что это снится,
Что ты в своём родном краю
Целуешь не мои ресницы...

Но в руки отданы ворью
Нас разделившие границы!

И значит, счастье это ложь,
Как всё, к чему стремимся в жизни,
Поскольку враг грозит отчизне,
Но зря кричим ему: «Не трожь!»

И стыдно верить и любить,
И окунаться в ласку моря,
Коль могут каждый миг убить
И мир людей повергнуть в горе.

Но если надо по судьбе,
Чтоб разорвали мы объятия,
Я соглашусь: пусть наши братья
Забудут о пустой борьбе,
Пусть воцарится на века
Всех исцеляющая эра.

И вот тебе моя рука!
Пусть я, как прежде, далека,
Но звёздной вечности река
Нас вовлекает в берега,
Где правит вера,
Где мы, как капельки воды,
Родными станем океану,
Где и в помине нет беды,
А есть нирвана
И облака родимых лиц
В когорте званых.

А что же до земных ресниц...
Я голову склоняю ниц
Лишь перед вечным.
Ты видишь? Смерти не боюсь,
Я просто плачу и смеюсь
Беспечно.

И кто бы что потом ни начертал
В своём о мире думанье убогом,
Я понимала то, что ты – портал
Для моего соединенья с богом.

Как мы б ни называли нашу связь,
Любовью или просто приключеньем,
Во всём видна божественная вязь,
И лишь она наполнена значеньем.

А мы не вправе отпихнуть наш рок,
Переступив небесные указы,
Какой бы мы ни приняли зарок,
Какие б ни выискивали фразы.

Приказано – и в путь материки
Помчатся, провоцируя цунами,
И бешеная оторопь реки
Поглотит расстояние меж нами,

Чтобы открыть космический портал,
В котором и душа, и плоть едины.
И в северных заброшенных портах
От счастья превратятся в воду льдины.

От тебя не устану рожать я детей,
Виртуальных, пока не способных плодиться.
Это ж надо мне было такой уродиться,
Чтоб с тобою скреститься без всяких затей!

Это надо же выбрать такие года,
Что уже расстоянья не стали помехой,
Что легко и свободно, почти ради смеха,
Я с тобой оказаться способна всегда.

Виртуально, конечно. И воображенье
Дорисует мне твой незнакомый портрет.
А когда я уйду, поглядишь мне вослед,
Занавески на кухне заметив движенье.

И остывший мой чай увидав на окне,
Ты опять удивишься господним причудам,
И уронишь случайно старинное блюдо,
С онемением вспомнив на миг обо мне.

Не стремись кольцевать – я не певчая птица,
Не о клетке твоей я мечтаю во мгле,
И моё появленье на этой земле
Ты придумал в ночи, и оно тебе снится.

Видишь, мечется стая в сырых небесах,
Это выводок мой ищет тёплое место.
Не твоя, милый друг, не твоя я невеста,
Обо мне плачут сосны в далёких лесах.

А что мы обнялись – виртуально, конечно,
В том не наша заслуга, не наша вина.
Просто ты оказался не обыденный встречный,
Просто я оказалась на редкость беспечна,

И теперь – не одна...
После каждой тобою украшенной ночки
Остаются на свете горячие строчки:
Сыновья наши, дочери!

А он совсем не виноват,
Что я опалена любовью,
Что променяла долю вдовью
На изнуривший сердце ад.

Кровоточит моя душа,
И сожаленье горе множит.
Но позабыть его... о Боже,
Жить без него – как не дышать.

Хотя история проста,
И все слова о ней банальны,
Когда звучит аккорд финальный,
То размыкаются уста.

И я кричу: не виноват,
Кто сердце мне ожёг любовью,
Он просто тихо двинул бровью,
И стал мне суженый и брат.

То я, не он пришёл сюда.
Не допусти над ним суда!

Я же умоляла: не жалея,
Не давай пустому чувству пищи,
Если я на паперти твоей
Подаянья попрошу, как нищий.

Пусть умру от голода души,
Плачущей в слепом недоуменье, –
Не звони, не жди, и не пиши,
И словам не придавай значенья.

Крошечную юную сосну
Выдернешь из почвы, словно ветку,
Если ей не дать прожить весну,
Если поливать и холить редко.

Вот и я просила: не корми,
Не давай надежды понапрасну.
Сам угаснет мой огонь в крови
Под стенанья гордости несчастной.

И зачем ты протянул воды,
Связи потакая между нами?
С тяжким осознанием беды
Мы теперь переплелись корнями.

В темноте подземной не дано
Им изведать светоносной неги,
Но рванутся к небу всё равно
Нашего соития побег.

И тогда уже не угадать,
Что любви измученной истоки
Там, где я надежд не подавать
Умоляла, призывая сроки.

Как росчерк лайнера вверху,
Твой след выискиваю в небе.
Нельзя, чтоб на моём веку
Не состоялся, не жил, не был!

Не мог Всевышний для тебя
Не угадать земного срока.
О, как бы было без меня
Тебе на свете одиноко!

А без тебя и мой бы век
Тянулся на Земле напрасно.
Пока ты здесь как человек,
Я не исчезну, не угасну!

Открыв со скрипом в тишине
Твоей груди тугую дверцу,
Беру доверенное мне
Вконец израненное сердце.

А руки горестно дрожат,
И вижу, что живой комочек
Лежит, ладонями зажат,
Но биться не имеет мочи.

Да и кому же по нутру
Стучать без цели сиротливо,
Гоня приливы поутру
И прогоняя в ночь отливы?

Постой, дурашка, я сейчас...
Не замирай бесповоротно...

Гляди, достала... двое вас,
Сражѐнных зельем приворотным!

.....
Твоей груди тугая дверь
Началом стала у дороги
Туда, где будем мы теперь
Бессмертны, словно наши боги.

В душе моей святая тишина,
Которая обычна при восходе:
Ни сосны, ни былиночка одна
Не шелохнутся, онемевши вроде;
И воздух не вздохнѐт, прошелестев
Крылами птицы, спугнутой из чащи,
Хоть на берѐзы сладостном листе
Прожилки изгибаются пьяняще;
На неподвижном зеркале воды
Застыли вожделенно водомерки;
Кроты свои укромные ходы
Загородили лиственной дверкой;
А горизонт напрягся в тишине,
Как тело в предвкушении истомы...

Когда добраться сможешь ты ко мне
И ощутишь себя воистину, как дома, –
Прорвѐт небес тугую пелену,
И солнце, переполненное плазмой,
Прольѐтся в Землю, и в её плену
Зайдѐтся в необузданном оргазме...

До той поры, пока тебя здесь нет,
Не может мир мой посетить рассвет.

По округе пройдёшь – и повызнобит,
душу выстудит добела.
Мне скорее её – да в избу бы,
и на печку... А ночь так светла!
И не верится в козни злобные,
и не верится в глухоту
Тех людей, что на место лобное
волокли меня за версту.
Я цеплялась за кочки прелые,
я молила подать воды,
И под сердцем надежду грела я,
что смогу избежать беды.
А она была неизбежною,
как гроза, ураган или смерч...
Но я помнила руки нежные,
когда рядом посмел ты лечь,
И нашёл мои губы горькие,
и безумно их целовал...
На поросшем брусникой пригорке я
прошептала любви слова...
Этой памятью всё искупится,
и любая отпустит стынь,
Потому что, когда голубятся,
жаром веет за три версты,
Потому что, когда я верую,
отступают враги и мрак,
И Всевышний моей же мерою
наполняет любви черпак.

Твои слова – глоток живой воды
В души моей пустыне омертвелой,
Ведь до того, что близко до беды,
На свете никому давно нет дела.

А ты заметил чахнувший росток
И приобнял дрожащими руками.
И девичьи зарделся мой восток,
И засиял рассветными боками.

Я воспарю, восстану, воспою
Потоки напитавшей меня влаги
И припаду к ожившему ручью,
Чтоб зацвели опять мои овраги.

Десяток слов – и рухнула стена,
Меж мною возведённая и миром.
И чувствуя, как полнится она,
Свой голос подаёт сухая лира.

Ты выправляешь мой пугающий полёт
Ладонью звёздной.
Пока нас не сразили годы влёт,
Ещё не поздно
Идти сырыми травами в ночи,
Рука с рукою,
И слушать, как взволнованно кричит
По-над рекою
Большая птица, тайная во мгле,
Как притяженьё,
Которое свело нас на Земле
И напряженьё
Навеки поселило в души нам, –
Ведь невозможность

Бежать, держась крылами, по волнам
Есть непреложность.

А я смириться не могу и с тихим стоном
Лежу на тёмном берегу, скрывая лоно
И призывая всех святых себе в подмогу,
Чтоб не нашёл во мраке ты ко мне дорогу...

О провиденье, отжени моё унынье,
Пошли мне бденье и простую мудрость ныне,
И выправи опасный мой виток ладонью звёздной,
Пока не подведён итог, пока не поздно!

Отброшу доводы твои
Как не имевшие опоры!
Опять распелись соловьи
И комаров включились хоры,
И одуванчик у крыльца
Меня пронзает жёлтым глазом.

Я тайне твоего лица
Сумела покориться разом.
Кто гнал меня кривой тропой
По перевалам бездорожья?
Кто свёл меня в пути с тобой?
На всё на свете воля божья.

И мы отныне включены
В коварный замысел природы,
И мы теперь обречены
Прожить мучительные годы
В сознание редкого родства
И невозможности быть рядом.

Меня до сути естества
Пронзил ты оголённым взглядом,
И помутилось всё вокруг,
И потеряло очертанья.
Ты мой единственный супруг
По книге судеб начертанью.

Но мы с тобой разведены,
Как полюса одной планеты,
И нету смысла у зимы,
И нету радости у лета...

Сойди, сойди, земная ось!
Перемести меридианы!
Нельзя, когда с любимым врозь
И вдохновенье, и диваны,
Когда неношенный венец
Сжимает голову ночами,
И жизнь как будто бы в начале
Там, где означился конец...

И озонным разрядом грозы
Вдруг пронзит горизонты Вселенной,
И ускорится сразу в разы
Пробужденье материи тленной...

И замкнутся, сверкая, концы
Той цепи, где пульсирует время,
В тот момент, как исторгнут отцы
В матерей животворное семя.

Оно само произойдёт,
 И форму обретёт, и имя,
 Когда звезда твоя взойдёт
 Над плоскогорьями твоими,
 Когда означится в ночи
 Хребет измученных отрогов
 И внятно тайну прокричит
 Седой, как лунь, посланец богов.

Тогда проклянется душа
 И обернётся певчей птицей,
 И будешь нянчить, чуть дыша,
 Ты дней летящих вереницы,
 Но не заметишь, как мелькнёт
 Последний призрачно в тумане,
 Как будто кто-то умыкнёт
 Добро, нажитое в обмане.

И будут трепетно сверкать
 В ночи рассеянные звёзды,
 И будут истово искать
 Свои утерянные гнёзда,
 Скрывая, что предрешена
 Твоя трагическая участь
 И что поглотит тишина
 Твою любовь, совсем не мучась.

Отогрей мою душу застывшую,
Белым голубем сядь на плечо.
Там, где дни мои спрятались бывшие,
Снова станет пускай горячо.
Пусть в лесу облетевшем укроется
Гиблый сумрак накопленных лет
И росой дрожащей умоется
Мой давно испарившийся след.

По нему пробегусь, непорочная,
Ощущая волнующий ток,
И в овраге, где заросли сочные,
Отыщу зарожденья исток.
Только взгляд – и не надобно вечности,
Только миг – и опять я сильна
Среди общей постылой беспечности,
Где моя растворилась вина.

Сохранить бы то юное рвение,
Когда тайный закроется ход,
Когда вынырну я из забвения,
Чтоб на вдовый успеть пароход.
А о том, что для плаванья вечного
Никаких не потребно ключей,
Голубь вам проворкует доверчиво,
На моём задремавший плече.

Отчего, дружок-клён,
Нынче не приветлив?
Не берёшь меня в полон
И отводишь ветви.

Или ночка не светла
И озябли ноги?
Или юная ветла
Встала на дороге?

Затяну в тугой венок
Свои руки-плети
И покорно буду срок
Доживать на свете.

Падают сухим дождём
Листья без печали.
Мы всегда чего-то ждём
У судьбы в начале.

А когда слетает снег
Первозданный с неба,
Прекращается наш век,
Словно он и не был.

Станешь ты, дружочек-клён,
Никому не нужен.
Заберёт тебя в полон,
Околдует стужа.

И останется ветла
Плакать у дороги,
Что исхожены дотла
У любви дороги.

Не разгорается костёр,
Каких ни брошу я поленьев,
Как ни усердствую в моленьях,
Не разгорается костёр!

Казалось бы, кругом – простор,
И воздуха для жизни вволю,
Но снова наблюдаю с болью:
Не разгорается костёр!

Понятно, лили бы дожди,
Понятно, буря бы носилась...
А тут заря к огню просилась,
А он не дышит, жди – не жди!

Похоже, что мои дрова
И даже спички отсырели,
А те, что прежде душу грели,
Давно исчерпали права.

Господь везде крыла простёр,
И Он-то ведал изначально,
Как это б ни было печально:
Не разгорится наш костёр!

Посижу постираю. Поплачу,
Удивляясь своей простоте.
Для тебя я не более значу,
Чем фонарь на соседней версте.

Он тебе и во тьме не осветит,
И спиной прислониться не даст,

Ведь давно все дороги на свете
Укрывает обманчивый наст.

И не стоит бежать от покоя,
Нарушая порядок в дому,
Ибо с нами случилось такое,
Что тебе не понять самому.

Просто знаешь: стираю и плачу,
В голове все запреты круша.
Ничего для тебя я не значу,
Но твоя изнывает душа.

И никак не уйти от тревоги,
Словно тянут надрывно ко дну
Параллельные наши дороги,
Обречённые слиться в одну.

Твой таинственный город, где мгла вечерами
Улеглась на дороге, целуя рассвет,
Где размытая грань меж тугими мирами
Пропускает ночами волнующий свет,
Где манящие окна чужого покоя
Угасают, едва их коснёшься рукой,
И приезжий всегда изнывает от зноя,
Где и холод, и ветер, и дождик другой;
Этот город, в который стекаются реки,
Чтоб найти к океану положенный путь
И в объятьях его раствориться навеки,
Этот город не может меня обмануть.
И со всей простотой, что присуща великим,
Сознавая, что каждый покоем маним,
Он мои поглощает утробные крики
И каштанами шепчет, что не станет моим.

Мы выбрали разумный вариант,
В котором не случится наша встреча.
Я принесла домой свой провиант...
Ты к морю вышел от тоски под вечер
И взглядом устремился вдаль, туда,
Где я дрова несу для старой печи,
Где замерзает у крыльца вода
И зябнуть у меня устали плечи...

Над морем над твоим, где чайка вьётся,
Стук сердца неумолчно раздаётся,
И мне его унять не хватает сил,
Пусть даже тёплый дождь бы моросил,
И ты бы закрывал от муки уши.
Не быть нам вместе на великой суше,
Да и усталый тёмный океан
Любовью нашей беспробудно пьян
И разрушает жалкие попытки
Согреть тебя, промокшего до нитки.

А что бы проще: у меня в дому
Тебе поставить чайник самому
И приворотный заварить напиток,
Чтоб избежать дальнейших наших пыток...
Но мы нашли вполне разумный ход:
Не поплывёт по суше пароход,
И поездам по морю ехать сложно,
И значит, наша встреча невозможна.

Трепещет ниточка меж нами,
Как паутинка на ветру...

Тебя ласкаю именами,
Бродя по лесу поутру,
И понимаю, как ранимо
Всё то, что скачет и поёт.
А я себе шагаю мимо,
Хоть надо бы наоборот:
Остановиться, поклониться
И прошептать: иди ко мне!
И удивиться, как струится
Хвост ящерицы среди камней,
Сверкает гранями росинка
В цветковой бархатной горсти,
А говорливая осинка
Всё шелестит, всё шелестит...

Ни напряженья, ни тревоги
В зелёной радостной стране,
Куда меня приводят ноги,
Чтоб пострадать на стороне.
А не случается печали,
Когда ликует всё вокруг:
Хоть есть конец в любом начале,
Но смысл жизни это круг.
И всё вернётся, всё случится
Ещё не раз, ещё не два,
С твоею умной обручится
Моя шальная голова,
Чтобы в весенней суматохе
Познать блаженные часы,
Забыв про тяжести эпохи
И увядание красоты.

Когда ж наступят сроки стужи,
То каждый горестно поймёт,
Что юный пыл уже не нужен,
Что жизнь действительно не мёд,
А то, что расцветало прежде,
Добычей стало топора,
И не на чем расти надежде,
И, видимо, уже пора...

Как больно тоненькие льдинки
Звонят на доньшке ведра!
И нашей связи паутинку,
А нашей связи паутинку
Порвали стылые ветра.

Уже и в мыслях нету остроты,
И чувства притупились, как кресало.
Но то, что на рассвете нас связало,
И то, чем мир мой наполняешь ты,
Всё ярко, как тогда...

Не напрягайся, не зову назад –
Что проку почивать на старых лаврах?
К чему будить уснувшие литавры
И тленному дарить потухший взгляд?

Былое переплавилось давно,
Перебродило, став для крови соком.
Давно я мыслю только о высоком
И не вкушаю терпкое вино.

А если опалит в какой-то миг
Мне душу луч, проникший через тучи,

То он её теперь уже не мучит,
Ведь разум всё давно уже постиг.

И если говорю, что всё живёт,
Не утомляйся над фигурой речи,
Она совсем не ради нашей встречи:
Читателя беру я в оборот.

Не вправе мы, познавшие любовь,
Другим не оставлять в миру надежды.
Вот и пою о том, что было прежде,
Стараясь угодить в глаза, не в бровь.

И ты попался, старый ловелас.
Прости меня, я ранить не хотела
Твоё вконец измученное тело.
Я обещаю: всё в последний раз,
Ведь не способно бесконечно длиться
Что людям только мнится, только мнится...

Переболела – вмиг и разом,
И всё накрылось медным тазом:
Надежды и мечты.
На горизонте неподвластном,
Как день ушедший, тихом, ясном,
Маячишь ты.

Мне думалось – весна, а это,
В одежды яркие одето,
Моё мелькнуло бабье лето
И скрылось за горой.
Зачем по-детски огорчаться?
Ведь годы невозвратно мчатся,

И их назад не докричаться,
Хоть хочется порой.

Простим себе наивный опыт,
Который не без крови добыт,
Но не пройдёт зазря.
Смотри: в объяття к горизонту
Под радужным весёлым зонтом
Спешит заря!

Понимаю, ты нашёл
В моей гавани отраду:
Всё моё с тобою рядом,
Во всех смыслах хорошо.

Да и я к тебе душой
Прислонилась с доверьем
И открыла настежь двери:
Вместе было хорошо.

А потом запал прошёл,
И одной в поникшей роще
Стало мне ясней и проще,
Во всех смыслах хорошо.

Толк, наверно, небольшой –
Разбираться, что случилось.
Вышло так, как получилось:
Во всех смыслах хорошо.

Зряшным бременем не тяготись,
 Не держи на запоре ворота:
 Заходить в твою тихую жизнь
 Не позволено и не охота.

Промелькну мимо доли твоей
 Скорым поездом без остановки.
 И тебе от задетых ветвей
 На мгновение станет неловко.

А потом пропадёт маета,
 Ляжет пылью на старой дороге.
 Но в спокойной ночи неспроста
 Ты успеешь подумать о Боге.

Понимаешь, не сложилось,
 Не случилось, не срослось.
 На истерзанной дороге
 Лопнула в телеге ось.
 На вихляющих колёсах
 Далеко не убежишь.
 И напрасно, мой белёсый,
 Надо мною ты кружишь.
 Погляди, простору сколько!
 Разве выберу тюрьму,
 Даже если будет горько
 Тебе в мире одному?
 Вычищая оперенье,
 Огляжу я белый свет,
 Чистый, как во дни творенья,
 И опять стихотворенье
 Запоёт в душе в ответ.

Перекрыли кислород –
Как прекрасно, как кайфово!
Это я вернулась снова
В мир, где всё наоборот,

В мир, где ты меня любил
И готов был резать вены
От моей почти измены,
Где от нежности грубил,

Где скопила я надежд
Пять мешков и три авоськи.
И теперь возьми их брось-ка!
Это всё удел невежд.

Я с собою потащу
Все подарки и награды,
Мне дававшие отраду.
И тебе я отомщу.

Перекрою кислород:
Ни словечка, ни письмишка.
Даже память – это слишком,
Ты по ней прорвёшься вброд.

Как прекрасен мой покой!
Как неистово забвеньё!
Были мы с тобою звенья,
Теребимые рукой

И ласкаемые богом.
А теперь, мой недотрога,
Разная у нас дорога
До заветного порога...

Ухватилась, зацепилась
И – сорвалась со крючка...
Превелика божья милость
Во спасенье дурачка!

Для меня ли та приманка
И по мне ли царский стол,
Коль всегда казалась манкой
Жизнь в обители простой?
Коли выпали те зубы,
Что держали на весу?
Коли отзвучали трубы
И забыто про красу?

Будет рыбакам успешным
Без меня лихой улов.
Не пристало мыслить грешно,
Сети делая из слов.

Под истлевшую корягу
В тихом омуте души
Я теперь навечно лягу...

Не пиши мне, не спеши.

Замело. Позарастало.
И отмаялась душа.
Все надежды опростала,
Восхождение верша.

Станут новые побег
Пробиваться из земли

И искать сиянье Веги
В тёмном море корабли.

А с меня опала ноша,
Будет лёгок мой полёт.
Позабыт и позаброшен
Слов твоих прощальный лёд.

Преодо мной врата открыли.
И, наивна и чиста,
Я распахиваю крылья,
Отрываясь от моста.

Я совершила харакири!
Ты нежность больше не зови.
Есть разница – надежда или
Отчаянье гудит в крови.

Зато теперь ни ожиданья
И ни томления во мгле –
Как будто время увяданья
Навек настало на земле.

Потом метели будут злиться...
Как первоцвет иного дня,
Рванусь я к небу – возродиться.
Но не узнаешь ты меня.

Пролечу, как комета,
Над твоею судьбой
И желанным ответом
Я признаю любой –

Что заметил, склонился
И в память занёс,
Даже пусть уклонился –
Какой же вопрос?!

Я б себе запретила
И ранить, и жечь,
Но не может светило
Загасить свою печь.

Вот оно и блистало –
Заходи и владей! –
Пролетая устало
Над миром людей.

А что ты не услышал,
Уже не беда:
Промелькнувши над крышей,
Я ушла навсегда.

ПРОЗА

Виктор АКАТОВ

НОВОГОДНИЕ ФАНФИКИ

*(Можно читать родителям
без разрешения детей)*

Дыра

Николаю снился сон. Юг, море, пляж. Он лежит на шезлонге, на лице панамы, и млеет под лучами нежного черноморского солнца. Тепло, уютно и непривычная тишина. Так хорошо!.. Но вот кто-то рядом стал что-то громко говорить. Ну люди! Мешают отдыхать. Николай снял с лица панаму, обернулся к говорящим:

– Ну что вы кричите!? Видите, я отдыхаю, а вы кричите. Что вы говорите? Мне? Что? Как я здесь оказался? Как и вы, пришёл на пляж и отдыхаю. Это не пляж? А что? Дом? Какой дом? Частный? Не может быть. Ну что вы говорите. Я лежу на пляже... да не толкайте меня! Зачем вы ко мне пристаёте? Вы кто?

Николай протёр глаза, встряхнул головой и из тумана сна увидал уставившихся на него невысокого роста старичка с кочергой и старушку с чугунной сковородой. Он ещё раз потряс головой, снова протёр глаза – всё равно перед ним бодро стояли старик и старуха, тянули его за рукава и громко кричали.

- Вы кто? Куда вы меня тянете?
- Это ты кто?
- Я – Николай. А вы кто?
- Ты как сюда забрался? Как в дом попал?

Николай окинул комнату, пустые стены, оконце. Комната больше напоминала прихожую. Николай лежал на боку на широкой лавке, почему-то в пальто, в шапке, зимних ботинках.

Он же вроде был в гостях? Почему положили на лавку в прихожей? Не гостеприимно как-то...

– Ты чей будешь? – донеслось до него. – Ты кто? У нас нет никаких Николаев. Или ты вор? Сейчас милицию вызовем.

При словах «вор» и «милиция» Николай поднялся и, покачиваясь, на стоявший рядом табурет. Потёр пальцами виски, похлопал по щекам.

– Вы кто?

– Это ты кто? Чего у нас делаешь? Как попал сюда?

Старик замахал кочергой, старушка воинственно держала на изготовке сковороду. С трудом вспоминая, что было вчера, Николай пробурчал:

– Меня привели сюда... переночевать. Я не успел на автобус...

– Ты не местный?

– А где я?

– Ты что, пьян? Не помнишь куда приехал? Откуда ты приехал?

– Ниоткуда я не приехал. Я здесь живу... Должен был вчера уехать в соседнюю деревню на празднование Нового года. Да на автобус опоздал. Ну... ну чтобы не идти через весь город домой, меня привели сюда к знакомым переночевать... Ну, чтобы недалеко было от автовокзала и завтра, то есть сегодня, первым рейсом уехать... Во! Уже пять утра. Вот, билет... отправление в шесть двадцать. Всё... Мне пора. Спасибо.

– Постой! Нам на ночёвку никто никого не приводил. Ты сам сюда забрался.

– Да нет же. Говорю вам, меня привели.

– А кто? Кто привёл?

– Ну... этот Сашка... вроде бы... Ещё кто-то...

– Кто такие? Фамилии? – допрашивал старичок.

– Не помню. Я с ними в магазине познакомился... С Сашкой в ВДВ служили. В кафешку зашли, посидели, разговорились, ну... я про автобус и позабыл. А когда вспомнил, время прошло. Ну... они сказали, не переживай, утром уедешь.

Мы тебя на ночь пристроим... Ещё посидели... Потом где-то ходили, музыка была... не помню... Вот вы разбудили...

– Слышь, дед? – обратилась старушка к своему старику. – А у нас в округе есть бывшие вэдэвэшники, какой-нибудь Сашка из них?

– Да откуда я знаю. Но в праздник ВДВ у нас вроде никто из таких не бедокурил.

– Да. Вот и я не помню, – в задумчивости сказала старушка. – А деньги-то не отобрали у тебя?

Николай вытащил из внутреннего кармана портмоне.

– Нет, деньги почти все... А вот и сумка моя! Под головой была... Всё на месте.

– А покажи паспорт, – взъерошился старичок. – Старая, возьми, посмотри. А я покараулю, а то сбежит.

– Вот... нате!

– Дед! Наш он, из Зареченской стороны.

– А ты проверь-ка его карманы, может что спёр?

– Да ничего я не брал у вас...

– Сейчас посмотрим... Так-так-так. Ничего.

– И в сумку глянь.

– Ага... Да сумка у него почти пустая.

– Значит, старая, перепил мужик, да так, что даже не помнит, кто и куда его водил. А может, и сам сюда пробрался, или кто подкинул его. Пошутили, что ли?

– Дед, да пусть идёт. Автобус у него скоро.

– Ну ладно. Тогда ступай.

Николай встал, взял в руку сумку и, пошатываясь, вышел на улицу. Но тут же вбежал назад:

– У вас там собака! Бо-о-ольшая. Не пускает, огрызается.

– А как же ты прошёл сюда?

– Не знаю. Не помню собаки...

– Ишь ты. Это кто-то из наших его нам подсунул. Значит подшутили. Ещё вэдэвэшниками назвались, чтобы за твой счёт выпить. А ты и уши развесил. Хорошо, что не обчистили.

– Да проводи уж ты его. У него автобус скоро. А то ещё жить у нас останется, – уже смеясь, проговорила старушка.

Дед придержал собаку. Николай опрометью выбежал со двора, мотнулся по улице направо, потом налево. Остановился, соображая, в какую сторону идти. Один прохожий подсказал, и Николай побежал к автобусу.

Когда через два дня Николай возвратился, хотел он прийти в тот дом и извиниться. Но ни дом, ни улицу не запомнил. С тех пор, попадая в эту часть города, снова и снова бродил по этой окраине городка, искал улицу, расспрашивал о вэдэвэшниках, Сашке и его друге, но так никого и ничего не отыскал. В памяти осталось только кафе и утро в неизвестном ему доме. Меж этими событиями осталось необъяснимое, постоянно тревожащее ощущение чего-то утерянного, как будто в голове образовалась огромная дыра.

Лестница

Ранним утром сразу после Нового года шла на работу женщина средних лет, среднего роста, средних форм и наткнулась на лестницу, которая свешивалась откуда-то сверху.

Женщина озабоченно остановилась, посмотрела вверх – никого. Задумалась: «Откуда эта лестница здесь? Длинная какая! Вроде с облака... Конечно, с облака, откуда же ещё ей взяться, вверху больше ничего нет. А чего она здесь висит? Или стоит? Зачем? Стоп-стоп. Как там у этого, ну... у поэта, ага, у Маяковского: если звёзды зажигают, значит это кому-то как бы зачем-то надо... Кому это надо?»

– Тебе это надо.

– Кто это сказал?

Сверху свесилось большое в белых перьях крыло и вслед за ним появилась полупрозрачная в кудрях голова и повторила:

– Тебе это надо.

– Зачем?

– У тебя муж уже проснулся, скоро напьётся, опять бить будет.

- У него сегодня выходной, до обеда прохрапит.
- Нет, уже вышел из туалета, пошёл на кухню.
- А ты откуда знаешь? Ангел, что ли?
- Ну да. Муж твой по всей квартире шарит.
- А что ты здесь делаешь?
- Тебя жду. Не нашёл он того, чего хотел.
- А что он ищет?
- Что, ты не знаешь? Бутылку ищет.
- Ах сволочь!
- Кто?
- Да не ты! Муженёк – сволочь. Вчера только божился, что больше пить не будет.
- Будет. Уже нашёл, пьёт. Поднимайся ко мне.
- Зачем?
- Ну ты же вчера сказала мужу своему: «Хоть бы Бог меня забрал, сил уже нет жить с тобой на этом свете. Только чтобы я тебя, свинью, больше никогда не видела. Чтоб ты в аду сгинул, скотина!». Так вот я и прилетел за тобой. Поднимайся!

Устал ангел

Два часа до новогодних курантов. По трассе Ярославль – Москва на сумасшедшей скорости несётся автомобиль «Ниссан Свитцер».

– Миша! Миша! Сбавь скорость! – кричит внутренний голос. – Разобьёшься, дурак!

– Что это у меня в голове свербит? – возмутился водитель «Ниссана», крепко держась за руль. – Откуда какие-то сомнения? Не-ет! Я эту трассу до МКАДа уделаю за один час. В тот раз десяти минут не хватило. Хороша машина! Из всех скоростных самая дешёвая, всего в двадцать одну тысячу зелёных мне обошлась, а как бегаёт! В Ярике¹ на ней не развернуться – за три секунды до ста км в час разгоняется! А здесь на трассе вольготно! Ночь ведь, почти никто не мешает.

¹ Ярик – разговорное от Ярославль.

– Дурак, дурак, дурак! – кричит внутренний голос, то есть Душа. – Что, не знаешь, какие дороги в России? Кочки, повороты, ямы, колдобины, проезды через населённые пункты...

– Эх, мне бы без помех проскочить Ростов, Петровск и Переяславль, да ещё виражи у Гаврилова Яма, ну и Владимирские горки, – сам себе под нос бубнит Миша. – А так и за 50 минут до столицы долететь можно. Когда впервые спидометр увидел, ахнул – это же надо 400 км в час! Помню, на заводе работал, так больше часа добирался домой. А тут за столько же, но до Москвы. Во молодец я, что накопил на эту машину!

– Ну зачем тебе этот рекорд? – взмолилась Душа. – Жизнь ведь дороже!

– Не-ет! Я – молодец. На таком авто много успеваю буду. Утром в Ярике дела поделал, в Москву слетал, с кем надо свиделся, к концу рабочего дня вернулся, всё проверил. И на отдых время будет. Или вот: день в Ярике, к вечеру концерт или театр в Москве, потом домой. Житу-у-ха будет!

– Глупец, глупец, глупец! – опять кричит Душа. – Зря жизнь просадишь. Тебе ведь на роду написано ещё много сделать. Вырастишь детей, начальником станешь. Хорошим. Наукой будешь заниматься, открытие сделаешь, что жизнь облегчит людям. Остановись, Миша!

– Что это в голове всё свербит и свербит? Чутьё какая-то в голову лезет. Нет, что мне бояться? Как машина идёт! Во! Какой я вираж крутой сделал! А?..

Душа испугалась. Да так, что выскочила из Мишиного тела и стала звать Ангела-хранителя:

– Слушай, Ангел-хранитель! Ты чего спишь? Не видишь, что Мишка вытворяет?

– Да не сплю я, – в ответ закричал Ангел. – Уже четыре раза отворачивал машину от встречных, на двух виражах не дал машине с дороги слететь.

– Что ты отчитываешься! Делай что-то! – потребовала Душа.

– Сейчас я дождь напущу, может, остановится.

Действительно пошёл ливень, как из ведра. Миша расстроился:

– Эх, некстати дождь. Ничего! До Москвы всего полсотни километров осталось. Успею.

Душа завопила:

– Он не остановится, поскользнется! Убери дождь! Ты, Ангел, сам сумасшедший!

Дождь перестал идти так же мгновенно, как и начался. Миша воодушевился:

– Всё, теперь точно рекорд поставлю!

– Миша ещё прибавляет! – закричала Душа. – Ну сделай что-нибудь, Ангел!

– Сейчас плащом лобовое стекло накрою, обзора не будет, он и остановится.

– Ты что! Он остановиться не успеет, как с дороги слетит. Ну придумай другое!

– Во! Придумал!

В тот же момент крышка бензобака сама раскрутилась и весь бензин из бензобака широкой струёй вылетел на обочину. Машина закашляла, зачихала, накатом ещё проехала почти сотню метров и остановилась.

Ангел в изнеможении плюхнулся рядом с машиной.

– Фу-у-у-у!!! Устал!

Лестница-2

Женщина озадаченно спросила своего Ангела:

– А что, насовсем заберёшь меня от моего муженька-пьяницы?

– Точно, насовсем.

– А куда заберёшь?

– В Рай. Конечно, грехи у тебя есть. Но у кого их нет. Твои грехи оттого, что семью пыталась сохранить, крутилась-крутилась, кое-где нагрешила. Но ради детей же, семьи. А видишь, как вышло. Ни семьи, ни детей. И здоровье уходит. Хватит. Отмучилась. Полезай!

- А что, моего точно в ад заберут?
- Да. Как поднимешься ко мне, так за ним и прилетят.
- Так быстро?
- А что тянуть? Ты уже четырнадцать лет ляжку тянешь, хотела уйти от него, а не уходишь. Вчера молодец – правильное решение приняла. Такие решения Господь приветствует. Отдохнуть тебе надо. Потом пошлём тебя в другое место, там давно уже молит о такой, как ты, хороший человек. Тоже ведь помочь надо. С ним у тебя всё будет, и семья, и дети, и счастье.
- А в аду ему тяжело будет?
- Кому? Ах, мужу твоему? А как же. По делам его. За все грехи, за измывательства над тобой в Геенне огненной вечно гореть.
- Ему же больно будет!
- А тебе что, не было больно?
- Ну было... Но всего лишь последние лет восемь.
- Вообще-то больше. Ну, ладно, пусть будет гореть восемь лет.
- Так и за минуту сгорит же!
- Нет, помучается восемь лет, потом сгорит.
- Дак как же это? Что же, я живого человека не то что на смерть, на муки отправляю. Нет, нет, нет...
- ...
- Сверху опустилась лестница....

Дыра-2

- Однажды в квартире, где Николай жил с матерью, прозвучал звонок. Николай открыл. Перед ним стояла девочка лет одиннадцати-двенадцати.
- Вы Николай Стеклов?
- Да.
- Вы меня не узнаете?
- Нет.
- Вы мой папа.
- Девочка! Что за шутки? – Николай уже хотел захлопнуть дверь, но где-то далеко внутри что-то вдруг шевельнулось. В лице девочки он увидел какие-то знакомые черты.

Сзади Николая раздался голос его мамы:

– А ведь она похожа на тебя, Николаша? Ну, рассказывай, зачем скрывал от меня. Где набедокурил?

– Да не бедокурил я... Наверно...

– Тебя как зовут, девочка? – спросила Колина мама.

– Лена.

– А маму?

– Руслана.

Николай подумал: «Где-то я слышал это имя? Только где? Что-то знакомое...»

– А как папу зовут? – продолжила интересоваться Колина мама.

– А папы нет. Он нас бросил, когда я родилась. Мама говорила, что он сказал, что я не его дочь, мама его и выгнала.

– Проходи, внучка.

– А что это ты её уже и внучкой величаешь? – возмутился Николай.

– Николаша! Материнское сердце не обманешь. Что-то здесь не так. Давайте разберёмся.

Все прошли в комнату. Сели за стол. Николай в волнении ходил взад и вперед. В голове у него крутилось: «Где? Когда? Неужели что-то было?» Неожиданно Николай остановился возле Лены и спросил:

– А почему ты считаешь, что я твой отец?

– Так всё просто! Как-то я услышала, была на кухне, как дядя Саша с моим дядей Андреем прибежали к маме, возбуждённые. Дядя Андрей и говорит маме: «Сашка видал Кольку твоего!» Мама спрашивает: «Какого Кольку?» – «Да отца Ленкиного». – «Где?» – «Недалеко отсюда. Около бывшего автовокзала. Можем снова познакомить». – «Да зачем он мне. Без него прожили, и ладно». – «Это может быть тебе ладно, а Ленке отец нужен. Бабушка сразу говорила искать надо, но сокрушалась, что ни имя, ни улицу не запомнила. Говорила, что Зареченский. Он ей понравился. Я ещё тогда бабушке рассказал, как мы с Сашкой его на выпивку раскрутили. Хороший парень.

А ты его к бабке сбагрила, положила в сених, как вещь, чтобы деда с бабушкой не беспокоить. Думала, Николай проспится и тихо уйдёт, а у тебя, может, и дитё появится. Ленку нагуляла. Ты только про собаку забыла. Не ушёл бы Колька никак. Давай приведём Николая?» – А дядя Саша говорит: «Я как узнал его, не стал подходить к нему. Решил выяснить, где живёт. Полдня за ним ходил. Он, видать, кого-то на нашей окраине искал, верно, забыл адресок. Потом я за ним поехал. До дома дошёл. Уточнил у старушек, точно там живёт, Николай Стеклов». – «Сашка! Андрей! Ну что вы прошлое ворошите? Всё там осталось, переболело, зарубцевалось. Да и что из шапочного знакомства можно теперь восстановить? Совсем ведь мы незнакомые люди».

Устал ангел-2

Машина остановилась.

– Пусть я и вечный, – громко выдохнул Ангел, – но помру раньше Мишки. Душа, ну скажи ты ему, что следующий раз я устрою такую аварию, что он и за руль больше никогда не сможет сесть.

Мишкина Душа пристроилась возле Ангела и мило улыбнулась:

– Пожалуй, тоже отдохну. Здесь снаружи, так хорошо, воздух чистый, светло, не то, что в Мишкином теле. Живи себе и живи. Наставлять-то ведь трудное дело. Как ни правь такого балбеса, как Мишка, а он всё по-своему выстроит.

– Так, Душенька, в том и смысл нашей с тобой работы: удержать его от шараханий и направить на правильный путь, а не на вот такую автостраду.

– Ну, да. Спасибо, Ангелочек. Верно судьба у нас с тобой такая. Ты спасаешь, я вразумляю. Надо его в Москву перевести. На должность повыше, и чтоб недалеко от работы жил. И чтобы автомобиль служебный был. Сотвори, пожалуйста, такое дело, а я его уговорю согласиться.

– Добро, подружка. Надо же, чтоб он сделал своё открытие. А путь до него ещё длинный.

Лестница-3

Рыдая, женщина опростелю бросилась бежать домой. Прибежала, кинулась мужу на шею:

– Миленький, родненький, не покидай меня! Извини за вчерашнее, не буду больше скандалить. Я тебе каждый день по стаканчику давать буду, только не улетай от меня...

А муженёк с осоловелыми глазами лежит на диване, улыбается, доволен:

– Перед каждой едой... То-то же!.. Всё за ночь поняла?

...

Сверху опять опустилась лестница...

Дыра-3

Слушая взволнованный монолог девочки, в голове Николая, как из утреннего рассеивающегося тумана, что-то смутно стало проступать: мелькнуло милое женское лицо в белом пуховом платке, обдало теплом русской печи, горячая картошка с грибочками, потом какая-то божественная музыка, они танцуют, он обнимает стройное тело, потом блаженство и безмятежность...

Лена преданно смотрела на Николая...

– Папа, я слышала весь разговор. Всё до каждого слова запомнила, даже потом сразу записала. Просила маму найти тебя. Она мне запретила. Я стала уговаривать дядю Андрея показать, где вы живёте. Еле уговорила. Вот дядя Саша и привёл нас. Они внизу, у подъезда, ждут меня. Хотели идти со мной, я наотрез отказалась. Это моё дело! – твёрдо закончила Лена.

Колина мама перевела взгляд с Лены на Николая, строго посмотрела на него, встала, подошла, потрепала волосы на уже лысеющей голове сына и мягко спросила:

– Ну что, Коленька, мой непутёвый, дорогой мой? Ты всё вспомнил? Всё – так? Дождалась ли я наконец-то внучку?

– М-да, ма-ма... Да, по-моему, дыра потихоньку затягивается...

– Какая дыра?

– Неважно, неважно... – Николай поцеловал маму, окинул комнату, как будто впервые увидел её, остановил взгляд на своей фотографии с мамой, когда ему было лет четырнадцать, но уже без папы. Перевёл взгляд на Лену. «Боже, а действительно, мы как-то похожи!»

Николай постоял в раздумье, подошёл к Лене... обнял её, поцеловал и наконец произнёс: Ну что ж... Да!.. А бабушка и дедушка живы?

– Да, живут. Но очень старенькие. Болеют.

– Ну что же... д-дочка... Зови Андрея и Сашу...

Продолжение на следующий Новый год.

Владимир ЗАЙЦЕВ

ЗИМНИЙ БЛЮЗ

(на мотив Бродского)

Джон Ли Хукер горько играет блюз.
За окном – мороз, я его боюсь;
за окном – беда, не смотрю туда.
Стала мёртвой выпавшая вода.
На пластинке старой, как райский миф,
Джон ведёт тягучий гитарный рифф.
За окном – мороз, за окном – темно,
даже снег невидим стал. Всё равно,
что однажды небо возьмёт меня
образцом невспыхнувшего огня.
Под иглой алмазной шипит винил,
отчего во всём я себя винил?
А ещё: к чему я здесь? Вот вопрос.
Джон к дрожащим струнам совсем прирос,
а иголка скачет, сбивает такт:
«Просто,
 просто,
 просто,
да просто так».

И течёт виниловый горький блюз.
Пусть мороз и тьма, но пойду – напьюсь.

БАЛЛАДА О ГОЛОВАХ

*(Аллее культуры за Костромской филармонией
посвящается)*

Катились головы по улице Советской,
Бетонные, с отбитыми носами,
И удалю пугали молодецкой,
И облака казались парусами.

Катились головы, прохожие глазели
И прятались поспешно за дверями.
Гудели «мерседесы» и «газели»
И ехали опасливо дворами.

Катились головы, мигали светофоры,
Затылки краснотою осеняя,
И даже у вокзала поезд скорый
Глядел на них как вор из-за сарая.

Они – под бронзовое сделанные глыбы –
Стирали об асфальт немые лица.
Как в кегельбане нас подбить могли бы,
Но не смогла бы их связать полиция.

Застыли в сквере у оврага сиротливо
Покинутые траурные бюсты,
И шеи, словно трубы без излива,
Торчали, а над ними было – пусто.

Катились головы Ахматовой и Блока,
Есенина и Пушкина, и даже
Гремел Шаляпин изнутри потока
И пел широким басом о пропаже.

Они катились по мостам и переходам,
Себя до мелкой гальки истончая.

Они хотели к середине года,
А лучше бы ещё к началу мая,

Стать гольшами и упасть на берег моря,
По водной глади поскакать «блинами»,
Своею тишиной с волнами споря,
А не стоять как церберы над нами.

Ему не снилось ничего.
Лишь тьма его ополонила:
Скатилась сверху, словно с гор,
Как будто в мире нет светила.

Он спал, а с губ ползла слюна,
Текла на влажные подушки.
Его не мучила вина.
Его не доставали мушки.

Он крепко спал, как дети спят.
Был двойником себе дневному.
Он был укрыт со лба до пят,
И лунный свет блуждал по дому.

Он мирно спал, лишь в семь утра
Напялив траурную форму,
Как и всегда, как и вчера,
Он шёл на бойню – делать норму.

Тогда класс девятый я только закончил:
 Мы, ещё молочные пацаны,
 Шли из одной деревни в другую
 Летней ночной дорогой.
 Тёмные ветви над нами
 Сплетались в тугую,
 Густую, широкую арку.
 Сквозь толщу листвы не видать
 Нам было мерцанья
 Ни одной мало-мальской звезды.
 Наши ноги шуршали в пыли,
 Скрипели песком.
 Звуки шагов разлетались
 По спящей округе.
 И где-то вдали равномерно дышала
 Чёрная речка.
 (Теперь, где бы я ни бывал,
 Везде есть своя
 Чёрная речка.
 С байками про утопших,
 Про сомов, подгрызающих берег,
 И даже –
 Про плывущие по волнам
 Шутовские картонные маски.)
 Мы лениво болтали.
 Двое нас было...
 Да, мы были вдвоём:
 Я и Сашка Бессонов.
 Мы обсуждали все новости мира,
 Который пока что был нам неизвестен,
 Ведь дальше своих деревень
 Мы ещё не бывали.
 Вдруг Бессонов спросил,
 Как будто случайно спросил,

Улыбаясь, шутя:
«Чего ты боишься больше всего?»
Впереди разрезала дорогу
Противная Чёрная речка,
Поднимался истоптанный мост,
Который её опоясывал.
Мы приближались к нему.
«Чего ты боишься, скажи?»
И тут же меня за загривок
Как будто схватили,
Волосы дыбом поднялись на тонких руках,
Дрожь проползла по спине.
И вспомнил я всё,
О чём я молчал:
Темноту, поражавшую после просмотра
«Живых мертвецов».
Следы на снегу,
Что однажды признал я за волчьи.
Хулигана, спихнувшего в пруд,
А ведь плавать тогда не умел я
И вдоволь наелся холодной
И грязной воды.
Но ответил Бессонову я:
«<...> боюсь!
(Бояться <...> пацанам не позорно.)
Больше всего
Её и боюсь!»
И это казалось правдивым,
Хоть не было правдой.
Признать, что страшнее воды,
Тёмных ночных коридоров,
Местного хулигана –
Нет ничего,
Было нельзя совершенно.

И тогда спросил я Бессонова,
 Чтоб отвести от себя разговор,
 Чего же боится он сам.
 Мы как раз проходили над медленной речкой,
 Старые доски моста
 Вдыхали и гнулись под нами,
 Синяя рябь трепетала внизу.
 Бессонов повис на перилах:
 «А я, –
 И стал смотреть в реку,
 Пытаясь найти в ней своё отраженье, –
 Боюсь, что рядом со мною
 Не тот человек,
 Кем он хочет казаться...»
 Я не поверил,
 Переспросил и отпрянул,
 Услышав угрозу в его откровении.
 Не про меня!.. Про себя ведь он говорил.
 Ведь я был собою, всегда был собою!
 А он –
 Добродушный, весёлый парнишка,
 Сейчас говорил о себе!
 Его лицо посерело,
 Как лист старой писчей бумаги.
 Морщины на нём отразились,
 Как будто помяли газету.
 Надвинулась маска из палых
 Гниющих желтеющих листьев
 На горькие злые глаза.
 Захотелось вцепиться в перила,
 Захотелось кричать и бежать.
 Захотелось, чтоб мама навстречу мне вышла,
 И пусть отругает,
 Что поздно иду я домой,

И пусть пригрозит, что неделю
Я в комнате буду закрытый,
И даже пусть скажет, что две...

Теперь же, спустя много лет,
Я осознал, что Бессонов
Меня заразил сущим страхом:
Любимая! Ты ли со мною?
Не пробьёшь ли ты камнем мой череп,
Когда отвлекусь, отвернусь?
Отчего же, друзья, вас так мало?
Отчего же боюсь сам себя?

А тогда мы дошли до деревни
Спокойно, без всяких эксцессов.
И взбучка от матери стала
Моей несомненной наградой.
Но впредь никогда мы с Бессоновым
Вдвоём никуда не ходили.

«Пойдём, – говорит, – псину дохлую покажу.
Страшно? А ты не бойся».
Идём по мокрой траве к дальнему гаражу.
«На, выпей и успокойся», –
сунёт в нос бутылку, зелёную, как трава.
Протираю горлышко тыльной стороной ладони.
«Смотри, – говорит, – вон там у неё голова.
Подойди поближе к кустам. Не тронет».
Вижу – в листве запутанное лежит.
Непонятно что... но точно не то, что вижу.
Мятое будто бы сотней тяжёлых копыт,
словно выпучило из почвы грыжу.

«На вот, палкой в неё потычь», –
 суёт мне в руку обрубок усохшей ветки,
 а сам поднимает с земли кирпич,
 в листву запускает снарядом метким.
 «Ну, чего истуканом стоишь?» – говорит.
 А она не шевелится и не дышит.
 Превращаюсь в столп соляной, в сталагмит.
 А небо – всё дальше,
 а облака – всё выше.

ГОРН КУЗНЕЦА

С. Ф.

*...Не в кузнице, а в женской мастерской
 Начавшись – мир бы вышел не такой.
 Иван Волков. Саван Лазрта*

То, что в мире этом
 Насилуют и могут два юнца
 Прирезать старца, – не было секретом...
Уистен Хью Оден. Щит Ахилла

Строфа 1

Есть мнение, что наш привычный мир
 Был выкован кувалдами Гефеста,
 И потому так много в мире места
 Для пороха, лафетов и мортир.
 А если бы в уютной мастерской
 Под пальцами царицы Пенелопы
 Рождались безупречные европы,
 То правили б достаток и покой.

Антистрофа 1

Из воздуха сплетает ткацкий стан
спирали и цветочные узоры:
Здесь – соткан на утёсе синий лес,
лиловой нитью выстрочены горы.
Здесь – складки-облака и Океан,
барашки волн пришиты к бледной суше,
Триеры заскользили на простор
и поднимают утонувших души.
... Но что там?! Ослепляет резкий свет.
Мелькнул в кустах Ахилла грозный щит?
Нет, нет... То паучихой за листвой
на «Зингере» строчит, строчит, строчит:
То абажур, то фартук, то корсет –
с горящими глазами Ильза Кох¹,
На ткани Пенелопы пробралась,
и черепа вокруг скачут как горох!

Эпод 1

Соревнуются атлеты,
Друг из друга мнут котлеты.
Их расквашены носы,
Лица словно винегреты.
Женские торчат фигуры –
Как песочные часы,
И в восторге от фактуры:
Развитой мускулатуры!

Бьёт атлетов невпопад,
Изрыгая стыд и ад

¹ Ильза Кох – жена Карла Коха, коменданта концлагерей Бухенвальд и Майданек. Известна своим жестоким обращением с пленными. В советской и российской литературе упоминается как «Фрау Абажур» за изготовление сувениров из человеческой кожи.

Из белеющего горла
 Раскалённый агрегат.
 Пулемётчица строчит –
 Пальцы в кровь уже истёрла.
 Больно Тоньке², но молчит,
 Занятой имеет вид.

Строфа 2

Неважно, у кого что между ног,
 Кто в землю врос, а кто прошёл полмира,
 Кто струны сплёл, и зазвучала лира,
 А кто и азбуки понять не смог.
 У Клио нет любимцев, все – одно.
 Она ползёт по нам, как чёртов жёрнов,
 Её законы выписаны чёрным.
 Исправить их пока что – не дано.

Антистрофа 2

А потому не нужно упрощать –
 не находить войне иной причины,
 Как в брызгах искр из горна кузнеца
 рождённые свирепыми мужчины.
 Подобием ползучего плюща
 фаланги воинств, а не пацифисты,
 Пролезут и к царице на сукно
 и кровью напитают саван чистый.
 ...Насилие – природы инструмент,
 её животный движитель больной.
 Но как из семечка пророс цветок,
 прорезав путь сквозь глину, перегной,

² Антонина Макарова – палач Локотской республики, существовавшей в 1942–1943 годах на оккупированной нацистскими войсками территории Советского Союза. Известна под прозвищем «Тонька-пулемётчица».

и даже проломившись сквозь цемент,
 так *тьму Истории* пронзит Прогресс!
И пушки словно брёвна замолчат,
 и навсегда забудется Арес.

Эпод 2

Пусть кошмаром стало это –
Вертится в дыму планета,
Топка яростно гудит,
Небо пусть седого цвета,
У *Истории* не сразу,
но исчезнет аппетит!
Человеку был дан разум
Излечить эту заразу!

Не титан и не циклоп,
не иголки пенелоп,
многогласый, многолицый
разум скажет войнам: «Стоп!»
И тогда в один присест
(что пока нам только мнится
недоступнейшим из мест)
чистый мир скуёт Гефест.

СВОБОДНЫЕ СТИХИ

Новое тысячелетие

в 99-м году
 ближе к декабрю
 оба телеканала
 которые в моей деревне
 вылавливались из воздуха квадратными
 проволочными антеннами
 словно караси речными вереньками
 в общем оба канала
 ОРТ и РТР
 говорили
 что
 в новогоднюю ночь
 может произойти сбой в работе компьютеров
 всё из-за ещё одного какого-то
 нуля
 перестанут начисляться пенсии
 случится новый дефолт
 и вообще
 может настать
 конец
 света

я тогда видел компьютеры только по телевизору
 каждый день носил дрова в печку
 ходил в школу в отцовской ушанке
 и всё это казалось
 фантастикой

теперь же
 спустя много лет
 я думаю
 что никакая это была не фантастика

апокалипсис случился
тихо и незаметно

словно первая трещинка
пробежала по красному
обсыпанному блёстками стеклянному шару
на новогоднем дереве

если не приглядываться
то ничего и не видно
совсем ничего

но коснись этого шара
легонько качни его пальцем
он брызнет осколками
оставив на ветке
лишь нить
и раздвоенную пружинку-крепление

листва осыпается
рыжими двумерными
каплями
заполняет землю
шуршащими лужами

когда листва
начнёт захлёстывать
двери и окна
мы подождём
осеннее море

и слезы встанут в глазах

хожу мимо одних и тех же хрущёвок
туда-сюда
туда-сюда

по одним и тем же улицам

здесь
на втором этаже –
окна ещё советские
деревянные
краска давно осыпалась
смешалась с землёй

там
на третьем
четвёртом
пятом этажах –
рамы «нулевых»
пластик белеет
словно выставленные напоказ
кости

(как много костей!)

тут
на первом этаже
за пыльными кустами
прячутся
ещё одни деревянные рамы
но уже экологичные
дорогие:
«Из Сибири с любовью!»

во дворе дома
в трещинах на асфальтной дорожке

помятой щетиной
торчит трава

среди редких деревьев теряется
проржавевший фонарный столб

два сосновых ствола
скрепляет между собой
рыжая металлическая труба:
всё ещё притворяется
турником

бетонная плита перед подъездом
истёрта подошвами

на вогнутой поверхности плиты
дождевая вода скатывается в лужу
никак её не обойти
не перепрыгнуть

за годы всё это стало
знакомым до невозможности
до изжоги
до тошноты

а я хожу туда-сюда
туда-сюда
как подвижная часть пейзажа
жестяной зайчик в тире
которого тянет за проволочку
спрятанный от глаз
моторчик

хожу и жду выстрела:
звонкого «дзинь» по кумполу

жду и жду
одинокого выстрела из пневматики

жду

пока однажды
воскресным утром
сосед по лестничной клетке
(с которым только и говорили
друг другу
сталкиваясь в подъезде:
– Здравствуйте!
– Здравствуйте!)
не просит помочь ему
передвинуть шкаф из одного угла комнаты
в другой

впервые оказываюсь в соседской квартире

за дверью
которую за годы исщупал глазами
засмотрел до безразличия
до её невидимости
до слияния со стеной

впервые вижу
как живёт сосед

и надо же...
надо же!

никогда не видел таких узоров на обоях!
какая занимательная геометрия

какие необычные стулья на кухне!
не советское засиженное старье

не канувшая в бездну «икея»
где взял?

неужели на такой махонькой кухоньке
может быть круглый стол?

разве можно ставить книжный стеллаж
в коридоре?
и книги на нём какие-то не такие
хотя названия известны

и вся эта новизна –
с другой стороны привычной подъездной стены
покрытой позорной зелёной краской

словно оказался в другом мире
заглянул за изнанку
перелетел через океан
и брожу по краю земли
по белому пляжу
считаю барашки в набегающей волне...

на днях заказал новую входную дверь
выбрал с зеркалом
во всю длину и ширину полотна

теперь
каждый раз выходя из квартиры –
падаю в Зазеркалье.

взял в ипотеку однушку
на предпоследнем этаже хрущёвки

как это бывает –
с полинялыми
отвалившимися от стен обоями
и корвалоловым запашком

как это бывает –
с битой сантехникой
и ржавыми трубами

как это бывает –
лет на двадцать

взял в ипотеку однушку
и внезапно заметил
глядя в запачканное окно
что неявной крутости
однушке добавляет
бар
через дорогу напротив

его массивная дверь тонула в тени
между двумя световыми пятнами
от уличных фонарей

его массивная дверь манила
и я решился
– ну ладно! –
поспешно поставил закорючки
на ипотечных бумагах
и размечтался:

буду заходить в этот бар
после работы
опрокидывать стаканчик-другой
буду трепаться о всяком
с татуированной барменшей

буду этакий прохававший жизнь
герой голливудского триллера

мэттью макконахи
средней полосы

брюс уиллис
средней руки

чак норрис
местного разлива

барменша
с посиневшей розой на плече
узнавая меня по звуку тяжёлых шагов
будет спрашивать:
– как обычно?

и как обычно
не дожидаясь ответа
будет плескать на дно
прозрачайшего стакана
какое-нибудь чертовски крутое пойло
и –
шшиширк!!!–
толкать стакан по барной стойке
прямо в мою ладонь

улыбка барменши
будет плавать в клубах
сигаретного дыма

и так тепло будет на душе
и так горячо –
в желудке

но надо ли говорить
что как это бывает
я сначала
ездил после работы
по строительным рынкам

всеми вечерами
менял в однушке сантехнику
сбивал перфоратором советский кафель
и клал современный

сдирал и клеил обои
стелил линолеум
выбирал и собирал кухонный гарнитур
выбирал и собирал книжный стеллаж

и как это бывает
проходя мимо когда-то манившего бара
и видя всполохи огней в его окнах
думал:
свадьба
– ну, или там –
юбилей

видя неподвижные чёрные силуэты
молча курящие на крыльце
понимал:
поминки

или же просто
торопился домой
на очередной затянувший сериальчик
под магазинные пельмешки
в пространстве вечного ремонта

так и продолжалось
день за днём
день за днём

и как это бывает
в этот проклятый бар
до его закрытия на прошлой неделе
я так ни разу и
не зашёл

не узнал
есть ли там
чертовски крутое пойло

не узнал
есть ли там барменша
с растёкшейся розой под кожей

не узнал
есть ли там хоть что-то
ради чего я решился жить
именно на этой улице

именно этой
жизнью

не нашёл времени
сил
желания

не узнал
есть ли в мире хоть что-то
ради чего вообще-то
и живу

в кой-то веки вырвался в Питер
северная столица
невский проспект
гуччи дольки
позолота и все дела

думаю
схожу-ка по случаю на концерт
любимой в детстве рок-группы
заслужил

и вот
стою в очереди в «Аврору Холл»

впереди
цепочка подростков в раздёрганных одеяниях
в обтяжку рваные джинсы
кепки с широкими козырьками
брелоки ленточки
и значки

что думаю
я за пень такой плешивый
старикан несчастный
что я тут забыл-то
стыдно как-то
уйти может пока не поздно
может уйти?

но тут один из подростков оглядывается
оглядывается второй
третий

а на их лицах –
новенькие морщины
а в волосах –
первая седина

да это ж мои ровесники
мужчины и женщины
только кожа бледнее
и проколота пирсингом
и синее татухами

нууу делааа!

осматриваю себя
обычные серые джинсы
свитер
купленный лет пять назад на рынке
правый ботинок с треснувшей подошвой –
по мокрому асфальту лучше не ходить –

затем снова смотрю
на как бы подростков
снова на как бы себя

морлок
в толпе элоев
чужой
среди своих

Елена САЛМОВА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО

Эта история произошла в одном небольшом приволжском городке. Оставалась неделя до Рождества – праздника, которого с нетерпением ждут все: взрослые и дети. Улицы города были украшены гирляндами, в каждом доме сверкала огнями ёлка. Люди ходили по магазинам, выбирая подарки для своих родных и друзей. И казалось, что все в этом городе были счастливы. Да и как можно не радоваться в канун Рождества? Но не у всех было так хорошо на душе.

В одном из переулков, куда даже не доходил неясный свет фонарей, нашел своё пристанище молоденький пёсик. Он остался на улице ещё щенком. История его жизни была так грустна, что у людей на глаза наворачивались слёзы. Оказался он на улице ещё полгода назад.

В одной богатой семье рос сын Павлик. Мальчик был единственным у родителей, и его сильно баловали. На свой десятый день рождения он получил сразу два подарка: папа подарил ему скутер, а мама – чёрного щеночка с беленьким пятнышком на животике. Очень умный, понимающий требования мальчика с первого слова. Но Павлику больше нравился первый подарок, и щенок через полгода оказался на улице (ведь ухаживать за ним так хлопотно)...

Летом ещё можно было как-то прожить. Малыш ходил в парк и грелся на солнышке, прохожие подкармливали его, играли. И пёсик делал всё, чтобы понравиться людям, но его так никто и не приютил... Наступила зима, и в жизни бездомного щенка начались самые страшные испытания. Лили дожди, потом ударили морозы, а ему негде было ни согреться, ни обсушиться.

В парк приходило всё меньше людей, и на щенка не обращали внимания, и уже никто не угощал ни пирожками, ни со-

сисками. Было холодно и голодно. Пёсик давно завидовал тем, у кого был дом!

«Как же это хорошо, – думал он, – они любимы, о них заботятся, их кормят, играют с ними, а я никому не нужен».

В это же время было грустно не только малышу, но и мальчику по имени Гриша, живущему на другом конце города. Мальчику было около двенадцати лет. У него были чёрные волосы, большие карие глаза, опущённые длинными ресницами, отчего его взгляд был очень пронизательным. Гриша был сиротой! В шесть лет он лишился родителей, они погибли в авиакатастрофе, и его взяла на воспитание бабушка. Она учила его правилам жизни, часто повторяя фразу: «Сделай добро – и оно к тебе вернётся, сделай зло – и оно к тебе вернётся вдвойне». Гриша хорошо усвоил это правило и никогда никого не обижал. Он недавно переехал сюда и практически никого не знал. Этот город был для него чужим. В новой школе его приняли враждебно, одноклассники невзлюбили, потому что он сильно отличался от них. Учителя же относились к нему с уважением, потому что мальчик был прилежным учеником.

Гриша расстраивался оттого, что у него не было друзей. Бабушка всё время была на работе и возвращалась домой очень поздно. И она не могла заменить ему товарищей, таких же подростков, как и он. А Грише так хотелось иметь друга, с кем бы он мог делиться своими маленькими секретами и радостями. Он давно просил у бабушки домашнего питомца, но она не разрешала: им самим приходилось жить впроголодь. Мальчик замкнулся в себе и даже перестал выходить на улицу. Он только и повторял: «Как же мне одиноко!»

И всё же Гриша не переставал надеяться и верить в чудо. В канун Рождества он подошёл к окну и сказал:

– Завтра Рождество! Говорят, что в этот день случаются чудеса. Может, и моя молитва будет услышана? Я так хочу найти друга!

И вот в этот чудесный морозный вечер Грише впервые за месяц захотелось погулять, его как будто манила какая-то неведомая сила. Он быстро оделся и вышел из дома...

А на другом конце города голодный замерзающий щенок дрожал и брёл по тускло освещённой улице. Увидев открытую дверь в одном из жилых домов, он решил туда заглянуть в надежде обрести приют. Но как только хозяин увидел его, он выпнул малыша на улицу с такой силой, что бедный собачонок пролетел несколько метров на пузе. Он так испугался, что побежал куда глаза глядят, не разбирая дороги. В парке бедолага остановился и забился под лавочку, твёрдо решив больше никуда не идти и умереть прямо тут. Было тихо и безлюдно. Лишь лёгкие редкие снежинки, грациозно слетавшие с небес, касались его спинки и носа.

В это время по тропинке брёл какой-то мальчик, понуро опустивший голову. А по щекам мальчика стекали слезинки, оставляя холодные полосочки на щеках и подбородке. Это был Гриша. Он уже долго гулял, поэтому устал и решил отдохнуть на лавочке. Увидев в небе первую звезду, мальчик понял, что наступило Рождество. Он сидел и заворожённо смотрел на переливающуюся всеми цветами удивительно прекрасную Вифлеемскую звезду, думая о своём желании найти друга, очень важном для него.

Вдруг совсем рядом раздался чей-то писк. Гриша вздрогнул от неожиданности, когда что-то тёплое и влажное коснулось его руки. Он заглянул под лавочку: там он увидел беспомощного всклокоченного щеночка, который тыкал носом и лизал его, Гришкину, руку! Он был так худ, что рёбрышки, обтянутые тонкой кожицей, выпирали наружу. Он замерзал, и из его печальных чёрных глаз-бусинок текли слёзки. У мальчика сжалось сердце от жалости и боли. Гриша сразу осознал, что щенок так же одинок, как и он. Взяв бедолагу на колени, стал ласкать и согревать сиротку, сунув за пазуху. Малыш не верил своему счастью: его не гнали, не били, не смотрели с пренебрежением или гневом. Он радостно лизал ухо и щёки ребёнка, вилял хвостиком и с преданностью смотрел в глаза обретённому другу. Гриша тоже поверил в своё пушисто-хвостатое счастье! Душа возликовала, и мальчик, не раздумывая

ни минуты, прижав щенка к груди, понёс, потом побежал от нетерпения домой.

Там его встретила обеспокоенная бабушка. Ведь время было за полночь! Гриша в подробностях рассказал ей историю знакомства с малышом и умолял разрешить Мигуке (так он называл щеночка) жить у них дома. Бабушка хотела сначала возразить, но, взглянув в сияющие счастьем глаза внука и пёсика, не смогла отказать. Вот так в Рождественскую ночь в ещё один дом пришло чудо: ещё одно сердце наполнилось любовью и добротой, а в мире стало светлее от счастливых улыбок людей и нежной ласки благодарных меньших братьев наших. Которые тоже умеют улыбаться.

Не замечали? Присмотритесь и многое поймёте...

Нина ВЕСЕЛОВА

ЦАРИ УМИРАЮТ

Глава из романа «Годовые кольца»

Коровы у озера – Закулисные интриги – Телеграмма – Душа в душу – Предводитель Клава – Поминки – Литература на полках – Отцы и дети

А я меж тем вступала в новый этап жизни...

– Кто же сказал тебе, что в молодёжке нельзя писать о стариках? И о них всегда пожалуйста!

Неужели?! И вот это теперь – мой город: берёзовые скверы, деревянные улочки, храм Софии на берегу... Вологда!

Как-то в детстве, проснувшись в поезде, я разглядывала ночью эти причудливые вокзальные буквы, и сердце замирало, будто знало о предназначённом. И вот – я здесь. Полна решимости изменить мир! Сказать своё слово! Мне предоставлены страницы газеты. Чем я их заполню?..

Заметка о каком-то совещании. Информация про концерт. Репортаж с выставки. Зарисовка о молодых строителях. Но всё это не для меня, нет! Надо в командировку, надо прочь из города!

И как так происходит, что ткнёшь случайно пальцем в карту, а судьба вдруг повенчает тебя с этими местами навек? И будет тянуть тебя туда снова и снова...

Я выбрала тогда Белозерск. И всю дорогу душа молодая ликовала от красот, которые окружали меня. Голубой Волго-Балт со стремительными «Метеорами», чайки над головой, деревни по берегам. Откуда мне знать было, что большинство селений – под водой и что мы, легко несущиеся вперёд, пролетаем над затопленными могилами? Я видела торчавшие из глубины макушки мёртвых деревьев, но не спешила задаваться вопросами, а поворачивалась в другую сторону, где открывалось ве-

личие покорённой природы. Я была восторженное дитя своего времени.

Тысячелетний Белозерск поразил меня древним земляным валом, куполами церквей, которые светились ночью рядышком с луною. Но и там было суетно, хотелось поскорее уехать туда, откуда больше ехать некуда.

Автобус катил лесом, пересекал речки и оказался наконец у каскада озёр, по берегам которых были разбросаны деревни. Они то взбегали на холмы и оттуда глядели окрест, то скромно теснились в низинах, поворотив дома лицом туда, куда хозяину вздумается.

Я вышла в Орлове и зажмурилась от тишины. Ничего не хотелось – только сесть на тёплую землю, подставить лицо закатному солнышку и никуда не двигаться. Раствориться. Исчезнуть. Перестать быть корреспондентом... С какой стати я ворвусь сейчас в чужую жизнь, собью её ритм? По какому праву?

Тогда в Орлове я подошла ко двору, спросила Люсю Чудакову – лучшую молодую доярку области – и очень обрадовалась, что её ещё нет. Усевшись в низине на бревно, я разглядывала на пригорке ферму. Побрякивали молочные фляги, звучали женские голоса. Доярки с любопытством поглядывали в мою сторону, едва ли догадываясь, что это первая в моей жизни настоящая командировка и что не умею я ни подойти к ним, ни спросить ни о чём. Солнце скользило лучами по озеру, тёплая тишина окутывала меня, и хотелось, чтобы это длилось и длилось.

Но раздался чей-то громкий, на меня рассчитанный возглас:

– А вот и Людмилочка пришла!

И я поняла, что пора начинать.

Люся оказалась невысокой девчушкой, у которой из-под платка выбивалась светлая прядь. Сложив впереди руки в замочек, она покорно сказала взглядом отличницы: «Спрашивайте!» И я растерялась окончательно: какие могут быть расспросы, когда у человека дело стоит!

– Работать ведь надо...

– Надо! – не оробела Люся. И на долгие годы вперёд решила для меня проблему общения с сельскими героями: не спрашивать надо, а помогать, и тогда сами собой отпадут все вопросы.

Мы дружно принялись за дело. Приготовили доильные аппараты, ведро с тёплой водой для подмывания коров, а когда хватились фляг, то оказалось, что кто-то из женщин уже вымыл их за нас. Я вспомнила ласковое «Людмилочка», и мне стало вдруг среди чужих людей надёжно и спокойно.

Эти женщины поначалу помогали Люсе не только фляги мыть, но и корма раздавать, и стойла чистить, и ребятишек своих посылали: хоть подойник отнесут, чтобы не уставала и не отставала Люся. Велика ли она была, когда пришла на ферму? Только восемь классов закончила. Спать бы да спать, как другие.

– Ничто, высыпаюсь я! – отмахивалась Люся, пока мы сидели все вместе на брёвнах возле фермы – ждали коров.

– Не до гулянья с нашей работой, – вздыхали женщины. – Как бы такой хорошей девке без жениха не остаться!

– Ой, хороша девка! – подтвердили тут же. – На конкурсе мастеров доения первый класс дали!

– Была во втором, а перевели в первый! – пошутил кто-то, имея в виду школьные классы. И все тихо посмеялись. Было так же славно, как бывает в дружной семье покойным добрым вечером, когда все довольны друг другом и когда молчание объединяет больше, чем слова.

Тем временем вдали показалось колхозное стадо, и воздух наполнился мычанием. Сморённые жарой коровы припадали к колодам с водой. Ребятишки мелькали между ними с хворостинами, прогоняя напившихся на двор, и с визгом отскакивали, когда в их сторону оборачивались рога. Шум стоял, как на школьной перемене.

А потом все утомонились, будто ученики расселись по партам. Только причмокивали доильные аппараты да шумела вакуумная установка.

Люся передвигалась со скамеечкой от коровы к корове, и ноги её легко сжимали подойник. Казалось, что вот сядешь ты на её место, и получится то же самое. Но это лишь казалось.

Из нашей городской жизни многое в деревне видится простым и доступным. Подумаешь, на ферме! Подумаешь, недоспать! Захочу, и я смогу...

Вот и я попыталась тогда примерить на себя Люсину судьбу.

Мы поднялись утром ещё до четырёх, плеснули на лицо воды и вышли в едва занимавшееся утро. От озера было прохладно и сыро, и пыль на дороге обмякла, не клубилась под ногами. Обычно летом Люся эти три километра со Взвоза до орловской фермы ездил на велосипеде. Из-за меня пошла пешком.

Серел по сторонам лес. Пахло прелью и грибами. Но это не радовало, потому что хотелось спать. Ладно хоть было светло! А однажды зимой во тьме Люся встретила на дороге кабана! Хорошо, что он напугался больше, чем она его, ускакал... А как-то, тоже зимой... заснула на ходу! Очнулась, когда стукнулась лбом о собственный забор! Вот такие дела.

Только что в этом необыкновенного, чтобы писать о ней? Совсем она того не заслуживает! Так пыталась Люся нарушить мои планы.

Я решила тогда, что уж мне-то видней, о ком писать. Но только теперь до конца додумала эту думу. Не её, не Люсю надо было прославлять, купившись на выдуманный комсомолом титул лучшей молодой доярки области. Можно ли вообще таковую обнаружить?.. А каково было Люсе привечать корреспондента, когда рядом с ней работали состарившиеся на ферме женщины, за всю жизнь не удостоенные доброго слова от тех, кто пользовался их трудами? Не потому ли и стеснялась я их, что несла на себе часть общей вины? По наивности мне верилось, что лучшие – они обязательно отмечены и замечены. И как много времени потеряно, сколько судеб канули в прошлое бесславными! На той же ферме, рядом с Люсей...

Гордая собою, ступила я тогда поутру на двор. Казалось, что все должны заметить мой подвиг: ну-ка, встала городская такую рань!

Однако никто на меня не взглянул. Не до этого было. Сонные коровы никак не хотели подниматься. Доярки сначала уговаривали их, ласково кликали, а потом не выдерживали и начинали ругаться. И Люся – тоже! Впрочем, это было незлобиво. И вскоре всё устроилось, коровы встали по местам, и пошло привычное: сполоснуть вымя, погладить корову, отдоить, снести молоко во фляги, и снова – подмыть, погладить...

Когда мы вернулись из Орлова, утро на Взвозе было в полном разгаре. Только теперь я по-настоящему разглядела эту крошечную деревушку в шесть домиков на берегу. Её баньки сгрудились у воды, как подружки, и глядели за озеро, на другие селения на холмах. А где-то далеко-далеко белела старая колоколенка.

Солнце уже пригревало. Мы умылись розовой озёрной водой и неторопливо вернулись к дому. Истошно блеяли овцы, выгнанные со дворов. Хвастливо, как повсюду на земле, кудахтали курицы.

Сухонькая Прасковья Ефимовна уже вынимала из печи собственные хлебы.

– Чем богаты...

– Ах, мама, мама! – смеялась Люся с сестрой Таней, тогда ещё школьницей. И все трое Чудаковых были так улыбочивы и мягки!

Много лет потом я буду тосковать по их смеху, открытости и светлости. Буду видеть горькие в глубине глаза Прасковьи Ефимовны, которая притворно пугалась:

– Какие будут замечания? Слушаюсь и повинуюсь!

И с мудрым взором выслушивала дочерей. Ей так хотелось в нужный момент откликнуться на их родной зов, продолжиться в них своим опытом и правдой. Жизнь получилась нелёгкая, муж умер рано, а она теперь совсем иссохла, пришлось оставить телятник. Хорошо, что Люся успела закончить восемь классов

и определилась на ферму. Выросла, считай, с матерью на дворе, не пропадёт. А уж она, старуха, по дому поработает...

И было в их избушке уютно. Кошка мылась возле русской печки. Студёная вода стояла на лавке. Пахло хлебом и пойлом.

И когда мы с Люсей после завтрака с чувством выполненного долга вытянулись в чулане, мне на миг показалось, что я вернулась в детство. Но только на миг... А потом из Люсиных рук выпала раскрытая книга, и я снова стала начинающим журналистом, отметившим этот выразительный штрих.

Днём Люся снова ушла на дойку, уже без меня. Я уезжала. И что-то предательски-радостное царапнуло моё сердце: мне не надо будет завтра вставать среди ночи и сонно брести лесной дорогой!

Но очень и очень долго потом по утрам я стыдливо спохватывалась: а Люся-то уже наработалась!.. Ну и что, спорила я с собой. У всякого свой труд и свои сложности. Только это не утешало.

Вновь и вновь я видела дом Чудаковых на Взвозе и лунную дорожку на полу, на половиках. Видела говорливую старушку-мать, которая поднималась в три часа и надавливала на кнопку будильника, чтобы звон не потревожил Таню. И шла будить Люсю.

Та спала, подложив под щёку ладони, не ведая забот. Дорог нам сон наших детей. Есть ли что дороже? И способно ли ещё чем-то вот так же согреться материнское сердце? Но каждое утро, погрузив над постелью дочери, Прасковья Ефимовна нежно говорила:

– Людмилочка, пора...

И я в дальней дали просыпалась от её голоса и пугалась: а вдруг Люся не встанет, сорвётся, как непременно сорвалась бы на её месте я? Вдруг кончатся её полудетские силы и она махнёт рукой на всё главное, что таким незначительным кажется нам сквозь сладостную пелену сна?

Но Прасковья Ефимовна хитро договаривала:

– Ладно уж, отоспись сегодня, поди денёк и недоёные постоят, эка беда...

И уходила к себе. Она знала, что после этих слов Люся уже не сможет заснуть.

Об этом обо всём я и постаралась рассказать в газете, назвав свою зарисовку «Люсины зори».

Меня не поняли.

– Уборка идёт, информацию надо, а она лирику развела!

Так бесславно закончилась моя работа в сельхозотделе.

Потом несколько месяцев я честно пыталась вникать в комсомольскую жизнь. А когда вникла и кому-то из высокопоставленных персон прямо сказала, что я о ней думаю, сработала ведомая мне система, и меня понизили до отдела писем.

Но никто из свершавших моё служебное передвижение не предполагал главного: мне было тепло жить на свете! Тепло оттого, что я знала – в Белозерском районе есть крошечная деревушка по имени Взвоз: горстка домиков, несколько банек на берегу чистого залива. Когда вся в сугробах смиренно дремала старая Вологда, когда снег летел на храм Софии, когда женщины по-древнему полоскали бельё в речных прорубях, мне хорошо и спокойно было думать, что где-то нетронута и вечно стоит эта деревенька. С белыми шапками крыш, с тропкой, отмеченной вешками, продуваемая ветрами и неприметная. И когда я шла цветущей Вологдой и такими нелепыми казались среди её резных палисадов чадающие машины, и тогда я помнила о далёком белозерском Взвозе. Помнила благодарно и чуть виновато.

...И совсем забыла о деревне нашей...

Всего шесть часов на поезде! Дедовы письма: «*Приезжай мнученька*». И мои ответы: «Совсем я закрутилась, всё командировки, дела».

Всего шесть часов на поезде! Но ни разу за полгода я не съездила.

И вдруг...

И вдруг телеграмма: умерла бабушка.

Бабушка умерла!! Бабушка! Что же я не плачу? Что же я за человек?!

Свердловский поезд в Вологде ночью. Встать – мука. В сонном недоумении гляжу на будильник: что случилось? почему он звонит?

Да ничего. Просто умерла бабушка.

Сон тотчас отлетает. Выхожу на улицу. Пустынно. Одиноко.

Мне не горько, нет. Всё-таки бабушка пожила, семьдесят пять было. Только страх во мне и глухая досада: зачем именно сейчас, весной, когда так хочется жить, зачем сейчас – смерть?

В вагоне спали, а я так и не прилегла. Рассветало, а я всё сидела у окна, подперев щеку рукой, и думала, думала.

Я понимала смерть. Умом. Мне казалось, я принимала её – и чужую, и даже свою. Но – не весной! Стоял конец марта. За вагонным окном мелькали лесные проталины. Солнце пригревало так, что душа переворачивалась. Скоро в деревне сойдёт снег, проклюнется трава, в сырых местах зацветут купавы, потом ландыши с глянцевыми прохладными листьями, потом зелень потемнеет, наберёт силу, и тогда – белые цветки земляники, колокольчики, грибы-колосовики, венки из васильков на головах, хмельная малина на вырубках, липкая паутина на разгорячённом лице...

Какое счастье всё это видеть, жить этим! Будут суетиться букарахи на земле, ошалело станут петь в зарослях птицы... над бабушкиной могилой!.. вырастет молодая сосенка – рядом с останками её тела... Я принесу на кладбище букет ромашек и поставлю их в банку...

А зачем бабушке ромашки?! Для неё нет больше ромашек! И птиц нет! И неба! И студёной речки Марьиницы. Всё было – и – ничего нет! Была когда-то пустота – и – снова пустота. И зачем, зачем я пойду на кладбище, если ничего не испытываю там, кроме унижительного страха? Зачем люди носят цветы, сыплют

на бугорки пшено, если не верят в бессмертие? Значит, в тайне друг от друга верят, но называют эту веру иначе – памятью о близких?

Я ехала и думала. А за окном, что ни селение, мелькали погосты, погосты...

– Бабушка, бабушка, ты жизнь прожила, а ничего я толком о тебе не знаю, не ведаю. Говорят, для любви человек создан, а любила ли ты? И тебя – любили?

– Тьфу, и говорить неохота. Потом буде... Я те про свекровушку лучше. Стари-инной закалки была, строга-а. Деньгам счёт любила. А я зимой лес на мерине возила, летами на железной дороге подрабатывала, рельсы меняла. Справно жили, не пожалуюсь. Я не хвост была, не хвастливая, по-вашему. Не хуже других работала, кого хошь спроси. А свекровушке всё одно плохо. Скажу: косую бы новую купить, маятно старой пахать. А она мне: ишь какую барынь привели в дом! Надо беречь деньги-ти!.. Так и пропали мои денежки, сменились в революцию. А я их кровью зарабатывала.

Когда бы хоть при мужике. А то – весной пятнадцатого году поженились, а зимой, глядишь, его и в армию. И ни слуху, ни духу боле года, ровно в воду канул. А потом – Отечественная... Всю-то жизнь провоевал. Я всё одна, одна!

А венчали славно! На тройке с колокольцами везли. День у его гуляли, другой у нас... Вот уж никак не мечтала, что за его пойду. Два раза свиделись – и свататься. Тьфу!

Я за Митьку думала. А по правде, и не думала вовсе. Часто меня в хороводе брал. Ну и что? Какой он жених?

Тринадцати человек была у нас семья. И Вера, и Анна – все меня мене, все няней звали. Вот легли вечер спать оплотиной. Вдруг кто-то стучает. Думаю, к тятя кто. Лампу-то мама едва наладила. Глядь – Василий Аркадьев, мужик уж, да Митька. Он-то почто? Я – на печку. А оне внизу говорят: «У вас – товар, у нас – покупатель». Я голову пригнула, дышать боюсь. Что тятя скажет? А он им – нет, мол, у нас невеста ещё в куклы играет!

Неправда была. Семнадцать годков мне уже стукнуло. Ну, попили оне чаю. Отложили дело.

А на другой день и дед твой приходит. Прослышал про Митьку али как, не знаю. В Егорьев день мы с им познакомились, в Лясково пиво пить ходили. Пригласил разок в хоро- воде. Лица его налё не запомнила. Знала только – один он сын у родителей. И богатый. Позарился, поди-ко, тятя на это, помечтал, что слаже мне будет, чем дома. А оно вишь как обернулось!

Однако не хуже других жили единолично. В колхоз-от вошли – три коровы, лошадь, свиньи, овцы. Я как ото сна обудилась. Сам-от работать любил, не похаю. Всё подоле борозду пропашет. На почёте были в колхозе. Благодарности нам записывали. Один бригадир нам хозяин... Вот так за делам да за детишкам и свыклась. А любви никакой мы не знали, думать про её не думали!

Проснулся в другом конце вагона ребёнок, заплакал. Пассажиры зашевелились на своих полках. А я сидела у окна...

– Ой, бабушка, бабушка, нелегко тебе было с детками. Или правду говорят, что вся радость – в них?

– У прабабки твоей сучьи роды были. Жнёт, жнёт, да тут и робёночка родит. А я-то, слава богу, почитай всех дома принесла, с однем только не угадала. И то – где тут угадать! Прихватит – перетерпишь да снова дрова ворочать. Всё времечко и обнимаешься с ими. Ни сентябрёв, ни октябрёв не знали, это нынче декреты в моде.

Николая рожала – напужалась: задушила, говорят, парня. Ничо – пошлёпали, в уши подули – заблажил! Да чего родить? Невелика хитрость. Вот вырастить...

Как куда идти, ўрошному робёнку на темечко соли посыпешь, вот и кричать не будет. А Главдя одно время зашлась криком, как плёточка расхлестнулася. Не возьму в ум, что экое. В зыбку положу и сама зареву – больше мне и делать нечего. И молока в грудях вволю, а не берёт! Царство небесное бауш-

ке – отвела хворобушку. «Богородицу» да «Отче наш» прочитала три раза – и всё. И сосать Главдя начала, как век сосала, и расти.

Валька – та птахой жила. И поклюёт малость, а наработает за двоих. Молчит всё да терпит.

А батьке твоему, Панушке, боле всех досталось. В войну за бригадира пахал. Ему кричат: «Мальчик! Уж больно ты мал пахать-то!» А он и обидится. Это мерина, отвечает, Мальчиком кличут. А мне уже тринадцать!

Ах, деток нет, и горя нет, знамо. А и зябко без их, в дому стыло, по свету ходить стыдно.

...С полустанка мальчонка с дедом помахали поезду рукой...

– Бабушка, бабушка, а что тебе жалко было оставлять в жизни? О чём ты думала в последний час? Какой наказ приберегала?

– Дура, скажешь? Всё реву: того жалко, этого жалко! Своего горя нету – об чужом сохну. А как?! Охота, чтобы все внучики были при деле, добром у людей помянуты. Чтобы дом наш не забывали, обиды не держали. Что со старика возьмёшь? Стряпает день до вечера, а обедать нечего. Кабы у меня не глаза, я бы ещё шишляла, хоть картошек начистила бы. Да как? Ошемётки наоставляю. Всё думала, шутя у меня с глазам-то, тряпок припасла на половики. Который год лежат на потолке. Надо бы сестре Вере отдать, наткёт, может. Да шерсти в сундуке под койкой вволю, намедни перебирала – хорошая, мягкая. Где докону найти, рукавицы связал бы – батьке достанется парочка нетронутая, новая. Не ровён час, долго проживёт – сгодятся. Меня вспоманет – матка, мол, позаботилась.

Эх, на свет бы белый глянуть напоследок – ровно бы и помираться веселей. Один бы разок глянуть. И рыжиков поесть солёных. Не растут ноне вовсе. А по те годы нашивали мы. Отдохнёшь после работы, потом плошку страшительную рыжиков съешь – и на посиделки. И до ночи прядём, прядём...

Николай-сын всё в Донецк звал. Не бывать ужо. Нигде, почитай, не бывала за жизнь – раз в кузницу да раз на мельницу. Всё – утекли годочки, не воротишь...

Мы ехали с Неи в деревню на крытой грузовой машине: крошечная тётя Валя со своим огромным Шалагиным, отец мой и я. Везли пустой гроб. Молчали угрюмо – что говорить, когда заплакано всё?

Только Шалагину не терпелось спрашивать – про городские автобусы, про электрички и другую ерунду.

Я отвернулась, ругнувшись в душе. Тряхнуло на ухабах. Все схватились за что могли – кто за борт, кто за лавку под собой.

На белом смолистом гробе съехала крышка. Отец поправил её и слегка стукнул по двум гвоздикам молотком. Тётя Валя всхлипнула.

– Когда будем хоронить, – рассудительно заговорил Шалагин, помогая себе крупными руками, – надо будет вот здесь вот вбить гвоздь и вот здесь ещё... побольше... чтобы не открылось...

Я с тёмным вздохом посмотрела на него. Отец мой двинул желваками и закурил.

Убегала под колёса сырая дорога, оставались позади машины сосновые волокни.

– А крест лучше сделать вот такой, – Шалагин снова задвигал руками, обозначая крестовину. – Я видел у одних – там вот эдак, а потом так...

Мы больше не реагировали на него – пускай говорит.

Тётя Валя сидела, сжавшись воробьём, ко всему привычная. Когда подъезжали к деревне, она вдруг сказала:

– А мне наемни сон был... Будто приходит покойный братка Геннадий и зовёт на мотоцикле кататься. Я говорю – не поеду. А он и обиделся. Всегда, говорит, не хотела ты со мной ездить! А давно ли, говорит, ты в деревне была? Два воскресенья, отвечаю. А что?.. Да ладно, мол, я сам туда съезжу!.. Вот он как съездил! Мамушка мила-ая...

Машина остановилась возле деревенского дома. Мне страшно было поднять глаза на двери, на голубые наличники. Я спрыгнула в талый снег и стала ждать, когда мужики спустят гроб.

Но тут хлопнула дверь – в одной рубашке вышел на улицу дед. Отец мой первым шагнул к нему, прижал к себе и поцеловал в белые волосы на макушке:

– Ничего, папа, держись, ничего, папа...

А у самого сдавило горло, и он закашлялся, отвернулся, закурил.

Тогда я прижалась к маленькому старику и ощутила его почти невесомое тело.

– Ты простудишься, пойдём, – сказала я.

Дед прошептал в ответ обычное:

– Ангелко моё, желанное!

Обнявшись, мы дошли до крыльца.

26.7.1964.

«После нескольких дней ненастья выглянуло из-за туч солнце, обсушило луга. Помогая солнцу, ветерок пронизывал валки скошенной травы, унося с собой оставшуюся там влагу.

Завтра сушка – ещё с вечера решено было в Починовской бригаде колхоза имени Калинина. Сушить нужно было немало. Трава, подкошенная перед самым ненастьем и в перерывы между дождями, уже перелёживалась.

С раннего утра выехала бригада на луга. Работы было достаточно всем. Престарелый колхозник НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛОВ с утра пошёл выполнять своё задание. Оно у него особое – подготовить стожары, чтобы не задержалась мётка сена. Николай Иванович справился с заданием на отлично. Он отказался от обеда, но бригаду не задержал. 8 стогов сметали колхозники на установленные им стожары».

Бабушка лежала на столе в зале. Зеркало было закинуто чёрным. Веяло холодом и жутью... Я постояла у порога и, не заходя, закрыла дверь.

Все приехавшие толпились в прихожей, в кухне. Маялись без дела. Принесли воды – и снова сели. Курили, говорили о чём-то незначительном, словно забыли, по какому поводу собрались.

– Главка! Возьми-ка руководство! – не выдержал дед.

Всегда – в радости и в горе – тётя Клава была самым необходимым человеком. Как раствор, она соединяла всех, держала вместе. Ей бы лечь, приклонить гудящую голову, закрыть глаза, видевшие приход материнской смерти. Но...

И сразу всем нашлось дело: одним картошку чистить, другим – скотину кормить, третьим – ночлег готовить. А у неё в руках затрещала лучина, жарко вспыхнули дрова в печке в прихожей, потому что горе – не горе, а ужинать надо.

– Ты бы отдохнула, – сказала мне тётя Клава. – Поди лежи или сбегай к кому, развейся. Чего уж теперь переживать?

– Да я не очень...

– Я вижу, как не очень!

Она была не права: я вовсе не нервничала. Просто хотелось, чтобы всё это поскорее кончилось: поскорее бабушку похоронить, забыться, снова радоваться жизни, а не тяготиться собственным существованием. Оно бессмысленно, невыносимо, когда сосредоточено на покойнике!

Чем держится тётя Клава? Вовек мне не понять. У неё круги под глазами. Неделю она дежурила возле бабушки. Уже три ночи не спала толком. Обо всех вздыхает, но ни разу не сказала о своей усталости. Никто не видел, чтобы она плакала.

– Это тебе бы отдохнуть, – сказала я тихо и погладила её по волосам.

Она улыбнулась над чугунком. И она понимала, что, если ляжет, то порядок в доме рухнет. Все, как дети, надеялись только на неё. В горе надо на кого-то опираться. И самый сильный подставляет своё плечо. Или сердце?

– На вот! – она протянула мне блюдо с тёплым молоком. – Снеси козушкам!

Набросив ватник, я отправилась с фонариком на двор. Пучок света выхватывал старые половицы на мосту, на крыльце, потом кривые ступеньки вниз, в хлев. По которым в темноте столько лет ходила бабушка!.. Наверно, шершавой ладошкой проводила по этой вот жёрдочке – она вся стала гладкая, как полированная. А под ногами у неё вот так же шуршала солома. И ей было спокойно от этого привычного звука. Отчего же мне – тревожно и страшно? Вот что-то стукнуло, дёрнулось... Только не убежать, не опозориться! Ну кто это, если не коза Муська рогами ломится в дверь! С характером животина, мы с ней давно не в ладах. Только бабке она и давалась доиться. А козлятки, трое, у неё хорошие – мягкие, добрые, тёплые, мордами ткнулись в ведро и затихли, пьют, лягаются... Господи, ну зачем, зачем умерла бабушка? Как бы всё сейчас было хорошо!..

Я вернулась с пустой бадьёй, тётя Клава кивнула мне благодарно и сказала:

– Зови-ка всех ужинать!

И сели рядом с дедом два сына – Николай из Донецка и мой отец из Ленинграда. Оба крупные, бровастые, с уверенным взглядом. И сели с другой стороны две дедовых дочери – Клавдия и Валентина, обе маленькие, в бабушку, и смуглые – в деда. Сели – и вдруг повисла в кухне гнетущая тишина: все вдруг вспомнили о нетопленной зале, где была покойная.

– Ну, что же... Наливайте!

...Был какой-то праздник. Собрались за этим же столом. Выпили по глотку вина. Дед с бабкой недавно поссорились, сидели насупившиеся. Бабушка отставила свою рюмку нетронутой. Кто-то подсказал:

– Там ещё другое было в чулане, послаще, «Лидия».

– Да ну вас, – тихо отозвалась бабка, – Лидию и так ненавидят...

Мужчины выпили наконец. Глаза у всех заслезились. На углу стояла бабушкина стопка и отдельная миска с похлёб-

кой. Ей и теперь налили отдельно – так отец мой попросил. Она давно ела «по-антилигентному» – чтобы слепо не тыкаться в общее блюдо.

Дед обмочил в супе два хлебных мякиша, бросил кошкам. Те жадно проглотили и снова уставились ему и рот.

– Баб! – сказала я со смехом. – А кошки похудали, пока я у вас!

– Знамо дело! – подхватила старуха. – Их всегда последками кормили. А после тебя ничего не остаётся. Ты им тюрю наведи, пускай их лакают!

– А тюря – это у вас как?

– Молоко на воде жени да булочки покроши.

Я сделала, как подсказано, и подала кошкам.

– Кушайте, милые, кушайте, не обессудьте! Это меня бабка научила так сделать. Я бы вам одного молочка налила, без воды!

– Ты чего кофей не белишь? – спросила меня бабушка.

– Я по моде пью. Студенты все чёрный пьют.

– А почто?

– Силы он придаёт. Будто отдохнёшь.

– Ну?!

Бабка отпила глоток из моей чашки. Прислушалась к себе. И заприпрыгивала на лавке, смеясь:

– И правда, гляди-ка!..

– Главк! – спросил дед, вытирая квадратными кончиками пальцев нос. – Там у нас лампадка не погасла?

– Посмотрю, – поднялась тётя Клава.

– Погоди, и я, – подхватила за ней тётя Валя.

...Был вечер перед моим отъездом, и мы с бабушкой долго не могли заснуть. Она говорила, я отзывалась ей из спальни, а сама мыслями нет-нет да улетала в Ленинград, где осталась моя сердечная привязанность. Я сочиняла письмо очередному по-

клоннику, ещё не зная тогда, что будут идти годы и будут меняться симпатии, но одно навсегда останется во мне неизменным: желание поделиться с дорогим человеком думами о деревне.

«Как хочется, чтобы ты был рядом, чтобы видел и чувствовал то же, что и я! Возможно, тебе тут не понравится, но знаешь, как сладостно мне вдыхать зимой запах сена на повети, носиться по снегу с тонущим по шею псом, сидеть на беседках в деревенских домах, ползать в огромных валенках по спящему лесу, ходить в Михали за хлебом и – постоянно думать о тебе; читать вечерами вслух газеты, перебирать свалывшуюся овечью шерсть, рыться в старых вещах на чердаке, разглядывать фотографии в рамках, четыре раза на дню поджидать у окна автобус и – постоянно думать о тебе. Ты знаешь, рядом со стариками я действительно становлюсь сильнее. Или это чувство «второй очереди» у смерти, как справедливо заметил кто-то? Или просто целительная сила деревенского покоя? Не знаю. Но только часто у меня бывают такие минуты, когда я плачу от удивления, восхищения и преклонения перед жизнью.

Вчера у нас были гости со станции, было шумно и весело, смеялись до слёз, и бабушка смеялась, и я не верила ни в смерть, ни в горе – я была ребёнком. И мне очень захотелось поделиться своим счастьем – потому что у меня давно не было его так много, пусть и очень простого, неказистого...»

– Что, – продолжала своё бабушка, – скажешь, нахвалила себя старая? – Она смеялась. – И то правда. Я ровно грешневая каша. Или калина. Одна хвалилась – хороша я с маслом, другая – хороша я с мёдом...

– Полно-ка, – успокаивала я старуху. – Всё правильно ты говоришь!

И вдруг, поправляя подушку, я нащупала под ней забытые мною баночки с кремами.

– Ну, баб! – заливалась я, и она подхватила смех, ещё не зная, в чём дело. – Чуть не подвела тебя под монастырь! Уехала бы завтра, а дед бы решил, что это ты красоту наводишь! Вот было бы!!

– А я олондась вспомнила про эти твои штучки, – сказала она, успокоившись, – да запомятовала опеть. И ухом, и нюхом слышу, когда мажешься. Скусно... А мне ужо никакие белила не помогут. Всё... Девки белятся, румянятся, белила нипочём. Шадровитая корява, натирайся кирпичом!

Тикали в тишине ходики.

– Ты уедешь, – заплакала вдруг бабка, и я села на своей постели, – ты уедешь, я и капли пить не стану! И таблетки... Всё одно помирать!

– Ба-аб!

Она взяла себя и руки.

– Это сколь же время таперя?

Я поднялась и подошла к ходикам.

– Двенадцать!

– О-ой! Как в Новый год! А не попить ли нам чаю?

– Попить!

Мы уселись в кухне, бабушка держала на ладони блюдце, прихлёбывала чай и улыбалась.

– Я давно имела зуб вот на этот вот кусочек! – она повертела перед слепыми глазами корочку хлеба. – Два кусочка навернула, таперь и спать можно...

– Спит матка? – спросил дед у вернувшихся за стол дочерей.

– Спит, не скажет ничего, – в тон ему ответила тётя Валя.

– Однако и мы давайте укладываться, – помнила о своём командирстве тётя Клава.

Старик с дядей Колей забрались на печь. Отец мой с Шалагиным легли на полатах, бросив на доски тулупы. Затихли. Мы с тётей Валею пристроились на кровати в прихожей. Тётя Клава полежала с нами третьей, поворочалась, потом поднялась и зашла в залу. Я не засыпала, ждала. Ждала долго.

– Главк! – позвал с печи дед.

– Нет её.

– А где она? – взволновался Николай.

– Она не в зале? – спросил с полатей мой отец.

Николай проворно соскочил с печи и зашёл в холодную половину. Меня опажнуло из двери смертельным ветерком, и по ягодицам пробежал мороз.

– Молчит, – вернулся Николай. – Уснула, наверно, укрылась с головой.

– Ну дак ложись и ты, золотко, отдохай, – сказал дед.

Все снова угомонились на своих тёплых и нестрашных местах.

Я задремала. И вдруг меня будто толкнули! Я села и поняла, как жутко тёте Клаве там, одной, с покойной, даже если она и укрылась с головой! Туда и днём-то я боялась зайти. А теперь? Лечь, как ни в чём не бывало? Но ведь я не смогу теперь заснуть! Значит, придётся идти.

Я встала, взялась за ручку двери и, ощутив, как отнялись ноги, шагнула во мрак.

В углу светилась лампада. На столе, укрытое белым, угадывалось тело. Я поспешно отвела взор вправо, на кровать. Позвала. Тётя Клава не ответила. Тогда я коснулась её и откинула угол одеяла.

– Зачем разбудила? – спросила она совсем не сонно.

– Замёрзнешь здесь, пойдём!

Она не стала сопротивляться, покорно поднялась и вышла за мной.

Мы тихо прикрыли дверь, а затем улеглись на боку, обнявшись. По дрожи её рук можно было догадаться, каково ей было там.

А утром мы переложили бабушку в гроб. Я тоже притронулась руками к её спине, чтобы осознать, что произошло. Но ощутила только твёрдый холод.

Стал собираться деревенский народ – попрощаться. Бабушка лежала в душистой домовине нарядная и довольная.

– Ишь, – подходили к ней старухи и удивлялись, – звала нас 24 марта постановку по приёмнику слушать... Вот мы и пришли, тётка Лидья, чего не встаёшь?

– Да, – подходили другие, – которые с одноразки отмаются, а которые ровно свечки погаснут... Когда и погасла, не заметили.

Дед стоял на крыльце с красными глазами, неумело курил и гладил крышку гроба.

Когда приехали родные со станции, он тоже зашёл в дом.

На колени возле гроба встала бабка Вера и принялась читать по складам старинную книгу «Молебное пение». По выражению её голоса я вместе со всеми долго силилась понять смысл, но бесполезно. Старуха устало переступала коленками. Тогда дед решил сменить её. Он обеими руками согнул раненую ногу и чуть не упал – все даже качнулись к нему. Надев очки, он неуверенно стал разбирать старинные буквы на жёлтых страницах. Он брал дыхание посреди слова, голос его дребезжал, книга в руках вздрагивала. И на кончике носа у старика долго качалась слезинка.

Когда настало время двигаться к кладбищу, бабка Вера снова упала на колени и запричитала:

– Ой, подымись, туча грозная,
Ой, ты розбей, туча грозная,
Ой, гробову доску новую!

Круглое лицо старухи то касалось пола, то поднималось к образам, мокрое и морщинистое. Голос был высокий, жалобный. Все, как по приказу, зашмыгали носами, потянулись к платкам.

– Ой, прилетите два ангела!
Ой, подымите, два ангела,
Ой, да родимую сестрицу,
Ой, да на резвые ноженьки!

Тётя Валя дождалась своей минуты и тоже запричитала, не так искусно, но горько:

– Ой, что пошла-то ведь мамушка,
Ой, из высокого терема,
Ой, во послед, во последней раз...

Ну не могла я тогда принять этого! Ревела и – противилась в душе происходящему. Ну к чему, к чему искусственно выжи-

мать стоны? Если плакать, то плакать без конца, пока слёзы вообще не кончатся. Вот это – горе. А так? То порыдаем, то принимаемся закуску готовить, о жизни говорить. А потом – снова рёв. И снова – жизнь...

Вот и бабка Вера вдруг остановилась и спокойно проговорила:

– Чего теперь? Так заведено, что все там будем. Только каждый в своё время. Тут уж хоть все слёзыньки выплачь, горю не поможешь... Вон цари умирают – царства оставляют! Не мы, грешные...

И все вдруг успокоились, словно поняли что-то важное. Неторопливо вынесли гроб из дома. И долго тянулась к лесу тёмная вереница людей – тихая чёрная процессия на белом снегу.

28.8.1942.

«В бригаде номер четыре колхоза “Борец” Михалёвского сельсовета на косьбу пшеницы вышла молодая колхозница Валентина Чистякова. Она скашивает косой до 30 соток. Скошенный хлеб за ней вяжет в снопы ВЕСЕЛОВА ЛИДИЯ».

Когда гроб поставили у ямы, пороша хлестанула бабушку по лицу, и оно не дрогнуло. Я видела, как отец мой, склонившись над матерью, что-то прошептал.

– «Тосе привет передай» сказал, – тихо перевела мне тётя Клава. И сама склонилась проститься...

Полетели вниз комья земли.

Отец отошёл в сторону и затрясся. Всем телом я почувствовала вдруг, как надо ему, чтобы я была рядом. Я приблизилась и коротко сжала его локоть. Он хотел что-то сказать, но не сумел, выбрал рядышком сосну и упёрся в неё лбом.

Когда на снегу вырос жёлтый холмик песка, дед – без шапки, со светящейся белой головой – ткнул подогом рядом:

– Этта – моё место, с маткой!

Дома за стол в первую очередь усадили деревенских. Они закусили, всплакнули и ушли. И сели родные и близкие. Пахло мёдом от кутьи, которую пустили по кругу. Звенели гранёные стаканы. Пьянели и влажнели глаза.

Я не могла пить. Меня заставляли. Зачем? Бабка при жизни радовалась, что я люблю молоко. Ей нравилось, что я много шучу. Вот и на поминках я не хотела лить горестных слёз. После умерших всё должно оставаться по-прежнему – чтобы они не тяготились своей смертью и знали, что не причинили близким страданий. Если верить в бессмертную душу, то зачем я должна рыдать, глядя на оболочку, в которой она существовала? Тело никогда не было человеческой сущностью: оно уходит, но душа остаётся – в другой душе, в каждом предмете, какого касался человек, в воздухе, нас окружающем...

Со мной согласен был один дядя Николай. Его полухохляцкий выговор раздавался то там, то тут и нередко взрывался смехом. Кругом были родные, они их давно не видел и рад был встрече. Как они жили, как думают жить? Ведь время пойдёт дальше, а смерть осталась на кладбище.

Только раз он сменился в лице. Искал на тягле дедовы папиросы и обнаружил газету «Ленинградский университет», в которой были напечатаны мои «Старики». Он сел рядом со мной на кровать, положил руку мне на плечо и вздохнул.

– И всё-таки ты тут не во всём права, – сказал он, отерев с рулона пыль и развязав тесёмочку. – Я писал тебе, да не всё...

Мне тут же вспомнились его строки: «Спасибо тебе, что ещё в самом начале своего творческого пути ты обратилась к старикам, твоим дедушке и бабушке, вся жизнь которых может служить примером порядочности, трудолюбия, самопожертвования...»

– И снова скажу тебе: тут больше вымысла, чем домысла!

Я вопросительно посмотрела на дядю, и он ткнул пальцем в страницу.

– Смотри... «Каждый год в нехитром стариковском хозяйстве менялась корова, но звали её по-прежнему...» Ты хоть зна-

ешь, сколько стоит корова, чтобы её менять каждый год? И каково с ней расставаться? Да и зачем?

Я молчала.

– То-то...

Незаметно как-то все снова из залы, где холодили воспоминания, перебрались в прихожую к тёплой печке. И показалось на миг, что в доме – праздник, и все родные снова собрались вместе, и никуда и не разъезжались. Захотелось вдруг петь. Мы без слов поняли это с дядей Николаем, переглянулись и затаили:

– То-о не ве-етер ве-е-етку кло-онит,

Не-е дубра-авушка-а-а шуми-ит...

Покосилась на нас худая Анна Михайловна. Ткнула меня локтем баба Вера. На всякий случай перекрестилась тётя Валя.

Мы замолчали. Стало тихо и пусто. Тогда решительно встал дед, хромая, зашёл в залу и там пустил молчавшие несколько дней ходики. Они хрипло, неуверенно затикали, догоняя время.

Я, никому не сказавшись, забралась на полаты и там, глядя в тёмный давящий потолок, допела шёпотом:

– Зна-ать, сули-ил, знать, сулил мне рок с моги-илой

О-обвенча-обвенчаться молодцу-у...

Внизу, подо мной, разговаривали о своём, а я была рядом и – далеко. Вернулись запахи детства – где-то в этом углу на полатах лежал прежде мешочек с сушёной свёклой, а вот здесь всегда пахло солодом, и я тайком лизала его. Если свеситься головой с полатей, то можно было увидеть, как старик подшивает валенки, сидя у керосиновой лампы, а бабушка, облизывая пальцы, прядёт куделю...

Я выглянула вниз и встретила взглядом с двоюродным братом Борисом. Он подмигнул мне и вскоре оказался тоже под потолком.

– Велики мы стали, сестриченька, – вздохнул он, укладываясь на овчине поудобней. – Прежде по пять человек сюда помещались...

– Пока живём, везде нам тесно, – решила пофилософствовать я. – А оказывается, что и места-то нужно всего ничего...

Боря вздохнул, положил руку под голову. И я легла на спину, стала разглядывать тёмные узоры на потолочных досках.

– Давно не мыты... – понял меня Борис.

– Кому ж мыть...

– Слушай! Вот ты всё пишешь там в своей газете, – задумчиво сказал брат. – Я не отрицаю, людей хороших много. И это твоя работа... А вот ты хоть бы раз написала о своих родных! У них ведь жизнь тоже была ой-ё-ёй!

На сердце моё накатила горячая волна. Ничего не говоря, я соскочила вниз, залезла в свою сумку и вернулась назад с листками рукописи.

– Вот, – сказала я, сдерживая дыхание, – написано у меня...

– Ну-ка, ну-ка, – потянулся брат.

Но я его остановила:

– Лучше я сама тебе почитаю.

Он придвинулся поближе, и мы, голова к голове, как в детстве, лежали и воскрешали ушедшую бабушку... Она снова ковыляла на ощупь во двор... снова слушала по радио постановки... снова водила пальцем перед глазами: «Вот брови-то вижу, черниются!»... и снова сердилась на меня: «Полно-ка Бога гневить!» Бумага в моих руках вздрагивала, в горле пересохло... Я снова подлетала к бабушке, падала перед ней на колени и обнимала её ноги. А она трепала меня по голове и говорила: «В сундуке плат у меня есть большой, в клетку, достань!» И мы шли с нею по заснеженной дороге в клуб, не зная, что фильма не будет...

– Молоде-ец ты, – пожал мне запястье брат и закурил, дымя в потолок. – Это надо печатать!

– Да где печатать! – усмехнулась я. – Ерунда это всё, слабо... Был у нас областной семинар, большие писатели это читали...

– И чего?

– А ничего. Один, спасибо ему, поддержал. Говорил, что хоть это и немного беспомощная пока вещь, но – первая у автора, и её отличает то, чего многим не хватает, – доброта...

– Ну вот же!

– Зато другой сказал... Не мне одной, конечно, всем таким...

Он сказал, что начинающих вообще-то надо не жалеть, не тащить, а топить, как котят. Кто сможет, кому суждено, тот выплывет!

– Ну что? Вполне логично... Значит, барахтайся!

Я привычно потрепала брата по чубчику и ответила:

– Постараюсь...

Вечером в темноте мы выбирались на дорогу, к автобусу. Я торопилась на работу. Отец решил ещё на день остаться в деревне, а потом напрямик в Ленинград, в свой холостяцкий дом. Мы опять надолго расставались с ним, и мне хотелось смягчить последние минуты. Но у нас не получалось. Отец был, понятно, не трезв, и мы сцепились из-за бабушкиной прялки. Я отыскала её на чердаке и забирала с собой.

– Не дури! – сердито приказал отец. – Кому нужна эта рухлядь? Народ-то смешить!

– А что мне народ? – ответила я с вызовом.

– Конечно, ты учёная! Писательница!

Отец психанул и громко сплюнул.

Впереди развалистой походкой шагал мой брат Борис. Пытаясь остановить ссору, он оборачивался и размахивал руками:

– Нет, это вы, дядя Павел, зря! Она вот читала мне сегодня про бабушку. Сильная вещь!

– Это сто лет назад написано! – огрызнулся отец, остановившись на обочине и двигая желваками.

– Нет, пап... это новое, я тебе не давала...

– Там про кино. Не знаете? Я чуть не заплакал, правда... Молодец она у вас!

Отец смотрел в сторону и всё больше хмурился. Он не любил, когда меня хвалили. А Борис продолжал:

– Вот только пускай не ленится, работает. – Он с намёком на наше «пастбищное» прошлое подмигнул мне. – Раньше она любила лениться! А если больше не будет, то сможет, пожалуй, прославить наш род.

– А наш род и не был никогда внизу! – почти выкрикнул отец и стал нервно закуривать. Две спички у него сломались. – Наш род и так всегда был впереди!

«Ну зачем ты, папочка, сердисься теперь, – думала я. – Расстанемся мы с горечью в душе. Хорошо ли это?»

Затянувшись несколько раз, он насупленно замолчал. Я решила, что всё – буря миновала. Но тут он прохрипел в хмельном запале:

– И славы нам – не надо!!

– Па-ап...

Он не ответил.

– Я думаю, – осторожно вставил Борис, – главное, чтобы всё написанное было правдой.

– Вот именно! А она любит приукрашивать! Ей и Николай писал об этом!

– Я не буду больше, – сказала я, чтобы угодить отцу.

– А не приукрасишь, никто и читать не будет! – боролся он, но в голосе уже не было прежней уверенности. – В книжках всегда половина выдумана...

Я не знала, что ответить. Вдалеке, на счастье, засветились фары автобуса. Надо было прощаться. Отец бросил в снег окурок, наступил на него ботинком и шмыгнул носом. А я вдруг увидела его тринадцатилетним пацаном, который идёт по полю за мерином Мальчиком и по-мужицки покрикивает на него... Я вынудила себя шагнуть к отцу: пусть думает, что победа за ним. И он благодарно ткнулся мне в лицо ввалившейся и колючей – как у дедушки – щекой.

7.2.1943.

«В прошлом году мною было обучено 4 головы крупного рогатого скота. Нынче правление колхоза поручило мне обучить работе 10 коров.

Я взялся за это дело. Основным условием в обучении считая ласковое обращение с животными. Я никогда не бью коров. В первое время бывают случаи, когда корова ложится и никак

не хочет идти в упряжке. Я спокойно понукаю её, глажу и таким образом добиваюсь, что корова встаёт и идёт, куда мне нужно...

Нам нужно приучить к работе столько коров, чтобы мы не чувствовали недостатка в тягловой силе.

Смирнов, подросток колхоза “Культура” Михалёвского сельсовета».

ДРАМАТУРГИЯ

Виктор ЕЛМАНОВ

ТИП

Драматическая история в 2-х частях

Быть или не быть, вот в чём вопрос.
Достоин ли
Смиряться под ударами судьбы.
Или надо оказать сопротивление...

В. Шекспир «Гамлет».

...Возмездье ждёт и на земле.
Чуть жизни ты подашь пример кровавый,
Она тебе такой же даст урок.

В. Шекспир «Макбет».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВАЛЕРА

ВИКТОРИЯ

ОЛЬГА

МИШКА

НИКОЛАЙ

НИНКА

СОМОВ

ФИЗРУК

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В левой части пространства – комната в студенческом общежитии. Кровать, стол, стулья, пианино, большое окно со шторами. В правой части пространства – дверь, обитая чёрным дерматином, с табличкой «Ректор», телефонная буд-

ка, небольшой куст акации, скамейка. Как бы раздвигая левую и правую части пространства, длинное, узкое помещение тира. В глубине его, у мишеней, студенты консерватории: Валера, Виктория, Михаил, Ольга, Николай, Нинка. У барьера, с винтовкой в руках, Мишка.

МИШКА. А ну не двигаться!.. Я не шучу!.. Всажу пулю в лоб и не окну!..

НИНКА. Ты что?.. Сдвинулся?..

МИШКА. Да... Немного... Стоять, говорю!.. Вот так!

НИКОЛАЙ. Да он разыгрывает! Первое апрель – никому не верь! (*Смеётся.*) Анекдот!.. Что вы, Мишку не знаете? В прошлом году, забыли?..

МИШКА. Стоять, говорю!.. Слишком много чести, чтобы я вас разыгрывал! Нашли шута!

НИКОЛАЙ. Да ну!.. Знаем мы этот этюд Листа номер триста! (*Хочет идти.*)

МИШКА (*прицеливаясь*). Ещё шаг, и я стреляю!

НИНКА (*вцепившись в Николая*). Колька!.. Он правда!.. Не ходи!..

НИКОЛАЙ (*испуганно*). Ты что?.. Мишка... (*Пятится назад.*)

ВИКТОРИЯ (*прячась за Валеру*). Он убьёт нас!

ВАЛЕРА (*растерянно*). Это недоразумение.

НИНКА. Сдвинутый... Шизо...

НИКОЛАЙ. Вот так этюд Листа... Ты что? Мишка?

МИШКА. А вы не догадываетесь?

НИКОЛАЙ. Я нет...

Все переглядываются друг с другом. Пауза.

МИШКА. Каменные люди атомного века!.. Они даже не догадываются!.. Да вы же бросили своего товарища! Забыли! Вычеркнули из памяти!.. А как вам известно, человек может жить только тогда, когда о нём хотя бы кто-нибудь помнит... Иначе он умирает... Заживо умирает! Ходит, ест, говорит... Но он уже мертв!.. Живое кладбище!.. Даже

хуже кладбища!.. Ничто!.. На кладбище хотя бы кто-то приходит. Хоть раз в году... А ничто никто не помнит!..

Он – ничто!.. (*Дует.*) Фу! Даже не воздух!..

ОЛЬГА (*как-то по-детски виновато*). Прости нас...

МИШКА. Нет!.. Не прощу!..

ВИКТОРИЯ (*истерично*). Он убьёт нас! Убьёт!

МИШКА. Да... Кого-нибудь... Чтобы вы запомнили навсегда, что значит похоронить своего товарища заживо...

ВАЛЕРА. Извини нас... Ты же знаешь... Все сейчас так заняты... Экзамены.

МИШКА (*обрывает*). Нет!.. Иначе вы никогда не поймёте! Никогда!.. Человека нельзя забывать, как бы не был занят!

ВИКТОРИЯ. Я боюсь! Он убьёт! Валера!

МИШКА. Тебе, Виктория, это не грозит... Убивают других людей... Ты не входишь в число этого золотого меньшинства...

ВАЛЕРА (*его очень задела слова Мишки о Виктории*). Миша...

МИШКА. Убивают таких, как ты, Валера... Убивают ради таких, как ты... Смерть бездарностей – счастливая случайность, вот смерть талантливых – несчастье. Это несчастье может заставить над многим задуматься, чтобы кое-что изменить... Ты талантлив! Очень талантлив! Берегись!

ВАЛЕРА. Смерть ужасна для каждого...

НИНКА. Да что вы его слушаете?.. Он же с ума сходит!.. Террорист!.. Ши-зо!..

МИШКА. Тебя, Нина, я тоже не трону: зарыдают сотни мужчин – им не к кому больше будет приставать!.. Хотя, мне кажется, что всех этих мужиков ты себе выдумала... Наверное, тебя никто никогда по-настоящему не любил... Поэтому – живи!.. Надейся на лучшее!..

НИНКА (*зло*). Дурак!

ОЛЬГА. Миша... Я, очевидно, виновнее всех... Я догадывалась...

МИШКА. Да, Ольга... Да... Виновнее всех тот, кто талантливее!..

НИНКА. Перестань играть на нервах! Нам надо ехать в консерваторию! Сегодня распределение! Мы опоздаем!

МИШКА. Успеешь!.. Такие, как ты, всегда успеют отхватить кусок пирога побольше!.. Я твою тигриную хватку знаю!..

НИНКА. Что вы терпите? Он же издевается над нами, а вы!.. Я сейчас позову Ивана Семёновича.

МИШКА. Тихо!.. Я действительно не шучу!.. Кто-то из вас должен умереть в этот прекрасный день первого апреля!.. Тебе, Николай, это тоже не грозит... Тебе и так не везёт в жизни... Хотя ты рождён для спокойствия и счастья... Ты его найдёшь...

НИКОЛАЙ. Спасибо...

МИШКА. Кушай на здоровье!.. А умрут сегодня – или Валера, или Ольга... Чтобы не было спора кому – бросайте жребий...

НИНКА. Какой жребий? Что ты дурака валяешь?!

МИШКА. Не двигаться! (*Целится из винтовки.*)

Все словно застывают.

ОЛЬГА. Я виновнее всех... Поэтому... Я чувствовала... Когда у тебя умерла мать... Я чувствовала... Тебе было очень одиноко... Да?..

МИШКА (*слова Ольги больно его задела*). Бросайте жребий!!!

ВАЛЕРА. Это недоразумение!.. Это дикость!...

МИШКА. Ну!

Снова все словно застывают.

ОЛЬГА. Я... (*Выходит вперёд.*)

МИШКА. Отойди в сторонку.

Ольга отходит.

МИШКА. Сегодня, первого апреля, от руки негодяя и подлеца Михаила Трегубова погибнет талантливая пианистка Ольга Платонова... Она погибнет из-за вас... Помните

и рассказывайте другим, что забывать своих друзей – тяжкая, смертельная вина!.. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. *(Вскидывает винтовку.)*

ВАЛЕРА. Так нельзя!.. Это!.. Нет!.. *(Идёт к Ольге.)*

ВИКТОРИЯ. Он убьёт! Не ходи!

ВАЛЕРА. Так нельзя!..

ВИКТОРИЯ. Он убьёт! Не ходи! Не ходи!

МИШКА *(бросает винтовку)*. Не могу! *(Хохочет.)* Не могу! *(Падает на маты.)*

Все оторопели от такого неожиданного оборота.

НИКОЛАЙ. Я же говорил!.. *(Идёт к Мишке.)* Так всех облапошить!.. А!.. Виртуозно! Пианиссимо!

НИНКА. Ну и шутки!.. Дурак!.. Шизо!..

ВИКТОРИЯ. Сердце закололо...

ВАЛЕРА. Тебе плохо?.. Плохо?..

Все подходят к Мишке. Пауза.

МИШКА *(перестаёт смеяться)*. Ну, что?.. Враги на вечные времена?..

НИКОЛАЙ *(восхищённо)*. Ну ты виртуоз! *(Берёт винтовку.)*
Надо же додуматься!

МИШКА. Маленькая проверка, в результате которой я ещё и ещё раз убедился, что у нас на курсе всего два настоящего порядочных человека – это Ольга и Валера... А вообще-то я приглашаю вас сегодня на день рождения... Общежитие... Комната двести двадцать пять... Время – восемнадцать ноль-ноль...

НИКОЛАЙ. А-а-а!.. Забыли!.. Первого апреля у тебя день рождения!.. Поздравляю!.. Не обижайся!

ОЛЬГА. Ой, Мишка, прости нас!.. Поздравляю тебя!

ВАЛЕРА. Извини... Мы действительно совсем забыли... *(Пожи-мает Мишке руку.)*

НИНКА (*с сарказмом*). Оригинальное приглашение!.. Хорошо, что обошлось без крови...

ВИКТОРИЯ. Разве так можно?.. Эх, Мишка, Мишка...

МИШКА. А иначе вас не прошибёшь!..

НИКОЛАЙ (*вскидывает винтовку*). Руки вверх!.. (*Перебрасывает винтовку с руки на руку*.) Джо Кривой Глаз приглашает всех на свой день рождения! Кто не придёт, тому пулю в лоб! Хоп!

МИШКА. Осторожно... Она заряжена...

НИКОЛАЙ. Да брось ты! Хватит! Больше не облапошишь!

МИШКА (*усмехается*). Нет, правда...

НИКОЛАЙ. Щёлкнуть?

МИШКА. Лучше в ту сторону.

НИКОЛАЙ. Да хватит тебе!.. Дураки на сегодняшний день кончились! Праздник смеха прошёл!.. Или щёлкнуть? (*Приставляет винтовку к груди Мишки*.)

МИШКА (*улыбаясь*). Всё-таки лучше в ту сторону...

НИКОЛАЙ. Испугался?.. (*Передразнивая Мишку*.) А ну не двигаться!.. Я не шучу!.. Всажу пулю в лоб и не охну!..

МИШКА. А потом будешь всю жизнь плакать...

НИКОЛАЙ. Ну ладно... Живи... (*Отводит винтовку в сторону*.) Внимание! Выстрел из незаряженного ружья, или траурный этюд Листа номер триста под названием «И вилы раз в году стреляют!» Исполняет Николай Трататамский! (*Нажимает на курок. Звучит выстрел*.)

Все ошеломлены.

МИШКА (*смеётся*). Ну, как?..

Вбегают Физрук.

ФИЗРУК. Что за стрельба?.. (*Николаю*.) Ты что?.. Откуда у тебя патроны?!.. (*Отбирает у Николая винтовку*.)

НИКОЛАЙ (*растерянно*). Нашёл... Тут валялся один...

ФИЗРУК. А если бы кого ранил или убил?

НИКОЛАЙ. Я туда стрелял... По мишеням.

ФИЗРУК. Совсем очумели! На минуту оставить нельзя!.. Ну-ка, давайте на улицу!.. А за хулиганство будете сдавать зачёт по стрельбе, пока не выполните норму!.. Хватит!.. А то плавать они не могут, бегать не могут, стрелять не могут! Пенсионеры! С третьего курса зачёт сдать не можете!

НИКОЛАЙ (*бурчит*). Интересно, Моцарта учили стрелять из винтовки или нет?..

МИШКА. Это я зарядил винтовку. Я виноват.

ФИЗРУК. Никаких виноватых!.. Все будете сдавать!.. Моцарты!..

ОЛЬГА. Иван Семёнович, вы же обещали поставить зачёт... Так нехорошо...

НИНКА. У нас сегодня уже распределение...

ФИЗРУК. Ничего не знаю!.. Всё!.. Нашли игрушки!.. (*Собирает винтовки, уносит их.*)

МИШКА. Давайте! Быстро исчезли! Я упрошу старика! (*Уходит.*)

НИНКА (*Николаю*). Надо было тебе стрелять!

НИКОЛАЙ. Откуда я знал, что она заряжена?

НИНКА. Тебе же сказали!

НИКОЛАЙ. Ну вот! Бедный Микишка всегда виноват!

НИНКА. Доигрались!

Пока Нинка, Николай и Ольга собираются, Валера и Виктория выходят из тира.

НИНКА (*кричит им вслед*). Подождите! Все вместе поедем!

ВАЛЕРА. Подождём, подождём...

У тира. Валера и Виктория сидят на скамейке.

ВИКТОРИЯ. Туда опять сегодня не успеешь?

ВАЛЕРА (*виновато*). Не успею...

ВИКТОРИЯ. Ну как же так, Валера?.. Ты меня раздражаешь своей непрактичностью! Надо было с самого начала сказать им: «Давайте подпишем договор, а потом я буду записываться...»

ВАЛERA. Не волнуйся. Всё будет хорошо. Они мне сказали: «Честное слово!»

ВИКТОРИЯ (*с издёвкой*). Честное слово!.. Вот и остался с этим честным словом!.. Не знаешь как будто, что такие люди говорят одно, а делают то, что им выгодно! Им надо было, чтобы ты записался с ними на пластинку. Ты записался. А теперь ходи и требуй, чтобы они тебе заплатили!.. Ну, а уж о том, чтобы тебя взяли на работу в их штатный оркестр, и говорить нечего!.. Что же ты такой, Валера?..

ВАЛERA (*робко*). Но ведь они дали честное слово...

ВИКТОРИЯ. Опять ты со своим честным словом!.. Упустил возможность попасть в такой оркестр!

ВАЛERA. Останусь в аспирантуре при консерватории... Мне предлагали...

ВИКТОРИЯ. А ты отказался!..

ВАЛERA. Потому что я думал, что меня возьмут в оркестр...

ВИКТОРИЯ. Теперь только одна надежда, что при распределении тебе предложат аспирантуру... Ох, Валера, Валера! Ты никак не можешь понять: одного таланта мало, надо быть деловым человеком!..

ВАЛERA. Но если я не могу?...

ВИКТОРИЯ. Ну, всё. Прекрати. Наши идут...

Из тира выходят Ольга, Нинка, Николай.

НИКОЛАЙ. Я вас догоню... Один звонок... (*Идёт к телефонной будке.*)

НИНКА. Опоздаешь на распределение.

НИКОЛАЙ. Скажите, если что... Задержался в тире... Зачёт...

Все уходят.

НИКОЛАЙ (*звонит*). Алло!.. Добрый день... Иру... Ира!.. Здравствуй!.. Николай... Ирочка!.. Я вчера не смог забежать... Консультация была... Поздно закончилась... Ира... Что?.. Больше не звонить?.. Да я же правда!.. Ира!.. Что?.. За муж?.. (*Это известие его потрясает.*) Ира... А как же... (*Слышны короткие гудки.*)

Николай в полной растерянности. Вешает трубку. Достает носовой платок, вытирает лоб, лицо, руки.

НИКОЛАЙ. Ира выходит замуж... (*Грустно.*) Это будет этюд Листа... (*Роемся в карманах, в кошельке, в портфеле.*) Ладно, позвоню из консерватории!.. (*Уходит.*)

Тир. Физрук, за ним Мишка.

МИШКА. Я же говорю: я виноват! Я! Они ни при чём!

ФИЗРУК. Не уговаривай, я не восемнадцатилетняя девушка!.. Дотянули до пятого курса!.. Сколько раз просил: «Сдайте зачёт, ребята! Сдайте!..» На уступку вам пошёл, а вы в благодарность хулиганите!

МИШКА. Я виноват! Я!

ФИЗРУК. Повторяю: зачёт будете сдавать все до тех пор, пока не выполните норму!

МИШКА. Зачем? Зачем пианисту выполнять норму по стрельбе?.. Ну? Подумайте!..

ФИЗРУК. С вопросами – к ректору.

МИШКА. А вы сами?

ФИЗРУК. Нечего больше говорить! (*Идёт, вешает мишени.*)

В тир входит Ольга.

ОЛЬГА. Ну что?

МИШКА. На каком-то витке поколение старших перестаёт понимать поколение молодых!.. А ты чего вернулась?

ОЛЬГА. Книжку оставила... Сонеты Шекспира... Не видел?

МИШКА. Нет.

ОЛЬГА (*ищет*). Неужели я её где-то выронила?

МИШКА. А вот, не она?

ОЛЬГА. Да!

МИШКА (*открывает наугад и напыщенно читает*):

Блистательный мне был обещан день,

И без плаща я свой покинул дом.

Но облаков меня догнала тень,

Настигла буря с градом и дождём...

Тридцать четвёртый сонет... (*Отдаёт книжку*.)

ОЛЬГА. Спасибо!.. Я так испугалась, что потеряла!.. Это мамин подарок...

МИШКА (*о чём-то думая*). Ужасно... Ужасно...

ОЛЬГА. Что ужасно?..

МИШКА. Так... Вспомнилось...

ОЛЬГА. Ты едешь в консерваторию?.. Сегодня распределение...

МИШКА. Едем... Да... Конечно...

Ольга и Мишка выходят из тира.

ОЛЬГА (*с каким-то восторгом*). Какой сегодня чудесный день!

Я утром ехала в троллейбусе, и из каждой лужицы, ручья прямо брызжет лучами!.. Закрой глаза... Чувствуешь, как лучи прикасаются к лицу? Смешно!.. Столько солнца я ещё никогда не видела!

МИШКА. Боюсь я этих солнечных дней!

ОЛЬГА. Боишься?!

МИШКА. В солнечные дни происходят несчастья...

Появляется Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Прошу прощения, а где здесь тир?

ОЛЬГА. Вот.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Благодарю. *(Направляется к тире.)*

МИШКА *(тревожно)*. Кто это?.. *(Появление Мужчины в тёмных очках произвело на него сильное впечатление.)*

ОЛЬГА. Не знаю... *(Смотрит на Мишку.)* Что с тобой, Миша?.. Тебе плохо?..

МИШКА. Пошли! пошли!.. Это так... Старческая сентиментальность!.. Поехали!.. Ерунда какая-то!.. Бред!.. Показалось.

Уходят. Мужчина в тёмных очках входит в тир, направляется к Физруку.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Здравствуйте!.. Прошу прощения, вы не подскажете, где мне найти... Э-э-э... *(Вынимает из кармана записную книжечку.)* Валерия Федотова.

ФИЗРУК. Федотова?.. Они все ушли.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Куда?

ФИЗРУК. В консерваторию, верно...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Давно?

ФИЗРУК. Да с полчаса назад.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ *(посмотрев на часы)*. Благодарю... До свидания... *(Выходит из тира.)*

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Ушёл... Ушёл... *(Подходит к телефонной будке. Звонит.)* Алло!.. Да, я... Узнал об этом Федотове. Он из другого города... Да... Сложнее... Что делать?.. *(Злорадно усмежается.)* Давить!.. Пусть как хочет, так и выкручивается... Ну!.. Перед поездкой за границу ещё никто не устоял... Это раз... А потом не забывай, какая фирма у нашего оркестра!.. Не волнуйся, я и не таких сламывал. Нет, он не женат... Скажу, что мы возьмём его в оркестр, если... Да... Шеф?.. Откуда он узнает?.. Готовь коньяк!.. Да... Потом сочтёмся... Ну, это не телефонный разговор... Заеду сейчас в одно место, а потом в консерваторию... Да, вечером к тебе... Пока... *(Вешает трубку, выходит из телефонной будки,*

оглядывается, смотрит на часы.) Без пятнадцати одиннадцать. *(Уходит.)*

В тире.

ФИЗРУК. Мишени развесил... Винтовки потом вынесу... Так... Патроны... Патроны... По десять штук... Сколько их человек? *(Листает журнал.)* Так... Значит, две пачки... *(Потирает грудь.)* Что-то опять сердце колет... *(Вздыхает.)* Что же такое?.. *(Уходит.)*

У двери ректора Валера, Николай, Мишка, Нинка, Ольга. Дверь открывается, выходит Виктория.

НИНКА. Ну, что?

НИКОЛАЙ. Аспирантура?

НИНКА. Филармония?

ВИКТОРИЯ. Нет... Я пока отказалась... Потом... Подумаю ещё...

НИНКА. А что предлагали?

ВИКТОРИЯ. Так...

НИКОЛАЙ. Ну, давай теперь ты, Валера... Последний троллейбус!.. Давай! Ни пуха!

ВАЛЕРА. К чёрту.

НИКОЛАЙ. Постучи по дереву...

ВАЛЕРА. Ничего... *(Проходит в дверь.)*

НИКОЛАЙ. Тихо! *(Прислушивается у двери.)*

НИНКА. Ну, что там?

НИКОЛАЙ. Плохо слышно...

ВИКТОРИЯ. Дай я послушаю...

НИКОЛАЙ. Т-ш-ш... Какой-то Щенск...

ВИКТОРИЯ. Щенск?!.. Не может быть!.. *(Слушает.)*

НИНКА. Что за Щенск?.. Не знаю такого города...

МИШКА. Гадатели у замочных скважин!.. С Валеркой всё давно ясно: аспирантура или госфилармония...

НИНКА. В аспирантуру?.. Было всего одно место...

МИШКА. И как это именно тебя взяли на него?..

НИНКА. Предложили... Я сначала хотела отказаться, а потом согласилась.

МИШКА. Ты же этого педагога все пять курсов поливала?.. Темнишь.

НИКОЛАЙ. А я уезжаю в свою солнечную страну Курлындию! Думал, поеду куда-нибудь далеко-далеко!.. А когда предложили, чего-то не захотелось... Инерция!.. Еду опять в свою Курлындию!.. Здравствуй, мама!.. Нет, у меня горло не болит... Поел... Гаммы играл... Сонаты повторил... Здравствуй, папа!.. Что у тебя новенького? Какую очередную книжку ты запер в своём шкафу?.. Здравствуй, бабуля!.. Что сегодня вечером по телеку?.. Тоска!..

ОЛЬГА. У вас чудесный город!.. Сосновый бор, река, старинные улочки... Я отдыхала в нём перед поступлением в консерваторию... Ой! Уже прошло пять лет!

НИКОЛАЙ (*задумчиво*). Да... Чудесный... Отдыхать там чудесно...

ВИКТОРИЯ. Что же так долго нет Валеры?

ОЛЬГА. А можно я послушаю?.. (*Слушает.*) Тихо, тихо...

МИШКА. Комедия!

ОЛЬГА. Тихо... (*Слушает.*) Нет, ничего не слышно.

МИШКА (*Нинке*). Наверное, когда тебе предложили аспирантуру, ты чуть было не упала в обморок.

НИНКА. Ну...

МИШКА. Гордиться только нечем. Я бы на твоём месте отказался и предложил вместо себя Ольгу... Ей это больше надо, чем мне, тебе...

ОЛЬГА. Какая разница где?.. Если по-настоящему любишь музыку...

НИНКА (*перевивает*). Вот и поменяйся с Колькой! Он здесь, а ты – в солнечную страну Курлындию!

ОЛЬГА. Я согласна!

НИКОЛАЙ. Ну, скажешь!.. Сравнила меня и себя!

НИНКА. Ты не хочешь меняться?.. Какой сознательный!

НИКОЛАЙ. Не хочу. Потому что я знаю себе цену!..

НИНКА. Сколько стоишь?

НИКОЛАЙ. Цена?.. (*Смотрит на Мишку.*) Спокойная и счастливая жизнь.

МИШКА. Да, ты проживёшь долгую, спокойную и счастливую жизнь...

НИНКА. А я?..

МИШКА. И ты...

НИНКА. А ты, конечно, будешь всю жизнь мучиться и умрёшь рано...

МИШКА. Да... Чем человек талантливее, тем менее спокойна и благополучна его жизнь. Таков трагифарс жизни!..

НИНКА. О-о-о!

ВИКТОРИЯ. Что же так долго нет Валеры?

НИКОЛАЙ. Ну-ка, дай послушать... (*Прислушивается.*) Кажется, выходит!.. Приготовились!.. Раз... Два... Три...

Из двери выходит Валера.

МИШКА. Поздравляю!

ОЛЬГА. Ой, Валерка! Мы все так рады за тебя!

ВИКТОРИЯ. Здесь? Здесь оставили?

НИНКА. Аспирантура?

НИКОЛАЙ. Ну да! Аспирантура! Чего ему над теорией чихнуть?

ВИКТОРИЯ. Говори же! Говори!

ВАЛЕРА (*очень спокойно*). Город Щенск... Филармония...

Пауза.

НИКОЛАЙ. Опять первое апреля?

МИШКА. Ты правда?..

ОЛЬГА. Как Щенск?

НИНКА. Тебя?!

ВИКТОРИЯ. Щенск?

ВАЛЕРА (*он не понимает, почему все так удивлены*). Было место... Город Щенск... Филармония... А что?.. Плохо?

МИШКА. И ты согласился?!.. Ты! Лучший пианист курса!.. Тебя отправят в какой-то Щенск, а чёрт-те кого оставляют в аспирантуре!.. Это несправедливо!.. Пошли все к ректору! Это нельзя! Это же издевательство!.. Ну! Пошли!

НИНКА. А что мы скажем?..

НИКОЛАЙ. Так они нас и слушают...

Ольга и Виктория молчат.

МИШКА. Ну!.. Трусы!.. Перешагните хоть раз через своего раба!.. Неужели вы позволите так по-дурацки решить судьбу самого талантливого из нас?!.. Ну!.. А ведь от вас сейчас зависит его судьба!..

ВАЛЕРА. Не надо... Миш... Зачем?.. Это глупо... Разве это важно?.. Кому-то надо ехать и в Щенск... А как же!.. Мы останемся здесь, а кто будет там?.. А там такие же люди, как и здесь...

МИШКА. Бездарность будет оседать здесь, а таланты куда-то к чёрту?.. Да ты здесь нужнее, чем там!.. Ну, кто со мной?..

Все молчат.

МИШКА. Хорошо!.. Я пойду один!.. (*Входит к ректору.*)

ВАЛЕРА. Я с Мишкой не согласен!.. Может, мы сейчас нужнее именно в Щенске!.. Именно там нужно настоящее искусство!.. Большое!.. Высочайшего уровня!

Все молчат.

ВАЛЕРА (*словно извиняясь*). Да вы что, ребята?.. Вы из-за меня расстроились?.. Я... Да бросьте вы!.. Мне даже неловко...

НИКОЛАЙ. Слушай, Валера. А если мы поменяемся с тобой?.. Ты в мою Курлындию, а я в Щенск!.. Мне Курлындия вот так надоела!..

ВАЛЕРА. Спасибо... А зачем?.. Мне всё равно... Да поймите!..
Мне не важно!..

Из двери выходит Мишка.

МИШКА (*долго смотрит на всех*). Не могу понять!.. Не могу понять!.. Неужели так всегда было и будет?.. Таланты!.. Таланты!.. Куда вас девать!.. Подальше! Подальше!.. (*Уходит.*)

Некоторое время все молчат.

НИКОЛАЙ. Н-да... Вот так этюд Листа... (*Валере.*) Ну, ты, старик, не отчаивайся. Может как-то... Не отчаивайся.

Пауза.

НИКОЛАЙ. Монетки позвонить ни у кого нет?..

Никто не отвечает.

НИКОЛАЙ. Н-да... (*Уходит.*)

Ольга и Нинка отходят в сторону и о чём-то между собой говорят.

ВАЛЕРА (*смеётся*). Но это чепуха, да?.. Поедем в Щенск!.. Будем работать! Это даже хорошо!.. Без спешки!.. Без суеты!

ВИКТОРИЯ. Почему ты меня не послушал?.. Почему не пошёл к этому, как его?..

ВАЛЕРА. Я ходил... Но это такая работа!.. Что мне там делать?.. Играть чижик-пыжик?.. Это... Я просто не смог бы!.. Я возненавидел бы себя!

ВИКТОРИЯ. Ну, а теперь что?.. Что это за Щенск?

ВАЛЕРА. Не знаю...

ВИКТОРИЯ. Иди к ректору и скажи, что ты отказываешься!

ВАЛЕРА. Не могу... Я ведь согласился!.. Как же теперь отказываться?..

ВИКТОРИЯ. Уезжать отсюда в какой-то Щенск!.. Неужели этот город не дорог тебе? Неужели ты не понимаешь разницу между этим огромным городом и каким-то Щенском?!

ВАЛЕРА. Мне... Я... Мне этот город очень дорог! Зря ты так говоришь! Мне будет очень грустно расставаться с ним...

ВИКТОРИЯ. Если тебе будет грустно... то я даже не знаю, смогу ли уехать отсюда... *(Уходит.)*

ВАЛЕРА. Вика! Вика! Подожди! *(Уходит за ней.)*

ОЛЬГА. Нет, как-то всё нехорошо...

НИНКА. А что мы могли сделать? Что?.. Валерка, между прочим, мог бы и отказаться, как Виктория.

ОЛЬГА. Да, наверное, мы слишком часто позволяем решать за нас свои судьбы... Молчим, когда от нас зависит чья-то судьба...

Появляется Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Прошу прощения!.. Девушки, вы с какого курса?..

НИНКА *(как бы пренебрежительно)*. А что?

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Мне нужны пианисты... Пятый курс...

НИНКА *(продолжая в той же манере)*. Мы пианисты... Пятый курс...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Очень приятно!.. Где мне найти Валерия Федотова?

НИНКА. Был только что здесь, где сейчас – не знаем.

ОЛЬГА. Вы посмотрите в тридцать восьмой аудитории... У него должен быть урок... Хотя нет!.. Сегодня же у нас... Но посмотрите на всякий случай... Это третий этаж, тридцать восьмая аудитория...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Благодарю. *(Ищет глазами, как пройти на третий этаж.)*

ОЛЬГА (*показывая рукой*). Это туда и наверх.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Благодарю. (*Уходит.*)

НИНКА. Думаешь, ему Валерка был нужен?.. Познакомиться хотел... Видела, как он улыбался?.. (*Передразнивает Мужчину в тёмных очках.*) Приятно! Ох уж эти мужики неопределённого возраста, нигде от них нет покоя!.. Пошли отсюда, пока не вернулся...

ОЛЬГА. Ой!.. Я его видела сегодня в тире...

НИНКА. Значит, начал клеить... Хочешь для эксперимента?.. Подожди...

Появляется Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. К сожалению, его там нет!

НИНКА (*кокетничая*). Значит, уехал в общежитие.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Понятно... Э-э-э... У вас ведь сегодня было распределение?..

НИНКА. Было.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. А вы не знаете, куда распределился Федотов?

НИНКА. Знаем. В город Щенск.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*обрадованно*). Да?!.. Благодарю!.. Где у вас здесь телефон?

НИНКА. Там.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Благодарю! (*Уходит.*)

НИНКА. Ну!.. Видела?.. Пошли, пока он ещё раз не вернулся.

ОЛЬГА. Поехали ко мне? Я пирог испеку.

НИНКА. Зачем?

ОЛЬГА. У Мишки ведь сегодня день рождения!.. Забыла?.. Испеку пирог, а в общежитии ещё что-нибудь придумаем... Сюрприз какой-нибудь!..

НИНКА. Мне, откровенно говоря, за его шутку в тире и идти не хочется.

ОЛЬГА. Он же не нарочно!.. Ему правда после смерти матери очень одиноко!

НИНКА. Надо бы его разыскать... А то жди!.. Уйдёт куда-нибудь...

ОЛЬГА. Ну что ты?!.. Он же приглашал!.. Поехали!..

НИНКА. Ладно, поехали...

Ольга и Нинка уходят. Появляется Мужчина в тёмных очках. Подходит к телефонной будке. Звонит.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Алло!.. Да, я... Ты знаешь, не могу поймать этого Федотова... Всё время ускользает из рук... Придётся ехать в общежитие... Да, с утра как не состыкуется где, так и пойдёт... Узнал, куда его распределили... Город Щенск!.. А чёрт его маму знает, где этот Щенск!.. Конечно!.. *(Смеётся.)* Это нам на руку! Я ему нарисую такую картину – руками и ногами за меня схватится!.. Готовь коньяк!.. Уже?!.. Нормально! В часов десять... Нет, раньше не смогу... Из общежития к шефу надо заехать.. Давай!.. Пока... *(Вешает трубку, смотрит на часы.)* Три часа... *(Оглядывается. Уходит.)*

Комната в общежитии. Валера и Виктория сидят на кровати.

ВАЛЕРА *(обнимая Викторию)*. Виктория, милая... Что с тобой?

ВИКТОРИЯ. Я думаю о твоём распределении...

ВАЛЕРА. Забудь... Обо всём забудь... *(Целует её.)*

ВИКТОРИЯ. Тебе надо отказаться.

ВАЛЕРА *(целует Викторию)*. Потом... Об этом потом... Виктория...

ВИКТОРИЯ. Пойми!.. Я не смогу уехать из этого города!.. Не смогу!..

ВАЛЕРА *(с трудом сдерживая страсть)*. Что тебе этот город?.. Разве важен город?..

ВИКТОРИЯ. Если бы я играла, как ты...

ВАЛЕРА *(поцелуем не дает договорить ей)*. Это не важно...

Главное – мы любим друг друга... Виктория... Мы уедем отсюда и сможем, наконец, пожениться... Нам не надо будет скрывать ото всех, что мы фактически муж и жена... И почему ты это так настойчиво скрываешь до сих пор?..
(Целует её.) Виктория...

ВИКТОРИЯ (на некоторое мгновение подчиняется его страсти). Тебе надо отказаться от этого Щенска...

ВАЛЕРА. Виктория, милая... (Ласкает её.) Какая разница какой город?..

ВИКТОРИЯ. Валера!.. (Встает с кровати.) Тебе надо отказаться от Щенска!

ВАЛЕРА. Зачем?

ВИКТОРИЯ. Чтобы я смогла быть с тобой!..

ВАЛЕРА. Ты будешь со мной и так...

ВИКТОРИЯ. Нет...

ВАЛЕРА (разочарованно). Не будешь?..

ВИКТОРИЯ (оправдываясь). Я же тебе сказала... Если бы я играла, как ты, мне было бы не важно, где я... А так... Я посредственная пианистка, и удовольствия от работы не будет... Но если я буду жить в этом городе, мне будет легче... Мы сейчас ехали с тобой... Я смотрела на знакомые улицы... Я не смогу отсюда уехать!..

ВАЛЕРА. Но мы не можем здесь остаться!

ВИКТОРИЯ. Надо сделать всё, чтобы смогли...

ВАЛЕРА. Опять этот город!

ВИКТОРИЯ. Тебе не дорог этот город, а мне... Я его люблю больше всего на свете!

Валера встает с кровати, подходит к окну, долго в него смотрит.

ВАЛЕРА. Мне этот город дорог... Мне будет грустно без него... Здесь мы встретились... Осенью, помнишь? Там, во дворе, всё было под листьями... День был тихий и солнечный, как сегодня!.. Тихий-тихий... (Открывает крышку пиани-

но, играет «Октябрь» П. Чайковского.) Необычный был день... Падали с деревьев листья... Падали... Падали... Засыпали дорожки, тротуары... А мы с тобой ходили... Говорили... Смеялись... Было так хорошо!.. Мы ни о чём не думали... Осень и мы... Листья и мы... Солнце и мы... А кругом всё было тихо... спокойно... радостно... (*Перестает играть.*) А помнишь, вечером мы очутились в парке? Луна... Детские качели... Скамейка... А потом мы были в этом парке зимой... Помнишь?.. Катались с горки. (*Проводит по клавишам пианино.*) Замёрзли... Зашли в подъезд какого-то дома и грелись у батареи. А весной гуляли по улицам старого города... Сидели на скамейке у монастыря... (*Играет на пианино начало 20-го концерта Моцарта.*)

Виктория плачет.

ВАЛЕРА. Вика, что с тобой?

ВИКТОРИЯ. Я не смогу уехать отсюда!.. Не смогу!..

ВАЛЕРА. Ну что же делать, Виктория?.. Что делать?.. Ты же знаешь!.. Я избегал весь город... Искал... Спрашивал... Но ничего нигде приличного!.. А другим я заниматься не смогу!.. Я не смогу без настоящей музыки! Я погибну! Задохнусь! Я возненавижу себя! Тебя! Всех!.. Что делать?.. Скажи!.. Я люблю тебя! Люблю музыку!.. Ты не хочешь ехать со мной!.. Я не смогу без тебя! И не смогу без музыки!.. Что мне делать? Виктория!.. Милая!.. Ну скажи!..

ВИКТОРИЯ. Надо ещё попробовать!.. Сходить в филармонию!..

ВАЛЕРА. Хорошо!.. Я схожу!.. Вместе с тобой!.. Хорошо?..

ВИКТОРИЯ. И откажешься от Щенска...

ВАЛЕРА. Ну... Это я не знаю... Пока... Но ничего же нет лучше... Если будет, я откажусь...

ВИКТОРИЯ (*целует его*). Будет! Будет! Вот посмотришь!.. (*Прислушивается, отскакивает от Валеры.*) Кажется, кто-то идёт...

ВАЛЕРА. Нет, тебе показалось...

ВИКТОРИЯ. Но всё равно... Сейчас должны прийти наши...

Пауза.

ВАЛЕРА. Мне сегодня приснился странный сон... Кто-то стучится... Я открываю дверь... Стоят какие-то мальчишки... У одного на лице маска... Человеческая маска... Отколупанная вся... Ободранная... Я испугался почему-то этой маски... И не могу отвести взгляда... Как загипнотизированный!.. Страшно!.. Жутко!.. Мальчишки смеются, а я онемел и не могу ничего сказать... Глаза маски, похожие на две чёрные дыры, впились в меня своим жутким взглядом, и я ничего не могу сказать... И вдруг маска... маска! Начала улыбаться!.. Противно! Мерзко!.. Я захлопнул дверь, а она опять открывается, и за ней одна эта отвратительная маска!..

ВИКТОРИЯ. Вот и случилось сегодня... Сбылось...

ВАЛЕРА (*словно опять видит сон*). Вместо глаз чёрные дыры... Так и впиваются в лицо...

Виктория и Валера некоторое время молчат. Стук в дверь.

ВИКТОРИЯ (*испуганно*). А!

ВАЛЕРА (*вздрагнув*). Да... Войдите...

В комнату входит Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Прошу прощения!.. Если я не ошибаюсь, это комната 225?

ВАЛЕРА. Да. 225.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Мне нужен Валерий Федотов.

ВАЛЕРА. Это я...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Здравствуйте!.. Добрый день!.. Наконец-то!.. Ищу вас с самого утра... В тире не застал, в консерватории не застал, думал и здесь никого.

ВАЛERA (растерянно). Здравствуйте... Я, к сожалению, не знаком с вами...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Это и не важно!.. У меня к вам предложение... Я из госфилармонии. А точнее из симфонического оркестра.

ВАЛERA. Садитесь...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Благодарю. (Садится.) А это ваша жена?

ВАЛERA. Это...

ВИКТОРИЯ. Нет!.. Мы с одного курса...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Нет, я не к тому... У нас чисто деловой разговор.

ВАЛERA. Говорите.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Вот какое дело, Валерий...

ВАЛERA. Николаевич.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Валерий Николаевич... У меня к вам предложение. Потом оно будет оформлено вполне официально. Дирижёр симфонического оркестра хочет пригласить вас к себе...

ВАЛERA. Меня?!

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Да... Готовятся гастроли за границу... Шеф слушал, как вы исполняете Моцарта... Вы ему понравились. И вот я, по его просьбе, уполномочен вести с вами переговоры... Вы бы согласились?

ВАЛERA. Я?.. Это так неожиданно!.. Я уже сегодня подписал распределение в город Щенск.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Это не препятствие...

ВАЛERA. Тогда... Я согласен...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Вы согласны. Значит, мне можно передать ваш положительный ответ шефу?

ВАЛERA. Да.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Один вопрос... Вернее одно «но»... Вы, конечно... Извините... (Смотрит на Викторию.) Мне бы хотелось с глазу на глаз... Извините...

ВИКТОРИЯ. Пожалуйста! Пожалуйста!.. (Валере.) Я потом зайду... (Уходит.)

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (вслед Виктории). Благодарю... (Подождав немного.) Так вот это «но»... Вам нужна прописка в этом городе... Без неё, как вы сами догадываетесь... Вам осталось два месяца до диплома... Немедленно ищите себе невесту, женитесь... Вам нужна прописка!

ВАЛЕРА. У меня есть невеста.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Отлично!

ВАЛЕРА. Но она не с этого города.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Тогда ищите другую.

ВАЛЕРА. Другую?.. Как?!.. Нет, это невозможно!.. Нет! Нет!..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (поднимаясь). Уговаривать я вас не собираюсь... В августе оркестр едет за границу... Англия, Франция, Америка... Вам надо будет июнь и июль репетировать... В мае могли бы сыграть свадьбу...

ВАЛЕРА. Нет, нет...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Да сделайте какой-нибудь фиктивный брак!.. Ну, что мне вас учить?!.. Потом устроитесь...

ВАЛЕРА (твёрдо). Нет.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Сколько вам лет?

ВАЛЕРА. Двадцать три года...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (словно с какой-то жалостью). Двадцать три года... Вы заканчиваете консерваторию... У вас в запасе 5–6 лет... Если вы ничего за них не сделаете, считайте, что ваша карьера музыканта проиграна... А вам представляется такая возможность!.. Подумайте... Вот мой телефон... До свидания... (Уходит.)

Входит Виктория.

ВИКТОРИЯ. Ну, что?

ВАЛЕРА. Я отказался...

ВИКТОРИЯ. Что?!.. Отказался?!..

ВАЛЕРА. Он поставил такие условия, что я не смогу их выполнить...

ВИКТОРИЯ. Пошли к нам в комнату... Сейчас сюда должны прийти наши... Пошли... Расскажешь всё по порядку!
(*Уводит Валеру.*)

Через некоторое время в комнату заглядывают Нинка и Ольга.

НИНКА. Ну, что я тебе говорила? Этот тип в чёрных очках уже в общежитии!.. Теперь жди, придёт сюда...

ОЛЬГА. Чего ему от нас надо?

НИНКА. Чего?.. Того... После которого ляльки появляются...
А где же все?

ОЛЬГА. Придут... Комната ведь открыта... Давай пока приготовим стол.

НИНКА. У этих мужиков всегда так неудобно!..

Прибираются в комнате, накрывают на стол.

ОЛЬГА (*грустно*). Вот скоро все и разъедемся кто куда...

НИНКА. Скорей бы!.. Надоели уже друг другу!

ОЛЬГА. Нет...

Нинка садится за пианино, сильно ударяет по клавишам.

ОЛЬГА. Ой!.. Ты что?!.. Испугала...

НИНКА. Оля... Мне один мужчина сделал предложение...

ОЛЬГА. Ой, Нинка!.. Правда?

НИНКА. Он старше меня на 20 лет... Я сейчас думаю...

ОЛЬГА. А ты его любишь?

НИНКА. Его?.. Вообще-то он ничего... Спортивного типа...
Квартира отдельно от родителей... Но у него одно условие – чтобы я бросила музыку.

ОЛЬГА. Почему?

НИНКА. Он говорит: «Я хочу, чтобы ты принадлежала только мне».

ОЛЬГА. А я бы не смогла без музыки...

НИНКА (*ударяет по клавишам*). Ладно... Забудем!.. (*Играет что-то бравурное.*) А знаешь, я тебе наврала... Вранье всё!.. Брехня!.. Это я так говорила... Нет у меня никого... Был один в семнадцать лет... Сделал женщиной и бросил!.. Какой дурацкий сегодня день!.. Господи!.. Всё внутри переворачивается!.. Пойти на вокзал и отдаться какому-нибудь пропойце!.. Сейчас пройдёт... Бывает... Вот жизнь!.. Мишка сказал, что человек умирает заживо, когда о нём все забывают... А тут все помнят, говорят с тобой, а чувствуешь себя мёртвой! Или это весна так действует?..

Весна, весна! пора любви!

Какое томное волнение

В моей душе, в моей крови!..

(*Ударяет по клавишам, играет.*) Закончу аспирантуру... Пойду преподавать. Буду старой девой... (*Шамкает.*) А сичас, дети, сичас я вам расскажу о творчестве виликого кампазитира...

Входит Николай.

НИКОЛАЙ (*мрачно*). А где именинник?

НИНКА. Не знаем. Сами только что пришли.

Николай разворачивает лист ватмана.

НИНКА (*рассматривает, что на нём написано*). Что за арифметика?

НИКОЛАЙ. От ста лет отнять семьдесят шесть, будет двадцать четыре, Мишке – двадцать четыре...

НИНКА. Остроумно...

НИКОЛАЙ. Повесьте где-нибудь, а я сейчас орган притащу.

НИНКА. Ну его!.. Дежурная опять прибежит...

НИКОЛАЙ. Ну и пусть бежит!.. Объясним!.. День рождения у человека! (*Уходит.*)

НИНКА. Злой-то какой... Опять со своей Ирочкой поругался.

Входит Валера.

ОЛЬГА. А где Мишка?

ВАЛЕРА. Не знаю...

ОЛЬГА. У вас кроме хлеба что-нибудь есть?

ВАЛЕРА. Должно быть... (*Ищет.*) Вот колбаса... Масло...

ОЛЬГА. Сделаем бутерброды!.. Нин, иди сюда. Порежь пока...

НИНКА. А ты, Валера, повесь этот плакат...

Валера вешает плакат, Ольга и Нинка суетятся у стола.

НИНКА. Тьфу, ё-кэ-лэ-мэ-нэ!.. Палец порезала!.. Пойду перевяжу... (*Уходит.*)

Входит Виктория.

ВИКТОРИЯ. А где именинник?

ОЛЬГА. Не знаю... Помогите...

Николай втаскивает в комнату орган. Вместе с Валерой подключают его.

НИКОЛАЙ (*пробует звук органа*). Нормально.

ОЛЬГА. Ой, мальчишки, надо придумать, как встретить именинника.

НИКОЛАЙ. Для начала сыграем туш. (*Играет.*)

Входит Нинка.

НИНКА. А я думала, что уже начали. (*Ольге.*) Помогите перевязать... А именинника всё нет и нет... Может, попьём чайку и разойдёмся?..

ВАЛЕРА. Он должен прийти...

ОЛЬГА. Конечно!.. Подождём.

НИНКА. Вы как хотите, а я пойду поставлю чайник на всякий случай...

Входит Мишка.

ВСЕ. О!.. Пришёл!.. Именинник!..

МИШКА (*еле стоит на ногах*). Р-ребята... Спасибо!.. Р-ребята!.. Я немного задержался!.. (*Кланяется в пояс.*) Прошу пар-р-дон!..

НИНКА. Хорош гаврош...

МИШКА. Р-ребята!.. Простите!.. Ну, выпил!.. Выпил!..

Все молчат.

НИНКА. Пойду ставить чайник.

МИШКА (*смеётся*). Не могу!.. Дети!.. Где у вас глаза?.. Я же наигрываю, как лошадь, а они верят!.. Верят!..

НИКОЛАЙ. Virtuозно!

НИНКА. Чего это ты сегодня разыгрался?..

НИКОЛАЙ. Внимание!.. (*Играет туш.*) С днём рожденья!.. С днём рожденья!

Его подхватывают все остальные. Скандируют: «С днём рожденья!»

МИШКА. Спасибо! Спасибо! Спасибо!.. (*Вынимает из шкафа шампанское.*)

НИНКА. У-у-у!.. Шампанское!..

Распечатывают шампанское. Николай играет и речитативом поет: «Рас-ти боль-шой, не будь лап-шой!»

ОЛЬГА. С днём рождения, Миша!

МИШКА. Спасибо!.. Спасибо!.. *(Замечает плакат.)* А это что?..

Неужели сто лет проживу?..

НИКОЛАЙ. Да. И осталось пожить тебе в этом мире всего семьдесят шесть лет!

МИШКА. Да, осталось немного!.. Ну, поехали!.. За сказанное!..

НИКОЛАЙ. Подождите!.. За все тосты будем пить на фоне светлого мажорного аккорда!.. *(Берёт аккорд.)* Теперь можно!..

ОЛЬГА. Бутерброды... Пирог...

МИШКА. Пирог?!.. Ну!.. Давно не ел пирога!..

НИКОЛАЙ. Леди и джентельмены!.. Дамы и господа!.. Сеньёры и сеньориты! Братцы и товарищи!.. Кончайте жрать!.. Вы пришли сюда веселиться!.. Поэтому предлагаю немного потанцевать!..

НИНКА. Не слишком ли резво сразу танцевать?!..

НИКОЛАЙ. Поехали!.. Резво начнём – резво продолжим!.. Аллегро, ребята! Аллегро!.. *(Играет.)* Потрясём немного свои молоденькие организмы! Давай!.. Давай!.. Двигай ногами!..

Все постепенно начинают танцевать всё увлечённее и увлечённее. Из танцующих явно выделяются Мишка и Нинка.

НИКОЛАЙ. Конец!.. Кода!.. Уморили!.. Перекур!.. Антракт!.. *(Заканчивает играть.)*

Кто наливает и пьёт шампанское, кто отдыхает после танца. Виктория что-то говорит Валере, он виновато опустил голову и слушает.

НИНКА *(кричит Николаю)*. Слабак!.. Не мог поиграть ещё!.. Только вошли в самое-самое!..

НИКОЛАЙ. Ещё находитесь... Выпей лучше шампанского.

НИНКА. Я уже и так пьяна!.. *(Смеётся.)*

НИКОЛАЙ. Быстро!..

НИНКА. Я пьянею от одного глотка шампанского.

НИКОЛАЙ. Какая в наше время редкость!..

ОЛЬГА. Можно я почитаю?.. Можно?

Её никто не слышит.

ОЛЬГА (*подходит к Валере*). Валера, подыграешь мне... Я хочу почитать...

ВАЛЕРА. А что?..

ОЛЬГА. Двадцатый концерт Моцарта...

ВАЛЕРА. Хорошо... (*Идёт, садится за пианино.*)

ОЛЬГА (*Николаю*). Объяви всем, что я хочу почитать... Из «Ромео и Джульетты»...

НИКОЛАЙ. Внимание! Пока все не так пьяны и могут воспринимать высокое искусство, Ольга прочитает нам отрывок из «Ромео и Джульетты»!.. Попросим!.. Партия пианино – Валерий Федотов!..

Ольга кивает Валере, он играет.

ОЛЬГА (*читает*). Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сторела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупую должна тебе казаться,

Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц,
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за лёгкость и доступность.

Некоторое время Валера играет один. Все притаились.

НИКОЛАЙ (*не выдержав*). Браво!.. Браво!

НИНКА. Лезет со своим «Браво»! Не даст послушать!..

МИШКА. Ну, Ольга!.. Я не знал!.. Не знал, что в тебе столько страсти!.. Валера!.. Спасибо!..

НИКОЛАЙ. Я тебе тоже приготовил сюрприз!.. (*Садится за орган.*) Из репертуара чёрного юмориста...

НИНКА. Опять какая-нибудь кашка со стекляшками?

НИКОЛАЙ. Не-е-ет!.. Ну, что? Можно?..

МИШКА. Валяй!

НИКОЛАЙ. Только не мешайте...

МИШКА. Валяй!..

НИКОЛАЙ. Песня называется «Мойщик трупов»...

НИНКА. Бр-р-р!..

НИКОЛАЙ. Послушай сначала, а потом – брыкать будешь!..

МИШКА. Ну, давай! Давай!

НИКОЛАЙ (*играет и, картавя, поёт*):

Я – мойщик трупов, я – мойщик трупов.

Профессию эту люблю.

Я трупы мою душистым мылом

И мягкой мочалкой тру...

НИНКА. Припева нет?..

НИКОЛАЙ. Нет... Слушай дальше... (*Поёт*):

Мягкой мочалкой и мылом хвойным,

Чтобы отбить неприятный запах,

А трупы – они же лежат спокойно.

Будь то ваш дедушка или ваш папа...

ВАЛЕРА (*смеётся*). Где ты её выкопал?

НИКОЛАЙ (*поёт дальше*):

В морг прихожу я и кажется сразу,
Что попадаю в родимый дом.
Тот подмигнул мне застывшим глазом.
Тот улыбнулся беззубым ртом...
Хватит или ещё?..

МИШКА. Давай уж до конца...

НИКОЛАЙ. Ну, поехали до конца... (*Поёт*):

Ох, вы их ловко загнали в могилу,
Пройдя для приличия за катафалком.
А я их мою душистым мылом
И обтираю мягкой мочалкой...

А вот уже и финал!

НИНКА. Слава богу!

НИКОЛАЙ (*поёт*):

Жизнь на земле я хотел бы назвать
Просто ужасной, кровавой бойней.
А мне хорошо средь застывших тел.
Здесь мне намного теплей и спокойней!

ВАЛЕРА (*смеётся*). Смешно!

МИШКА. Да, смешно, аж плакать хочется...

НИНКА. Песня шизофреника!

ОЛЬГА. А мне понравилось!..

НИНКА. Давайте лучше выпьем, а потом потанцуем!.. Без всяких трупов! В стиле тяжёлого рока!..

МИШКА. Постой, постой!.. У меня есть другое предложение! Минуту... Сейчас! (*Вынимает кассетный магнитофон*.) На память... Все ваши голоса на память... Ответ на один вопрос... И всё... Сядьте... Да сядьте вы!.. Осталось до конца учёбы три месяца. Потом – кто куда... А это останется... Остановим из сегодняшнего вечера одно мгновение!..

НИКОЛАЙ. Первый я!.. Включай!..

МИШКА (*включает магнитофон*). Один вопрос к вам, Николай... Каким вы видите своё будущее?..

НИКОЛАЙ. Я?!..

МИШКА. Да, вы...

НИКОЛАЙ. Э-э-э!.. Такой сложный вопрос!.. Надо подумать...

Я не готов! Своего будущего я ещё не вижу... Чёрт его знает!..

МИШКА. Ладно, подумай пока... Ну, а мы зададим этот же вопрос Нине, которая единственная из всех нас попала в аспирантуру.

НИНКА. Будущее?.. Закончу аспирантуру, буду концерттировать...

НИКОЛАЙ. Пока не законсервируюсь!..

МИШКА. Не мешай!

НИНКА. Вот и всё.

МИШКА. Не богато... Ну, ладно... На вопрос: «Каким вы видите своё будущее?» отвечают звёзды нашего курса!.. Ольга, тебе слово...

ОЛЬГА. Музыка... Это моё прошлое, настоящее и будущее... Радоваться самой и радовать остальных.

МИШКА. Прекрасный ответ!.. А ты, Валера?..

НИКОЛАЙ. А на него упадёт кирпич, и он протянет ноги!

МИШКА. Не мешай.

ВАЛЕРА. Будущее?.. *(Он долго думает.)* Какая-то чёрная пропасть...

МИШКА. Смерть?..

ВАЛЕРА *(растерянно)*. Не знаю...

НИНКА. Он так и не доживёт до своего будущего!.. *(Поёт.)*

«Я – мойщик трупов, я – мойщик трупов!..» Не грусти, Валера! Вымоем как полагается!..

Все смеются.

МИШКА. Станный ответ... Ну, а ты, Виктория, как видишь своё будущее?..

ВИКТОРИЯ. Работа... Нормальная жизнь... И не хочется уезжать из этого города!..

МИШКА (*иронично*). Спасибо... (*Выключает магнитофон.*)

НИКОЛАЙ. Э-э-э!.. Стоп!.. Такой этюд Листа не пойдёт!.. А ты?..

НИНКА. Да!.. Чего ты?!.. Говори!.. Все сказали!..

МИШКА. Ну, что же... Я скажу... (*Включает магнитофон.*) Будущее... Будущее... Первое, второе и самое главное, чтобы будущее не разочаровало нас... Чтобы мы верили в то, что делаем, и эта вера не оставляла нас как можно дольше. Время меняет людей... Какими мы будем в будущем, зависит и от нас!.. Какими мы придём в будущее – тоже зависит и от нас. Я хочу, чтобы мы, несмотря ни на что, пришли в него честными, порядочными... И, сколько хватило сил, занимались настоящим искусством!.. Не опускались до пошлости, несмотря ни на какие обстоятельства жизни!.. Будущее мне видится и прекрасным, и безобразным... Многие из нас не выдержат, единицы чего-то достигнут... (*Он неожиданно замолкает.*)

Все думают, каждый о своём.

НИКОЛАЙ (*пытаясь шуткой снять напряжение*). После слов Михаила все задумались. Валера сидел, словно Моцарт, к которому недавно наведалься Чёрный человек. Нинка была полна надежд и чаяний. Виктория, думая о чём-то, смотрела то на Валеру, то на Ольгу... Ольга витала в небесах, а Мишка саркастически улыбался.

МИШКА. А Колька сидел за органом и приготовился сыграть нам что-нибудь танцевальное!..

НИКОЛАЙ. С удовольствием!

МИШКА. На этом мы заканчиваем наше интервью. Итак, мы молоды, полны надежд и думаем, что они сбудутся.

НИКОЛАЙ. Не выключай! Не выключай!.. (*Играет начало 5-й симфонии Бетховена.*)

На некоторое мгновение все замерли от неожиданности. Потом рассмеялись. В комнату заглядывает Сомов.

СОМОВ. Здравствуйте.

МИШКА. Сашка!.. Откуда?!..

СОМОВ. Мишка!.. Здравствуй!..

МИШКА. Проходи!.. Проходи!..

СОМОВ. Кто тут сейчас пытал судьбу?

МИШКА. Это мы так... Ну, рассказывай... Да! Познакомься!..

СОМОВ. А мы, кажется, знакомы...

НИНКА. Знакомы.

ВАЛERA. Ты играл на защите диплома Моцарта!.. Двадцатый концерт.

СОМОВ. Играл...

МИШКА. И очень хорошо играл!

СОМОВ. Ну, как вы тут живёте? Что нового на музыкальном небосклоне?

МИШКА. Вот перед тобой восходящая звезда! (*Показывает на Валеру.*) И вот! (*Показывает на Ольгу.*) Валера тоже играет Моцарта, и тоже двадцатый концерт!..

СОМОВ. Да?.. А ну-ка...

ВАЛERA. Да нет... Зачем?.. Сейчас?..

СОМОВ. Только начало.

МИШКА. Да сыграй!.. Чего ты?.. Начало!.. (*Подталкивает Валеру к пианино.*)

Валера играет несколько тактов.

СОМОВ. Так?!.. Неожиданно...

МИШКА. А ты что, на стажировку приехал?

СОМОВ. Какая стажировка?! Я выпускную программу не сыграю!

МИШКА. Да ты где работаешь сейчас?

СОМОВ. В детском садике.

МИШКА. Ты?!.. В детском садике?!

СОМОВ. Бросил высокое искусство!.. Зато сейчас строю кооператив!..

МИШКА. Такой был музыкант!

Валера потрясён.

СОМОВ. К сожалению, как говорил Антон Павлович Чехов:
«Провинция старит необыкновенно!..»

НИНКА. Плохо, что нам с самого начала не говорят, что нас
ожидает. Витаем где-то в облаках, а когда наступает конец
учёбы, такое ощущение, что тебя всё это время надували.

МИШКА. Тебя учили настоящему искусству. Дальше будет за-
висеть от тебя, чем ты будешь заниматься!

СОМОВ. Мы тоже учились... Все нам радовались... А закончи-
ли – идите на все четыре стороны! Живите как хотите!

ВИКТОРИЯ. Если сам о себе не позаботишься, никто не поза-
ботится.

ОЛЬГА. Обидно... Мы учились вместе столько лет и теперь
разъедемся все кто куда...

МИШКА. Всё правильно! Жизнь есть жизнь!

НИКОЛАЙ. Я уезжаю в солнечную страну Курлындию, и то ни-
чего!.. А Валера не боится ехать в Щенск!..

МИШКА. Мы все ещё маленькие... И желания у нас маленькие....
И нам от этого страшно... Заурядные музыканты! Боль-
шой идеи нет ни у кого!.. Мелкие у нас желания, оттого
и смотрим на всё мелко! Кооператив!.. Машина!.. Садики!..

СОМОВ. Ну, ты!.. Я посмотрю на тебя через лет пять!..

МИШКА (*вынимает из кармана маленький коричневый ша-
рик*). Все видели?.. Это ампула с цианистым калием!..

ОЛЬГА. Ой, какая красивая! Можно посмотреть?

МИШКА. Нет... Только из моих рук...

НИНКА. Как янтарь...

ОЛЬГА. Дай поддержку. Это же смерть!

МИШКА. Да, это смерть. Мгновенная. Вот, допустим, я кладу
её в рот...

ОЛЬГА. Ты что?! Миша!!!

МИШКА. Мгновенная смерть! Без причины! Был человек,
и нет!..

НИНКА. Не сходи с ума!..

МИШКА. Хотите?

Пауза. Все застыли.

МИШКА. А напугались!.. Дураки!..

НИНКА. Ты сегодня целый день нас пугаешь!..

СОМОВ. Да, шуточки.

НИКОЛАЙ. А я бы повесил её на цепочке и носил на шее. Все любят, какая красивая штучка, а это Её Величество Смерть!.. Подари её мне!..

МИШКА. Нет... Эта ампула пока нужна здесь только одному человеку. Ему! (*Показывает на Сомова.*) На!..

СОМОМ. Зачем она мне?

МИШКА. Чтобы красиво уйти из жизни, которой ты уже не нужен!.. Ну!.. А ты, вдобавок ко всему, стал ещё и трусом?..

СОМОВ. Слушай!..

НИКОЛАЙ. Ребята!.. Ребята!.. Вы чего?..

МИШКА. Трус!.. Продажная душ! Кооператив!.. Машина!.. Разменял божий дар на слюнявые бумажки!

СОМОВ (*бросается к Мишке*). Ну, ты!..

НИКОЛАЙ (*разнимает их*). Ребята!.. Ребята!.. Не надо!..

Свалка. Сомова и Мишку разнимают.

МИШКА (*Сомову*). Уходи отсюда!.. Я не терплю трусов и барышников!..

СОМОВ. Смотри, я такое не забываю! (*Уходит.*)

Пауза.

МИШКА. Налейте чего-нибудь.

НИКОЛАЙ. Всё выпили...

МИШКА. Сколько времени?.. (*Собирается.*)

НИКОЛАЙ. Ты куда?

МИШКА. Пойду схожу за горючим...

НИКОЛАЙ. Я с тобой.

Мишка и Николай уходят.

НИНКА. Повеселились... Беру свою порцию пирога и ухожу к себе... Чао-какао! (*Уходит.*)

ОЛЬГА. Как всё получалось... Хотите чая?

ВИКТОРИЯ. Да...

Ольга берёт чайник, уходит.

ВАЛERA. Как жизнь корёжит людей...

ВИКТОРИЯ. Валера...

ВАЛERA. Это же надо!.. Был таким пианистом!..

ВИКТОРИЯ. Валера...

ВАЛERA. Как корёжит.

ВИКТОРИЯ. Валера, подумай...

ВАЛERA. Был таким пианистом!..

ВИКТОРИЯ. Ольга поймёт...

ВАЛERA. И такое произошло!..

ВИКТОРИЯ. Это единственный выход...

ВАЛERA. Почему так произошло?..

ВИКТОРИЯ. Скажи ей, что ты женишься...

ВАЛERA. Как же так случилось, что он сломался?..

ВИКТОРИЯ. Она согласится...

ВАЛERA. А что теперь?..

ВИКТОРИЯ. Она тебя любит с первого курса...

ВАЛERA. Вся жизнь впустую...

ВИКТОРИЯ. А потом объяснишь...

ВАЛERA. Не удержался – и вся жизнь впустую!..

ВИКТОРИЯ. Она поймёт... Ну!.. Валера!.. Ради меня!.. Ради себя!.. Я ведь сама тебе говорю!.. Не думай!.. А потом объясним... Я сама объясню!.. Она поймёт!.. Ну!.. (*Уходит.*)

ВАЛERA. Что?!.. Я?!.. Нет!.. Как это?.. Это ужасно!.. Лгать?!.. (*Стонет.*)

Входит Ольга.

ОЛЬГА. Валера!.. Что с тобой?.. Валера!..

ВАЛЕРА. Ужасно!.. Ужасно!.. Оля!.. Это ведь был отличный музыкант!.. Как я ему завидовал!.. Он так играл Моцарта!.. Как же так?.. Что с ним случилось?.. Неужели и мы можем стать такими?!

ОЛЬГА. Успокойся, Валера...

ВАЛЕРА. Неужели и мы?!.. Ольга!.. Что же делать?.. Ольга!..

(Долго смотрит на неё.) Оля...

ОЛЬГА *(испуганно)*. Что?..

ВАЛЕРА. Я хочу тебе сказать...

ОЛЬГА. Да... Я слушаю...

ВАЛЕРА. Оля...

ОЛЬГА. Да...

ВАЛЕРА. Я...

ОЛЬГА. Что, Валера?..

ВАЛЕРА. Оля... Я...

ОЛЬГА. Я слушаю...

ВАЛЕРА. Оля... Я сказать...

ОЛЬГА. Говори...

ВАЛЕРА. Я люблю...

ОЛЬГА. Что ты, Валера?!..

ВАЛЕРА. Я люблю тебя...

ОЛЬГА. Что ты говоришь?.. А Виктория?..

ВАЛЕРА. Я люблю тебя!..

ОЛЬГА. Валера, мне страшно!..

ВАЛЕРА. Я люблю тебя!.. Люблю!.. Люблю!.. Оля!..

ОЛЬГА. Валера, это неправда!..

ВАЛЕРА. Я люблю тебя!.. Люблю!.. Люблю!.. Оля!..

ОЛЬГА. Мне страшно!..

ВАЛЕРА *(обнимает её, целует)*. Я люблю тебя!!!!.. Люблю!!!!..

Оля!!! *(Неистово целует её.)* Люблю!!!!.. Люблю!!!!.. Люблю!!!

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Комната в общежитии. Солнечное утро. За пианино сидит Валера, о чём-то долго думает. Непроизвольно начинает играть начало «Реквиема» Моцарта. Входит Виктория, Валера перестаёт играть.

ВИКТОРИЯ. Разве ты сегодня показываешь «Реквием»?

ВАЛЕРА. Нет... Это я так... *(Играет 1-ю часть 20-го концерта Моцарта.)*

Виктория садится рядом, слушает.

ВАЛЕРА *(резко обрывает)*. Нет, не то!.. Не то!

ВИКТОРИЯ. Что с тобой?.. Это же твой любимый концерт. Ты его всегда играл очень хорошо... Не нервничай только... Соберись... Успокойся...

Валера снова начинает играть первую часть концерта.

ВИКТОРИЯ. Хорошо... Хорошо...

Валера резко обрывает игру.

ВИКТОРИЯ. Ну?.. В чём дело?.. Может, здесь душно?.. Открыть окно?.. *(Открывает окно.)*

ВАЛЕРА. Спасибо... *(Играет опять начало концерта.)*

ВИКТОРИЯ. Прекрасно!.. Так...

ВАЛЕРА. Нет, не то!..

Пауза.

ВИКТОРИЯ. Может, солнце мешает?.. Меня всегда раздражает солнце, когда я играю. *(Задёргивает шторы.)*

ВАЛЕРА. Нет! Нет! Открой!.. Я люблю солнце...

ВИКТОРИЯ. Как хочешь... *(Раздвигает шторы.)* Ну?..

ВАЛЕРА. Сейчас... *(Играет.)* Нет!.. Нет!.. Нет!.. *(Ударяет по клавишам.)*

ВИКТОРИЯ. Успокойся... Соберись... Ну... *(Целует Валеру.)* Валера...

ВАЛЕРА. Сейчас... Сейчас... *(Долго сидит, опустив голову над клавиатурой.)*

ВИКТОРИЯ *(ласково)*. Ну...

Валера начинает играть и снова резко обрывает.

ВАЛЕРА. Не то! Не то! Фальшиво!.. С таким сердцем Моцарта не сыграешь!

ВИКТОРИЯ *(начинает нервничать)*. Ну что с тобой?!..

ВАЛЕРА. Может, отказаться, пока не поздно?.. Это ужасно! Каждый день врать!.. Вчера Ольга показывает мне свадебное платье, а я... *(Стонет.)* Ради чего? Ради каких высоких идеалов нужно лгать?.. Ради того, чтобы твой талант нужен был людям? Ради этого надо унижаться, идти на такие компромиссы? Такой пеной завоёвывать право дарить людям прекрасное?!.. Нелепо!.. Какая дикая нелепость!

ВИКТОРИЯ. Ты, конечно, можешь отказаться... Действительно, пока не поздно. *(Собирается уходить.)*

ВАЛЕРА. Виктория!.. Мне так плохо!.. Мне стыдно перед всеми нашими... Что они думают?.. Я знаю...

ВИКТОРИЯ. Пусть думают всё что хотят!

ВАЛЕРА. Ну что мне делать?!..

ВИКТОРИЯ. Можешь сказать Ольге, что ты пошутил!.. *(Уходит.)*

Валера остаётся один. Долго сидит молча.

ВАЛЕРА. И из-за чего?!.. Из-за какого-то штампа, что я!.. Я – человек могу работать там, где я призван работать!.. Что же это такое? Из-за штампа я должен врать, уни-

жаться, быть подлецом, негодяем!.. Неужели мой талант, моя жизнь ниже этого штампика?!.. Я – человек ничто перед этим штапиком!.. Без него я не я... И вот штампик стоит... Теперь я талантлив! Способен!.. Теперь я – личность, представляющая интерес. Меня берут на работу, ценят мой талант. Как же так образовалось? И сколько таких, как я, которых условия толкают идти на подлость, на ложь ради этого штампика... И все знают! И все понимающе подсказывают!.. Что же это за игра? Кому она нужна? Кому?.. Я хочу служить людям. Я талантлив. Это говорят все. Почему же я берегу свой талант, а другим он просто не нужен? В тягость. Что же это такое? Почему это образовалось? И никто не хочет этого ВИдеть. Изменить.

Валера произвольно начинает играть «Реквием». Входит Мишка, слушает. Валера, заметив его, перестаёт играть.

МИШКА. Продолжай, продолжай.

ВАЛERA. Да нет... Я просто... Плохое настроение...

МИШКА. Никогда не слышал, чтобы так звучал «Реквием»...
Постой... *(Садится за пианино, повторяет.)* Именно так!.. Когда придёт то мгновение, когда наступит конец, зазвучит где-то высоко этот хор голосов, и мы увидим разом всю свою жизнь, жизни всех людей, живущих на Земле, все миры. Перед нами откроется великая тайна. Но именно в тот миг, когда она откроется, в тот миг, когда мы постигнем высший смысл нашего бытия, наступит смерть. *(Играет «Реквием».)* Да, именно так! А ты говоришь «просто». В этом-то «просто», возможно, и отгадка «Реквиема»... А?..

ВАЛERA. Возможно...

МИШКА. А ты чего такой кислый?

ВАЛERA. Скажи... Только откровенно... Правду... Ты меня презираешь?

МИШКА. За что?

ВАЛЕРА. За Ольгу... Свадьбу...

МИШКА. Я?!.. (*Смеётся.*) Да ты наконец-то взглянул на всё настоящими глазами! Ольга и ты – это же идеальное сочетание! Как женщина очень эффектна... Но никогда не жертвует собой ради другого... И я не удивлюсь, если она, ради собственного благополучия, собственной выгоды, пойдёт на всё... Виктория и мизинца не стоит Ольги... Что?.. Я не прав?...

ВАЛЕРА (*уходя от ответа*). Мне кажется, что все меня осуждают... Я поступил непорядочно...

МИШКА. Кто осуждает?.. Плюнь и разотри!..

ВАЛЕРА. Нинка... Колька... Я чувствую... Нинка двусмысленно улыбается... Николай стал холоден...

МИШКА. Ну и что?.. Мнения людей меняются, как весенний ветер. Если к ним прислушиваться, твой корабль напорется на рифы!..

В комнату заглядывает Нинка.

НИНКА (*смеётся*). Валера!.. Поздравляю!..

МИШКА. Чего ты разгоготалась?

НИНКА. У человека сегодня торжественный день!.. Бра-ко-со-че-та-ни-е.

МИШКА. А нас мучит чужое счастье, да?.. Чужие успехи вызывают в нас раздражение!.. Мы довольны, когда никто не выскакивает из посредственности, и в ярости, когда видим большой талант!.. Мы радуемся серости больше, чем таланту!..

НИНКА. Ты чего? Я же ничего не сказала.

МИШКА. Как часто в поступках талантов мы ищем оправдание своей бездарности!..

НИНКА. Надоел ты, Гамлет-обличитель!..

МИШКА. А ты знаешь, я понял, почему тебя взяли в аспирантуру.

НИНКА (*настороженно*). Почему?..

МИШКА. Какими же мы становимся животными, когда дело касается места! Я ведь хорошо помню, как ты отзывалась все пять лет учёбы о том человеке, к которому ты сейчас идёшь в аспирантуру...

НИНКА. Ну и что?

МИШКА. Зачем же врала?... Чтобы не было конкуренции?..

НИНКА. Знаешь что?..

МИШКА. Знаю... Идти в аспирантуру к человеку, о котором всем говоришь плохое, значит врать!.. Или себе, или нам... Скорее нам, потому что этот человек не такой, как ты врала о нём...

НИНКА. Откуда ты знаешь, какой он?..

МИШКА. Я у него однажды спросил: «Почему Вы не надеваете ордена в праздники?» Он мне ответил: «Я чувствую, что сейчас их уже недостоин». Так мог сказать только честный человек.

НИНКА. Ну и что?

МИШКА. А то, что ты врала!

НИНКА. Знаешь что!.. Чешите пузо об асфальт, как говорил один человек!.. (*Уходит.*)

ВАЛЕРА. Не надо, Миша... Зачем ты так?..

МИШКА. Надо! надо!.. Когда делают подлость, надо хотя бы не молчать. Иначе подлость станет нормой!

В комнату входит Ольга.

ОЛЬГА. Привет!

МИШКА. Здравствуй, Оля...

ВАЛЕРА. Здравствуй...

МИШКА. Мне пора... До встречи в консерватории... Желаю тебе удачно выступить... Ни пуха!..

ВАЛЕРА. К чёрту...

Мишка уходит.

ОЛЬГА. Я только на одну минуту!.. (*Обнимает Валеру.*) Не видела тебя со вчерашнего вечера и страшно соскучилась!.. Милый мой!.. Валера... Я сейчас встретила Викторию... Она такая мрачная!.. Я, наверное, сделала плохо!.. Мне надо было не отвечать на твоё предложение... А я не смогла... Я тебя люблю... С первого дня, как только увидела... С первого мгновения... Я плакала каждый день, когда узнала, что ты начал дружить с Викторией. Но ты был несчастлив с ней?

Некоторое время они молчат.

ВАЛЕРА (*через силу*). Да...

ОЛЬГА. Просто не верится, что сегодня мы будем с тобой как муж и жена!.. Это чудесный сон! Знаешь, как мы сделаем? Я приеду в тир вместе с папой... Сдаём наконец этот зачёт, потом едем переодеваемся... Хорошо?..

ВАЛЕРА. Да...

ОЛЬГА. Ты чем-то расстроен?.. Грустный...

ВАЛЕРА. Это так... Это...

ОЛЬГА. Прости!.. Я очень нетактично спросила... Прости, Валера...

ВАЛЕРА. Ничего... Это...

ОЛЬГА. Милый мой! Я тебя очень люблю! Очень!

ВАЛЕРА. Извини... Мне надо выйти... Я сейчас... (*Выходит.*)

Ольга ходит по комнате, с любовью трогает вещи.

ОЛЬГА. Милый мой!.. Я тебя очень люблю!.. Очень!..

В комнату заглядывает Нинка.

НИНКА. Ты здесь?!

ОЛЬГА. Да!.. Заехала на минутку!..

НИНКА. Завидую тебе!.. Выходишь замуж!.. А мне вот уже 24 года, и никто ещё не сказал: «Я люблю тебя». А так

хочется, чтобы был человек, который тебя любит!.. Хотя на одно мгновение!.. На одно мгновение!.. А потом можно жить, как выйдет. Но зато всю жизнь будешь помнить, что тебя любили... Ты знаешь, я решила, если не выйду замуж до 30 лет, рожу ребенка от кого-нибудь и буду его воспитывать.

ОЛЬГА. Без отца?..

НИНКА. А ты хочешь, вдобавок ко всему, остаться одинокой?..

Самое ужасное в жизни – одиночество!..

ОЛЬГА. А как у тебя?.. Ну, с тем?..

НИНКА. Никак.

ОЛЬГА. Ой, Нинка!..

НИНКА. Терпеть не могу в тебе, когда ты начинаешь жалеть!..

ОЛЬГА. Нина... Ну, прости... Я просто хочу, чтобы ты была счастлива...

Входит Валера.

НИНКА. Звонили сейчас из консерватории на вахту, просили передать тебе, что прослушивание программы переносится с часу на двенадцать...

ВАЛЕРА. Спасибо...

НИНКА (*Ольге*). Ты на машине?

ОЛЬГА. Да.

НИНКА. Подвезёшь?

ОЛЬГА. Ага... Подожди меня немного...

Нинка уходит.

ОЛЬГА. Смотри не забудь, что прослушивание перенесли...

ВАЛЕРА. Не забуду...

ОЛЬГА (*целует его*). Всё!.. Ухожу!.. Не буду мешать!.. До встречи!..

Валера молча кивает головой. Ольга уходит. Валера садится за пианино и после долгой паузы произвольно начинает

играть «Реквием». В комнату входит Николай. Слушает. Потом тихонько крадётся к Валере.

ВАЛERA (резко оборачиваясь). Испугал!..

НИКОЛАЙ (смеётся). Что за похоронные мотивы?..

ВАЛERA. Так...

НИКОЛАЙ. Пришёл поздравить тебя... Желаю успехов!..

И в личной жизни, и в работе!..

ВАЛERA (грустно улыбаясь). Спасибо...

НИКОЛАЙ. А что за минор на лице?.. Ну-ка, уступи место!..

(Садится за пианино.) Этюд Листа номер триста!.. (Размашисто играет импровизацию на весёлую детскую песенку.)

Валера грустно улыбается.

НИКОЛАЙ (глядя на Валеру). Ну!.. Ещё!.. Ещё!.. Радостнее!..

Ещё радостнее! (Перестает играть.) Хочешь историю расскажу?..

ВАЛERA. Нет...

НИКОЛАЙ. Да не анекдот, а действительно историю.

Валера молчит.

НИКОЛАЙ. Слушай!.. Лето... Ночь... Луна... (Играет на пианино.) По улице идёт человек... Он немного пьян... Небольшого роста такой. В шляпе... Останавливает первого встречного... «Слушай, парень, а как мне на мост выйти?.. Понимаешь, заблудился... Ты уж извини, пожалуйста... Эта... Ну, сам знаешь... А там я найду! Найду!.. Мне бы только на мост, а там я найду... Как?.. Прямо?.. Вот спасибо!.. Спасибо... Слушай, а ты случайно не артист?.. Очень похож!.. Я тоже... Но не то чтобы... Любитель... Пою.. У меня талант... Голос знаешь какой?!.. “Хаз-Булат удалой!” (Подыгрывает на пианино.) А я тебя сразу уз-

нал!.. Ты – артист!.. Я сразу узнал... “Золотою казной!..” У меня голос... И не один!.. У меня... Четыре голоса!.. Понял?.. Четыре!.. Один шляпинский, один бас, один тенор и ещё один... как его?.. сейчас вспомню... Аэроплано... да, сопрано... “Ты уж стар, ты уж сед!..” Слышишь, какой голос?.. (Валере.) А ты присядь, я ещё долго рассказывать буду...

Валера садится.

НИКОЛАЙ. “Ей с тобой не житьё!..” Слышишь, какой голос?.. Я тоже хочу на экстре... на экстра... на эстраде петь!.. У меня четыре голоса пропадает. Четыре голоса!.. Ох, мне бы образование только!.. мне бы подучиться!.. Голос направить... Ты... Слушай, как тебя зовут?.. А меня, моя фамилия... Я тебе и телефон дам... Позвони... Будем с тобой по городам ездить с концертами... Деньги пополам!.. Я пою, а ты тоже будешь деньги получать... Пополам!.. Знаешь, сколько у меня денег будет? Четыре голоса!.. “С молодых юных лет ты погубишь её!..” Слышишь, какой голос?.. Будем по городам ездить с концертами! Во жизнь будет!.. Только я пить не буду... Не-е-е... И ты не будешь!.. Никто не будет... По рукам?.. (Протягивает Валере руку, пожимает её.) Во! Молодец! Договорились! “Хаз-Булат, удалой!..” Слышишь, какой голос?.. Мне бы только направить!.. И эту... бороду мне... Ты бороду умеешь к лицу?.. Бороду мне, и я не хуже любого спою! А деньги пополам!.. У меня же четыре голоса!.. Один шляпинский – раз!.. “Бедна сакля твоя!..” Слышишь?.. Шляпинский!.. А этот, который на палочке играет... Нет... Вот так... (Размахивает руками.) Да, дирижёр! Он мне подыграет!.. У меня четыре голоса! Бас! Тенор! Баритон! И этот... как его?.. аэроплано!.. Да, да, сопрано!.. “Ты уж стар, ты уж сад, ей с тобой не житьё!..” (И, словно, забывая об игре, совершенно серьёзно, с какой-то внутренней болью.) Знаешь,

как спеть хочется?!.. Чтобы все заплакали!.. Так спеть!..
Как в колокол!.. Бум!.. Бум!.. Бум!.. Чтобы все заплакали!
Чтобы все поняли жизнь!.. И какие они дураки!.. Всё поняли!.. Вот так хочется спеть!.. Так вот... Как перед смертью... Так хочется... Где бы только голос направить... Слышишь?!.. И я бы, хоть разок, спел!.. Хоть разок, а?.. Поможешь?.. Хоть один бы куплет спеть!..»

Валера быстро встаёт и подходит к окну.

НИКОЛАЙ. Не развеселил, да?.. А мне было смешно... А хочешь новую песенку из цикла чёрных юмористов?.. (*Играет и поёт*):

Мне мама с детства выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не жалел.
Я не пишу и не читаю сказки.
Зато я нюхаю и слышу хорошо!

Долго молчат.

ВАЛЕРА. Тебе очень плохо?

НИКОЛАЙ. Почему?..

ВАЛЕРА. Я так... Мне показалось...

НИКОЛАЙ. Самое ужасное, когда знаешь наперёд, что с тобой будет, насколько ты... И выше этого не прыгнешь!.. Природа-мать отмерила... Вот столько – и всё!.. Завидую я тебе!.. Да ты хоть и в Щенск поехал, всё равно... У тебя есть своё... С ним не важно, где жить... Своё... Вот такой этюд Листа... Ну, ладно!.. Хватит!.. Развёл минор!.. Ухожу... Не буду мешать... У тебя ведь сегодня показ... Удачи...

ВАЛЕРА. К чёрту!..

Николай уходит. Валера долго смотрит в окно. Потом ходит по комнате, повторяя одно и то же: «Как мерзко!.. Как мерзко!..» Появляется Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Как настроение?.. Не подведи!.. Сегодня шеф будет слушать очень внимательно!.. Покажи лицо!.. (*Садится за пианино, играет одним пальцем «Чижика». Громко смеётся.*) А ты быстро провернул с этим! Молодец! Хватка есть!.. Как только оформишь брак, прописку, паспорт вези ко мне... И ещё нужна характеристика с консерватории, фотографии на заграничный паспорт... Ну, потом я тебе точно скажу, что надо... (*Играет «Чижика».*)

ВАЛЕРА. Вы знаете... Я не могу... Я отказываюсь...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*продолжая играть*). Брось ты...

ВАЛЕРА. Я отказываюсь.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*всё ещё продолжая играть*).

Не шути...

ВАЛЕРА. Я от-ка-зы-ва-юсь!..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*оборачивается, долго смотрит на Валеру*). Что ты городишь?

ВАЛЕРА (*с трудам сдерживаясь*). Не тыкайте...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*испуганно*). Не понимаю... Вы сами... Вчера... Что у вас всё нормально... Так нельзя!.. Один день – да, другой – нет... Я уже сказал шефу, что вы согласны... Уже запущена машина! На вас оформляется виза за границу! Через неделю вы должны приступить к репетициям с оркестром!.. Нет, дорогой!.. Это уже невозможно!..

ВАЛЕРА. Я вам не дорогой!.. Бросьте!.. Я сказал: нет! нет! нет!..

Входит Виктория.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Предупреждаю!.. Вам будет плохо... Я сейчас позвоню шефу, всё ему скажу...

ВАЛЕРА. Звоните!.. И скажите, что на таких условиях, какие мне предлагают с пропиской, не согласен!..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Потом будет поздно... (*Уходит.*)

ВИКТОРИЯ. Что ты наделал?

ВАЛЕРА. Я отказался!.. Ото всего!..

ВИКТОРИЯ. Отказался?

ВАЛЕРА. Виктория! Я виноват! Но я не могу!

ВИКТОРИЯ. Отказался...

ВАЛЕРА. Не могу!..

Пауза.

ВИКТОРИЯ. Хорошо...

ВАЛЕРА. Спасибо, Виктория! Мы уедем в Щенск! Будем работать! Но честно! С чистой совестью и сердцем!

ВИКТОРИЯ. Не заходи больше в нашу комнату...

ВАЛЕРА. Виктория!..

ВИКТОРИЯ. Никогда...

ВАЛЕРА. Я не могу, пойми!

ВИКТОРИЯ. Всё забудь...

ВАЛЕРА. Виктория!..

ВИКТОРИЯ. И наш первый день встречи... И парк...

ВАЛЕРА. Я не могу...

ВИКТОРИЯ. И зимнюю горку, с которой мы катались...

ВАЛЕРА. Виктория...

ВИКТОРИЯ. И лето на озере, и нашу комнату с верандой, и горы... И тот день, когда мы узнали друг друга... И слова, которые ты мне говорил... Всё! всё! всё!..

ВАЛЕРА. Это невозможно!..

ВИКТОРИЯ. Забуди!.. Оставайся таким, каким ты был раньше: чистым, святым... Занимайся высоким искусством!.. И... прощай!..

ВАЛЕРА (*удерживает её*). Виктория!.. Я не смогу без тебя!..

ВИКТОРИЯ. Ты всё со своими принципами, совестью!.. Слепой!.. Ничего вокруг себя не видишь!.. Не видишь, как все суетятся, бегают, договариваются, подхалимничают, чтобы устроиться по лучше!.. Думаешь, Нинку взяли в аспирантуру за её исключительные способности?.. Если бы ты знал!.. А все остальные?..

ВАЛЕРА. Не надо! Не говори! Не хочу!..

ВИКТОРИЯ. А ты со своими принципами поедешь в какой-то Щенск!.. Проторчишь там... А они за это время будут уже что-то возглавлять!.. И ты же придёшь к ним!.. Будешь просить!.. Ты! Талантливее их всех!.. Ты не хочешь быть карьеристом! Пусть лучше они!.. Нет, лучше ты, талантливый, будешь карьеристом!.. Чтобы ты был над ними, а не они над тобой!

ВАЛЕРА. Зачем?.. Пусть и они, и я...

ВИКТОРИЯ. Так не бывает... Кто-то должен впереди...

ВАЛЕРА. Зачем?

ВИКТОРИЯ. С тобой невозможно говорить!.. (*Уходит.*)

ВАЛЕРА (*ходит по комнате*). Что же это такое?.. А?.. Зачем?.. Дурацкая жизнь!.. Стена... И тут стена... И здесь... И здесь!.. Один выход... Но надо согнуться в три погибели! Лезть на корточках!.. Что же это такое?.. А?.. Ведь всё просто!.. Умеешь – делай! Радуй! Служи!.. Так зачем же через подлость?.. А?..(*Стонет.*)

В комнату заглядывает Сомов.

СОМОВ. Здравствуй!

ВАЛЕРА (*удивлённо*). Здравствуй...

СОМОВ. Да, до сих пор здесь... Хожу, слушаю вас... А у тебя что, отменили сегодня?..

Валера долго смотрит на Сомова.

СОМОВ. Ты же сегодня играешь... Показ...

ВАЛЕРА. Нет, не отменили...

СОМОВ. А во сколько?..

ВАЛЕРА. Перенесли на двенадцать...

СОМОВ (*смотрит на часы*). Пятнадцать минут двенадцатого...

ВАЛЕРА. Да... пора ехать...

Сомов садится за пианино, пробует играть. Валера с ужасом на него смотрит.

СОМОВ (*перелистывая ноты*). Двадцатый концерт Моцарта... (*Пробует что-то сыграть, но у него не получается.*)

А когда-то играл...

ВАЛЕРА. Да, я помню...

СОМОВ. Помнишь?!.. (*Горько усмехается.*) Когда-то было...

Долго молчат.

СОМОВ. Как ты думаешь, можно начать сначала?.. Заниматься по шестнадцать часов...

Валера молчит.

СОМОВ. Ты только правду скажи...

Валера молчит.

СОМОВ. Я вот так же, как ты, закончил с отличием... Поехал по распределению... Год работал по-настоящему!.. Ежедневные занятия, концерты... Потом женился. Родился ребёнок. Понадобилось больше денег... Начал прирабатывать на стороне... Свои занятия пошли сначала через день, потом через два, потом раз в неделю. Зато работал в четырёх местах!.. Хорошо зарабатывал!.. И не помню, как совсем забросил и концерты, и занятия... Стал работать в шести местах... То туда, то сюда, там подыграть, там аккомпанировать... Захалтурился, пока однажды как обухом по голове... Пригласили в музучилище выступить... И я с позором провалился!.. С таким позором! С таким позором!.. В общем, закопался по самую бороду!..

Пауза.

СОМОВ. Ну, что!.. Едем!.. Время уже... Полчаса осталось...
ВАЛЕРА (*что-то решив для себя*). Да!.. Едем!.. (*Торопливо собирает ноты, одевается.*)
СОМОВ. Успеем... Возьмем мотор... Не волнуйся... (*Уходят.*)

У дверей в концертный зал. Слышны заключительные такты 20-го концерта Моцарта. Аплодисменты. Появляются Мишка, Ольга, Нинка, Николай. Чуть позже всех Валера.

ОЛЬГА. Валера, поздравляю тебя! Ты играл необыкновенно!
НИНКА. Поздравляю!.. Играл, как бог!..
ВАЛЕРА. Спасибо...
НИКОЛАЙ (*протягивает руку Валере*). Отлично, старик!.. Восхищался и завидовал!.. Э! Ребята! Пора в тир!..
МИШКА. Подожди! Какой тир?..
НИКОЛАЙ. А то опять он будет ерепениться.
МИШКА. Слушай!.. Предупреди его... Скажи, ректор задержал и что мы сейчас подъедем...
НИКОЛАЙ. Да поехали все вместе!..
НИНКА (*Ольге*). Ты едешь в тир?
ОЛЬГА. Попозже... Подожду отца... Он должен сюда подъехать...
МИШКА. Ну, вы поезжайте, я сейчас догоню...

Нинка, Николай, Виктория уходят.

МИШКА (*Валере*). Это было грандиозно!.. Ты просто делал с нами всё, что хотел!.. Это от бога!..

Появляется Мужчина в тёмных очках.

МИШКА (*заметив его*). Слушай, чего этот тип всё время здесь вертится?.. Почуяли добычу? Ни на вот столько не верь им, понял?.. Теперь они набросятся на тебя, как волки!.. Предложения, обещания... Смотри, это испытание самое тяжёлое... Не превратись в дельца... Кому-то простится, а тебе нет...

ОЛЬГА (*кричит*). Папа!.. Я здесь!.. Иду!.. (*Валере*.) До встречи в тире...

ВАЛЕРА. Да...

Ольга уходит. К Валере подходит Мужчина в тёмных очках.

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Прошу прощения!.. Валерий Николаевич, можно вас на одну минуту?..

МИШКА (*Валере*). Я тебя подожду... (*Уходит.*)

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Прошу извинить меня за сегодняшнюю нетактичность. Но и вы поймите меня правильно... Вы ведь сами говорили сначала так, потом неожиданно отказались.

ВАЛЕРА. Да... Я...

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Мы ещё раз обсудили всё с шефом. Ваше сегодняшнее выступление ему очень понравилось... Ну, что же... Мы согласны взять вас и сами устроим вам прописку.

ВАЛЕРА. Да?..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Шеф сделает...

ВАЛЕРА. Сами устроите?..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Вы что, сомневаетесь?..

ВАЛЕРА. И ничего не надо? Ни фиктивного брака, ничего?!..

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ. Вы меня обижаете!.. Да вы хоть представляете, какая фирма у нашего оркестра?..

ВАЛЕРА. Что же вы раньше не сказали?! Вы знаете, что я из-за вас натворил?! Знаете?!

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*испуганно*). Вы... Я... Но об этом я узнал сам только сегодня...

ВАЛЕРА (*со злостью*). Спасибо за известие! (*Уходит.*)

МУЖЧИНА В ТЁМНЫХ ОЧКАХ (*сквозь зубы*). Ничего... Я тебе ещё за это!.. (*Подходит к телефонной будке, звонит.*)

Алло!.. Это я... Да... Должен тебя огорчить... С тобой, видно, ничего не получится... Заупрямился, как баран!..

Невеста?.. Да всё было в ажуре!.. Сегодня должны были ехать в ЗАГС!.. И вот отказался! Пришлось раскрывать все карты и соглашаться на все его условия... Нет, больше не мог... Его должны оформлять за границу, а я всё тянул... Придётся тебе подождать ещё... Ну, это не телефонный разговор... Заеду на следующей неделе... Да... (*Вешает трубку.*) Ничего... (*Смотрит на часы.*) Половина третьего... (*Уходит.*)

У тира. Нинка, Виктория, Николай.

НИНКА. А я думаю, что лучше всего подарить им на свадьбу что-нибудь для хозяйства.

НИКОЛАЙ. Лошадь, что ли?

НИНКА. Трактор.

НИКОЛАЙ. Хозяйство! Хозяйство!.. Ещё устанут от этого хозяйства!.. Вот! Придумал!.. В этом предмете соединяется и в высшей степени духовное, и хозяйственное! Подарим им детскую коляску!

НИНКА. Ты уж сразу!..

НИКОЛАЙ. Когда-то они дитё рожать будут?.. Будут!..

НИНКА. Вообще-то да...

НИКОЛАЙ. Вот!.. По десятке зелёных сбросимся...

НИНКА. Много!

НИКОЛАЙ. Цветы тоже надо...

НИНКА. Да, по десятке... Ладно, пошли, после зачёта договоримся...

Заходят в тир.

НИКОЛАЙ. Добрый день, Иван Семёнович!

ФИЗРУК. Здравствуйте.

НИКОЛАЙ. А вот и мы! Пришли сдавать зачёт!

ФИЗРУК. Вижу... А где остальные?

НИКОЛАЙ. Сейчас придут... У ректора задержались.

ФИЗРУК. Ну, переодевайтесь... Только ничего без моего разрешения не трогать!

У тира Мишка и Валера.

МИШКА. Это был блестящий ответ на вопрос: «В чём смысл жизни?» Знаешь, какой ответ?.. Смысл жизни в том, чтобы задавать всю жизнь этот вопрос и пытаться на него ответить... Как, а?.. Хотя и граничит с софистикой.

ВАЛЕРА (*что-то мучительно для себя решая*). Да...

МИШКА. А ты, мой друг Горацио, рассеян... Что-нибудь случилось?..

ВАЛЕРА. Ничего...

МИШКА. Волнение перед ЗАГСом?.. Ничего... Всё будет на уровне!..

Появляется Ольга.

ОЛЬГА. Кричу вам с самого поворота... Ничего не слышат!

МИШКА. У нас была беседа о смысле человеческой жизни... (*Смеётся.*) Беседуя о смысле жизни, они так увлеклись, что перестали замечать жизнь!..

НИНКА (*выглядывая из тира*). Эй!.. Давайте быстрее на зачёт!

МИШКА. Идём!..

ВАЛЕРА. Оля... Подожди.

ОЛЬГА. Что?..

ВАЛЕРА. Мне надо с тобой поговорить...

Мишка заходит в тир.

ВАЛЕРА. Оля... Ты только не пугайся... Выслушай... Ты поймёшь... Я знаю. Сейчас я всё объясню... Это была неправда... Я низко поступил! Ты, конечно, вправе меня презирать! Я это заслужил!.. Но я не хочу, чтобы это зашло так далеко!.. Оля... Всё, что я говорил... Всё это неправда!..

Я это сделал... чтобы меня... чтобы меня взяли в оркестр. Они предложили мне, но без прописки не брали... Я от отчаяния... От безвыходности... А тут ещё этот Сомов... Его судьба... Мне стало страшно... А вдруг и я, как он?!.. И всё будет бессмысленно!.. Оля, прости меня... Нет, не прощай!.. Но вот так... Лучше... Они, оказывается, берут меня без всякой прописки, без всяких условий, и... Я тебе решил сказать об этом сейчас, пока не зашло так далеко... Было бы ужасно, если бы мы поженились. Я люблю только Викторию...

ОЛЬГА. Да, ужасно...

ВАЛЕРА. Я подлец, да?.. Но лучше сказать... Прости...

ОЛЬГА. Ничего...

ВАЛЕРА. Я знаю, это больно... Это!.. Я низкий человек!.. Я... (*Неожиданно умолкает.*)

НИНКА (*кричит из тира*). Эй, молодожёны!.. Зачёт будете сдавать или нет? Иван Семёнович зовёт!..

ВАЛЕРА. Идём! идём!.. (*Ольге.*) Оля...

ОЛЬГА. Я сейчас...

Валера входит в тир. Ольга остаётся у скамейки.

В тире.

НИКОЛАЙ. Иван Семёнович, телефон звонит.

ФИЗРУК (*уходя*). Ничего тут без меня не трогать!..

МИШКА (*Валере*). А где Ольга?

ВАЛЕРА. Там... Она сейчас придёт...

МИШКА. Да вы что, поругались?..

ВАЛЕРА. Нет... Я тебе объясню...

МИШКА. О!.. Не успеют эти молодые люди надеть обручальные кольца, а уже начинают выяснять отношения!.. (*Выходит из тира.*)

У тира. Мишка и Ольга. Ольга сидит на лавочке, плачет.

МИШКА. Ты чего?.. Что случилось?.. Оля... Впереди свадьба...

Ты должна выглядеть светло и радостно, а ты плачешь...

ОЛЬГА. Не будет... Ничего не будет...

МИШКА. Ну-у-у... Если бы из-за каждого пустяка расстраивались свадьбы, человечество давно бы вымерло... Ну-у-у... Как говорят умудрённые семейным опытом люди, надо уступать друг другу...

ОЛЬГА. Не будет свадьбы!.. Не будет!..

МИШКА. Успокойся... Я тебе завидую, а ты плачешь... Чем больше живёшь, тем больше понимаешь, как мало людей, которые могут любить... По-настоящему!.. Как мало тех, кто находит друг друга!.. А вы с Валерой всё-таки нашли... Я вам завидую... У вас такое, что выпадает очень немногим...

ОЛЬГА. Валера... отказался... от свадьбы...

МИШКА. Да ну-у-у... Что ты говоришь... Это...

ОЛЬГА. Всё ложь... Он хотел только на время... Чтобы его взяли в оркестр... Из-за прописки...

МИШКА. Валера?.. Нет!.. Он не мог так сделать! Я в него верю, как в себя! Если он, значит и я!.. Нет! Неправда! Кто тебе сказал это?! Ах, люди, люди! Как вы жестоки в зависти! Готовы предать друга!.. Ползать в ногах у врага!.. Зависть!.. Зависть!.. Сколько зла она сделала!..

ОЛЬГА. Никто не говорил... Он сам... Сам Валера!..

МИШКА. Сам?!.. Не может быть?!..

ОЛЬГА. Да!.. да!..

МИШКА. Пошли... Я узнаю... Этого не может быть!.. Что-то здесь... Ошибка. Маленькая глупая ошибка... Только постарайся сейчас никому не показывать вида... Пошли...

Входят в тир.

МИШКА (*Валере*). Что случилось?..

ВАЛERA. Миша... Я тебе всё объясню!.. Так получилось... Но теперь всё будет не так!..

МИШКА. Ты это правда с отказом?

ВАЛЕРА. Да!.. Я тебе потом хотел... Ну вот, в двух словах... Мне предложили в оркестр... Но с условием... Надо было жениться, чтобы получить прописку... Я решил... Я... Жениться на Ольге, а потом ей объяснить!.. Но сегодня оказалось, что не надо жениться... Меня берут без всего!.. Поэтому я отказался!.. Зачем врать?..

МИШКА. А если бы оказалось не так?

ВАЛЕРА. Это было бы ужасно!.. Мерзко!.. Врать!.. Ты не представляешь, как это ужасно!.. Я больше такого никогда!.. Это ужасно!..

МИШКА. Ужасно... Мерзко... Мне ты объяснишь... А Ольге?.. А им?..

Выходит Физрук.

ФИЗРУК. Так, всё!.. Оставим разговоры... Всех прошу к рубежу... Винтовки перед вами, патроны я выдам потом...

МИШКА (Валере). А, может быть...

ВАЛЕРА. Я уже сказал ей!.. Всё сказал!..

ФИЗРУК. Двадцать два раза пока не повторишь, не понимают!..

НИНКА. Давайте быстрее!.. Ольге надо ещё переодеться!.. А ты, Валера, не спешишь?..

Все ложатся на маты у барьера.

ФИЗРУК. Повторим ещё раз теорию. Изготовка стрелка должна решать следующую задачу: придать наибольшую устойчивость и неподвижность всей системе. Система эта, как я говорил вам прошлый раз, состоит из тела стрелка и оружия...

НИКОЛАЙ. Помним... Мы уже застыли... дальше...

ФИЗРУК. Дальше надо прицеливаться.

НИКОЛАЙ. И пуля по невидимой траектории поражает цель!

МИШКА (Валере). Как ты мог?

ФИЗРУК. Хватит разговоров!..

МИШКА. Всё!, всё!..

ФИЗРУК. Не забывайте об одной тонкости, о которой я говорил вам на прошлом занятии: когда вы прицеливаетесь, не забывайте в это время задерживать дыхание.

НИКОЛАЙ. Совсем не дышать?

ФИЗРУК. Совсем.

НИКОЛАЙ. А если задохнёшься?

ФИЗРУК. Дыхание задержать только на время выстрела.

ОЛЬГА. А можно, я выйду?..

ФИЗРУК. Что там у вас?

ОЛЬГА. Выйти...

ФИЗРУК. Ну, выйдите...

Ольга выходит из тира. Мишка смотрит на Валеру.

ФИЗРУК. И последнее!.. Нажимайте на курок плавно, не дергайте...

НИНКА. А что случилось?

ВИКТОРИЯ. Не знаю... (*Смотрит на Валеру.*)

НИКОЛАЙ. Обычное волнение.

ФИЗРУК. Теперь всё это продадем практически. (*Раздаёт патроны.*) Патроны... По три пробных... Стрелять по моей команде... Следите за тем, чтобы мушка была чуть выше яблока мишени.

НИКОЛАЙ. Яблочко на тарелочке...

ФИЗРУК. Внимание!.. Зарядили... Стреляем...

Все стреляют.

ФИЗРУК. Ещё.

Все стреляют.

НИКОЛАЙ. И пуля по невидимой траектории поражает цель!

ФИЗРУК. Ещё стреляем.

Все стреляют.

НИКОЛАЙ. В самое яблочко!

ФИЗРУК. Положите винтовки... Сейчас посмотрим... Все положите винтовки! Все! (*Смотрит.*) Первая мишень. Тридцать. Все в десятку!

НИКОЛАЙ. Эге!.. Ну ты, Мишка, даёшь!.. А у меня?..

ФИЗРУК. Мишень номер два... Одно попадание в молоко...

НИКОЛАЙ. Молоко?.. Но я же метился!.. Дыхание задерживал!.. Всё по правилам – и молоко!..

ФИЗРУК. Мишень номер три – пятнадцать.

НИНКА (*Николаю*). Эх, ты!.. Молоко!..

ФИЗРУК. Мишень номер четыре не стреляли... Мишень номер пять – ни одного попадания...

НИКОЛАЙ. Он волнуется!.. У него сегодня свадьба!

ФИЗРУК. У кого?

НИКОЛАЙ. У Валеры... Ему, ради исключения, можно и зачёт поставить...

ФИЗРУК (*Валере*). Поздравляю вас.

В тир входит Ольга.

ФИЗРУК. Давайте к рубежу. Будем ждать, пока вы не сделаете три пробных... Возьмите патроны... Мишень номер четыре...

Ольга стреляет.

ФИЗРУК (*смотрит*). Мишень номер четыре... Тоже ни одного попадания...

НИКОЛАЙ. У неё тоже сегодня свадьба!

ФИЗРУК (*недоверчиво*). Тоже?..

НИКОЛАЙ. Честное слово!.. У него и у неё... Он женится на ней, а она выходит замуж за него...

ФИЗРУК. Поздравляю...

МИШКА. Ну, что, будем стрелять дальше или нет?

ФИЗРУК. Будем... Раздаю по десять патронов... Стреляете, меняем мишени, потом стреляете ещё раз, но уже на зачёт... (*Раздаёт патроны.*) Приготовились!.. Зарядили... Стреляем...

Все стреляют.

НИКОЛАЙ. Бац! И пуля по невидимой траектории поражает цель!.. Ещё раз поражает!.. Ещё!..

НИНКА. Поражает, а поразить не может...

МИШКА. Я всё!.. Отстрелялся!..

ФИЗРУК. Кто закончил, встаньте, отойдите от рубежа...

НИКОЛАЙ. Я тоже...

Валера молча встает и отходит от рубежа.

МИШКА (*подходит к Валере*). Да, обратной дороги нет...

НИКОЛАЙ. Это точно!.. Был человек, да женился!..

МИШКА (*Николаю*). Подожди!.. У нас тут небольшой разговор...

Николай отходит от них.

МИШКА (*как бы размышляя сам с собой*). Талантливые люди – это наша совесть... Если они начинают лгать, лжём и все мы. (*Лезет в карман.*) Вот ампула... (*Протягивает её Валере.*)

ВАЛERA. Что ты?!..

МИШКА. Достоинно уйди из жизни...

ВАЛERA. Но я ведь сказал!.. Признался!..

МИШКА. Ну, хорошо...

ФИЗРУК. Кто-нибудь снимите мишени.

НИКОЛАЙ. Я сниму!..

ФИЗРУК. А эти повесь.

НИКОЛАЙ. Ладно... (*Идёт, перевешивает мишени.*)

НИНКА. Оля, что случилось?..

ОЛЬГА. Потом... Сейчас ни о чём не спрашивай... Потом...

НИНКА. Понимаю!.. Страшно?.. Мне, наверное, тоже будет страшно!.. Муж! А я его жена!.. Нет, не страшно, а странно... Медовый месяц!.. Интересно и страшно!..

ФИЗРУК. Аккуратнее вешайте! Аккуратнее!..

НИКОЛАЙ. Тут гвозди криво вбиты!.. (*Возвращается, отдаёт мишени Физруку.*) Слушайте, а когда оттуда идёшь и на тебя смотрят дула винтовок... неприятное ощущение!.. Как будто тебя сейчас расстреливать будут!..

ФИЗРУК (*рассматривая мишени*). Посчитаем, посчитаем.

НИКОЛАЙ. Лучше всех у Мишки.

НИНКА. Это моя!.. Можно посмотреть?..

Все, кроме Мишки и Валеры, сгрудились у стола.

МИШКА (*Валере*). На первом курсе мы все вместе... На втором – тоже... На нас не нарадуется деканат!.. Такой курс!.. Такие музыканты!.. Мы между собой друзья до гроба! Третий курс... Что-то в нас произошло. Треснуло... Четвёртый курс... Мы начали друг с другом хитрить, лгать друг другу... И вот пятый курс. Каждый сам по себе... Каждый только для себя... Куда делась наша дружба? Что с ней стало?.. А?.. Жизнь застучалась в двери?.. Хочу во что бы то ни стало быть первым!.. Хочу урвать кусок побольше!.. Вспомни, кем мы были?!.. С чего начинали?!.. И ты... Кем ты был... И что теперь с тобой стало?.. Делец!.. И на чём?!.. На самом святом деле!.. На самом святом!

ВАЛЕРА. Миша, я не думал...

МИШКА. Как ты смог?.. Неужели ты такой? С червоточины?.. Я тебе верил! Как ножом в спину!.. А что теперь скажут другие, когда узнают?.. А они скажут: «Если он такой, то нам сам господь бог велел быть ещё хуже!»

ФИЗРУК. Попрошу всех на рубеж!.. Теперь стреляете на зачёт...

ВАЛЕРА (*Мишке*). Дай мне ампулу...

МИШКА (*отдаёт ампулу*). Только не здесь... (*Отходит от Валеры.*)

НИКОЛАЙ (*Физруку*). Иван Семёнович, телефон звонит.

ФИЗРУК. Я сейчас приду!.. Без меня к рубежу не подходить!.. (*Уходит.*)

ВИКТОРИЯ (*подходит к Валере*). Что случилось?.. Ну, чего ты молчишь? Ты и вправду отказался?.. Ну не молчи!.. Валера...

ВАЛЕРА (*он говорит как-то лихорадочно*). Слушай!.. Если...

ВИКТОРИЯ (*пугаясь*). Что?..

ВАЛЕРА (*усмехается*). Сам виноват... Должен был решить сам!.. Сам!.. Какое сегодня число?

ВИКТОРИЯ. Десятое...

ВАЛЕРА. Десятое... Странно... Тир... Вы... Я... Стреляем... Сдаём зачёт... А потом ничего...

ВИКТОРИЯ. Что ничего?..

ВАЛЕРА. Однажды мне приснилось, как я умираю... Палата с высокими потолками... Темно в ней... А в окно видно синее небо, солнце... И вот как будто я поднимаюсь вместе с постелью и вылетаю в окно... Осень... Листья жёлтые-жёлтые!.. Я лечу над городом... Пустые улицы... Никого!.. Небо, солнце, жёлтые листья на деревьях – и никого!.. Ни одной души в городе!..

ВИКТОРИЯ. Я ничего не понимаю... О чём ты говоришь!.. При чём тут этот сон?..

ВАЛЕРА. Нет, не смогу...

Выходит Физрук.

ФИЗРУК. Все на рубеж!.. Быстро, быстро, ребята!

ВАЛЕРА (*отдавая ампулу Мишке*). Не могу...

МИШКА. Трус!.. (*Берёт ампулу, глотает.*) Это обыкновенный рыбий жир. Проверка на вшивость.

ФИЗРУК. Быстро, быстро!..

НИНКА. Иван Семёнович!.. Да поставьте нам зачёт!.. Всё равно
ведь норму не выполним!.. А у людей сегодня свадьба!..
В ЗАГС через час ехать.

ФИЗРУК. Ещё по десять выстрелов – и всё!.. Больше говорим!..
Давайте!.. *(Раздаёт патроны.)* Начали.

Все, кроме Ольги, стреляют.

ОЛЬГА *(Физруку)*. Извините, я выйду...

ФИЗРУК. Что с вами?

ОЛЬГА. Голова кружится...

ФИЗРУК. Может, потерять виски нашатырём?

ОЛЬГА. Нет, нет!.. Сейчас пройдёт!.. Не беспокойтесь...

ФИЗРУК. Ну, выйдите!..

НИНКА. Оля, давай я тебе помогу!.. Пошли на свежий воздух!..
Успокойся! Ну, чего ты? *(Выводит Ольгу из тира.)*

ФИЗРУК. Продолжаем зачёт!

Все стреляют. У тира Нинка и Ольга.

НИНКА *(усаживая Ольгу на скамейку)*. Дыши глубже!..

ОЛЬГА. Спасибо!..

НИНКА. Что с тобой?.. И Валерка какой-то!..

ОЛЬГА. Нин!.. Скажи как-нибудь ребятам!.. что свадьбы!..
свадьба откладывается!..

НИНКА. Да ты что?!

ОЛЬГА. Я передумала!.. Я его не люблю!..

НИНКА. Не ври!.. Что случилось?.. Родители против?..
Или что с Валерой?

ОЛЬГА. Нина!.. Нина!.. Он отказался!.. Всё было ради прописки!..
Чтобы его взяли в оркестр!..

НИНКА *(злорадно)*. А!.. Вот как!.. Любимчик курса!.. Звезда!..
Я ему сейчас всю морду исцарапаю!.. И этому Гамлету-
обличителю скажу!.. Талант – это совесть!.. Вот она со-
весть!..

ОЛЬГА. Нина... Не надо ничего говорить... Скажи только, что свадьбы не будет, и всё... Я тебя прошу!..

НИНКА. Хорошо...

В тире.

НИКОЛАЙ. Стрельбу по мишени номер два закончил!..

Николай встаёт, за ним Виктория, Валера.

МИШКА. Я сейчас!.. Хотя нет!.. Я тоже закончил!..

ФИЗРУК. Двоих нет... Ну ладно, снимите мишени. (*Показывает на Валеру.*)

ВАЛЕРА. Мне?

ФИЗРУК. Да, вам...

НИКОЛАЙ. Иван Семёнович, телефон.

ФИЗРУК (*Валере*). Снимите мишени и положите сюда... Не спутайте со старыми... Я сейчас вернусь!.. (*Уходит.*)

Валера идёт к мишеням.

НИКОЛАЙ (*Мишке*). А давай дырок понаделаем в мишенях.

МИШКА (*подходит к рубезу*). Погоди...

В тир входит Нинка.

НИНКА (*подходит к Мишке*). Ну что?.. Вот он твой великий и талантливый пианист Валерий Федотов!.. Таланты!.. Таланты! Наша совесть! Упрекал меня, что я в аспирантуру как-то пролезла?.. Да!.. Пролезла!.. Но не так!.. Не по костям!..

МИШКА. А ты чему радуешься?.. Рыдать надо!..

НИНКА. Так что знаем мы!..

МИШКА. Ничего ты не знаешь!.. И не узнаешь!.. А то, что он так сделал... Худо ему будет.

НИНКА. Ничего... Перемелется... Забудется...

МИШКА. Никто не забудет... Вспомните...

НИНКА. Не забудет!.. Он что, всю жизнь с табличкой будет ходить?.. «Я – подлец!» И всё подробно крупными буквами!..

МИШКА. Вы будете с такой табличкой... Вот здесь... (*Стучит по голове*). На всю жизнь...

НИКОЛАЙ. Вы чего? Что случилось?

НИНКА. Свадьба отменяется.

НИКОЛАЙ. Бросьте разыгрывать!.. Правда, что ли?

МИШКА (*поднимает винтовку*). Правда, правда.

НИКОЛАЙ. А почему?

НИНКА. Потому что...

МИШКА (*перебивая Нинку*). Потому что человек оказался слабым... Талантливым, но слабым... От таких людей большие несчастья происходят.

НИКОЛАЙ. Вот так этюд Листа!..

Мишка перешагивает через рубеж, вскидывает винтовку.

НИКОЛАЙ. Мишка!!!.. (*Бросается к нему*.)

Раздаётся выстрел. Валера, выронив снятые мишени, падает.

МИШКА (*бросает винтовку*). Вот и всё...

Все застыли в оцепенении. Где-то далеко зазвучала мелодия 20-го концерта Моцарта, приближаясь, вырастая, усиливаясь.

Виктор СБИТНЕВ

УТРО ОСЕНИ

Утро поздней осени, когда не надо идти на работу, нередко растекается на основную часть дня. То есть ты перемещаешься по квартире кое-как и кое в чём, не занимаясь чем-либо всерьёз и подолгу. Вместе с тем, если очень захотеть, оно может стать той поистине долгожданной, драгоценной порой, когда наконец-то исстрадавшемуся в бесплодных поисках уму удаётся зацепиться за дельную, перспективную идею, готовую вот-вот перерасти в несущийся с неких вершин поток безостановочной мыслительной и нравственной работы, цель которой – создание где-то там задуманной ВЕЩИ, что прежде лишь угадывалась, как ныряющий в перистой глубине реактивный самолёт, за которым трепыхаются то ли истаивающий звук, то ли невнятные громы очередной пролётной грозы. Останется ли эта ВЕЩЬ в яви, сложится ли ОНА в голове, сможешь узнать только ты сам. Но когда-то потом и, возможно, лишь ТАМ, у стекающего за горизонт пространства.

...Далеко за лесом охнул поезд, и наша часть бесконечного мира тронулась к Востоку. Потом, с детства усвоил я, будут обратные токи, когда всё поплывёт к Западу, откуда меня привезли в родное село совсем маленьким, сопливым, беспомощным. И поскольку здесь я не только впервые встал на ноги, но и начал говорить и мыслить, эта часть мира стала навсегда моей... РОДИНОЙ. И где бы и как бы потом я ни жил, ни любил и ни ненавидел, РОДИНА и сегодня, почти через семьдесят лет после моего появления, всё та же самая: клочок клеверной лужайки с раскидистой ветлой и тремя робкими берёзами по её краям. Вот за этот клочок погибли когда-то почти все мои деды и прадеды, оставив «вековатъ» своих жён и детей, а внуков и прав-

нуков взростеть в мире полуправд и полумифов, выдуманных неведомо кем и неведомо во имя чего. Каждый год в день своего рождения я в очередной раз пытаюсь понять: зачем я был нужен этому миру? И чем, в конце концов, смогу его отблагодарить за своё появление? И главное... А нужна ли, на самом деле, Ему моя благодарность?

СМЫКА

Сашка Смыков, носивший прозвище Смыка, несмотря на свой бандитский образ существования, был моим самым близким другом. И не столько потому, что жил в одном со мной подъезде этажом ниже, хотя близость проживания в детстве, как правило, играет ключевую роль. Близость наших с ним интересов и пристрастий зиждилась на вчерашнем опыте нашего существования, то есть на сельском укладе, который окружал нас во время появления на свет и несколько позже, когда мы начинали активно осваивать этот мир. И хотя наши деревни находились в разных концах Отечества, и даже выговор наш существенно рознился, суть жизни мы понимали примерно одинаково: наш подъезд с нашими соседями – это наша малая Родина, а наш родной теперь город – это лучший город земли! Всё остальное приложится! И оно, как мы это и предчувствовали, постепенно приложилось.

Смыка, в отличие от меня, учился неважно, а из-за поведения неоднократно имел беседы с завучем и даже директором школы. И всё это происходило по непонятным мне причинам, поскольку от природы Сашка был самым сообразительным во дворе пацаном и никогда не выходил из авторитета. Хотя из моих тайных наблюдений за ним выходило, что и наши учителя-предметники, и классный руководитель с ним считались, а директор школы... так, просто боялась. Смыка запросто мог вывесить в школьном коридоре объявление, что набирает до-

бровольцев в отряд «помощи Кампучии» или на заготовку бамбука во Вьетнам. Уже в шестом классе им всерьёз заинтересовались в горкоме ВЛКСМ, а в восьмом – в «кривом доме», то бишь областном управлении КГБ. Но это его нимало не смущало: он, и в самом деле, повзрослев, мог бы дать сто очков вперёд любому еврейскому диссиденту! Но он родился в глухой русской деревне, где с евреями, как практически и со всеми приличными продуктами, была напряжёнка. Первый раз на нары он угодил прямо из восьмого класса нашей школы. Потом – ещё и ещё. От четырнадцати до двадцати лет я его практически ни разу не видел, разве что пару раз ходил в СИЗО на «свиданку», где дольше пяти минут потрепаться не давали... Потом он вышел, но уже совершенно больной, с застуженными на бетоне почками и туберкулёзом – «тубиком» как он ласково говорил. Дважды или трижды я устраивал его к знакомому пульмонологу, который согласился лечить его амбулаторно, потому что он, по понятным причинам, не выносил больничного режима. Будучи чрезвычайно крепким и сдержанным мужиком, однажды он не сдержался и, обняв меня за шею, в голос заревел, причитая что-то о «суке-жизни» и каких-то «козлах в законе». Хоронили мы Сашку небольшой группкой, в которой из родни была только его родная сестра Нинка, постоянная женщина нашего дворового кореша. На поминках почти все в хлам напились и уснули прямо за столом, так что мне, тоже далеко не трезвому, пришлось всех разносить и укладывать по углам двух тесных комнат и крошечной кухоньки. Потом мы с Нинкой, торопясь успеть до закрытия магазинов, бегали за опохмелкой, обнаружив которую, просыпающийся народ приходил в искреннюю трепетную радость. Опохмелившись, все опять отправились на кладбище, где несколько часов подряд пугали местных ворон нестройными блатными песнями и несвязными поминальными речами.

Потом, когда все кое-как разошлись, я окончательно понял, что Сашки больше нет и уже никогда не будет. Впервые слёзы сами полились по моим небритым щекам. С большим трудом

я удержался от рыданий и только прятал лицо в прихваченное на кухне полотенце. Потом стало смеркаться, и я почувствовал спиной нервическую боль от многочасового сидения в одинаковой позе. Уже начинался октябрь, и всю дорогу до ворот со входным крестом меня буквально засыпало кладбищенской листвой. Неподалёку от кладбища торговал небольшой продмаг, в котором я купил бутылку недорогого коньяка и пару яблок. Полбутылки я выпил неподалёку, прислонившись к невысокому разлапистому дубку. Остальное заткнул и сунул за пазуху. Коньяк немного привёл меня в себя, потому что с самого утра я как будто не жил, а холодно наблюдал за собой со стороны. Скоро подошёл нужный мне автобус, и я поехал к родному микрорайону, в котором мне предстояло теперь жить без Сашки и его смешных замечаний об этой странной и в общем-то такой досадно пустой жизни.

ПОЭЗИЯ

Мария ЧАПЫГИНА

Мне хочется
Немного нежности
От ненавидящих меня.

Георгий Иванов

Мне хочется тепла и музыки,
Цветов и капельку огня.
Прикосновения щеки
Когда-то любящих меня.

Но мало ли чего мне хочется.
Никто об этом не спросил.
Кивнет спокойно одиночество,
Как и ведётся на Руси.

Зачем вы оставляете одних
Людей, которым вы нужнее?
Зачем, не думая о них,
Спокойно почиваете на небе?

Не нам судить – выходит, что грешны,
Раз нам дано лет на 15 больше.
Но в самый первый, лучший день весны
За что нам столько необъятной боли...

Идёт по первым лужам,
Сама, как солнце, светится.
И все, кто с нею дружен,
С весной сегодня встретятся.

Весна хохочет весело,
Кокетливо невестится.
Весне моей исполнилось
Три года и шесть месяцев!

Среди ненужных обвинений
Вы, волю давшие словам,
Прислушайтесь к подобной хрени –
Ты – образец, ты – number one.

Да. Ну и что? Цена вопроса –
Мой возраст и любовь к себе?
Себя любить, увы, непросто.
Завидуя, поверьте мне.

А если хватит сил – проверьте...
Мир непонятен и жесток.
Пускай утешит вас и ветер,
И розы нежный лепесток.

Очаровать, потешить, задурить...
От поцелуя до исхода
Не разорвать
Так просто эту нить.
Хотя сейчас – хорошая погода,
Не тщишь, не рвись,
Уйми свою тоску.
Лишь из неё всё это тщанье.
Пускай на миг
Тебя я увлеку –
Твой шанс –
Моё прощанье....

Руки просятся к бумаге –
Не обидно, но скучаю.
Вот такие наши флаги:
«Приезжаю», «Уезжаю».

Вот такие наши песни:
Ничего, была бы брага.
На твоём сегодня месте
Попытался быть бедняга.

Руки просятся к бумаге –
Напиши, и я отвечу.
Лозунги сменю на флаге
На «Целую» и «До встречи»...

На память не помню вечера
Почти что ни одного,
А дни, что тобой отмечены,
Все вычеркнуты давно.

Но если судьбе приглянется
Денёк осенний, хмельной –
Звони. И с меня не станется
Его провести с тобой...

БЕЛ ворох простынь...
Любимый, не простынь.
Бог
Есть
Любовь.

Ты дул на обгоревшее плечо
Губами, слепленными южным богом.
Не от ожога было горячо –
От губ, что насмехались над ожогом.
И в городе двух мысов и ночей
До этих губ, как губка, сжался глобус.
Минуты две назад ты был ничей.
Сейчас – ты мне подарен южным богом.

Починили часы над вокзалом.
Снова дали возможность «ходить».
Если б помнили,
Если бы знали,
Как часы изнутри починить...

Те, кого ты считал за секунды,
За минуты, за дни и часы –
Без кого и дышать даже трудно,
Как песочек в часах, пересыпь...

Пересыпь. Позабудь.
Чтобы снова
Отдышаться и жизнь любить.

Пересыпь. И возьми за основу –
У тебя
Есть желание жить.

ПРОЗА

Владимир ЗАЙЦЕВ

МНОГОЭТАЖКА

Где-то я раньше слышал, что если город разрастался и на-ползал на деревню, то всех её жителей, хотят они того или нет, переселяли в одну многоэтажку, а саму деревню сносили и на её месте строили новый микрорайон или прокладывали шоссе. Но о том, что деревенские сами, по доброй воле, могут выкупить большой многоквартирный дом и переехать в него со своим скудным скарбом, я даже и догадываться не мог. Истинно говорят, многие знания – многие печали, и лучше бы я навсегда оставался в неведении.

В этот субботний вечер город отмечал день своего основания. Город гулял, веселился, через час-полтора праздничная толпа, задрав вверх удивлённые и любопытные лица, будет смотреть, как распускаются на ночном небе хризантемы салюта. А эта тёмная многоэтажка на отшибе всё так же будет торчать одиноко и неприметно.

Могло ли сложиться по-другому? Могло ли случиться так, что я не сидел бы сейчас в темноте, прикованный к батарее отопления пластиковыми строительными стяжками, не ловил взглядом всполохи огней на тёмной стене от проезжающих за окном автомобилей, а мирно спал в своей постели? Или ещё лучше – у меня была возможность стоять сейчас в городской толпе в предвкушении салюта, а вместо меня здесь сторал бы от страха кто-то другой?

Дверь в комнату отворилась, и по полу скользнула полоска жёлтого ядовитого света.

– Ну что, пойдём? – скрипя полами, ко мне подошёл Шкипер. Он был старшим по дому. Крепкий старик за семьдесят, с коричневой задубевшей кожей, с длинными, нависающими

над губами моржовыми усами и блестящими, словно осколки льда, глазами. Рукава его простой полосатой рубахи были закатаны до локтей, и я увидел татуировки на руках: корабельные якоря, обвитые щупальцами аморфных морских гадов. Я не видел, но догадывался, что где-то на этом рисунке вытатуирован перевернутый остриём вниз чёрный треугольник. Обычный треугольник. Но, боже мой, как много он значил!

– Так готов? – переспросил Шкипер, удовлетворённо глядя, как я повис на батарее.

Я несогласно помотал головой, попытался сказать хоть слово, но кляп, вбитый мне в глотку, позволял только мычать.

– Ыыыы, – протянул я, – ыыыы...

Вслед за Шкипером в комнату вошли двое. Этих я раньше никогда не видел. Да и разве можно знать всех соседей, даже если годами живёшь с ними в одном доме?

Старший перерезал стяжки, державшие меня у батареи, незнакомцы подошли ко мне, взяли под мышки и поволокли из квартиры. Выйдя на лестничную клетку, они потащили меня не вниз, но наверх, игнорируя лифт. Потащили мимо приоткрытых дверей, в проёмах которых торчали бледные лица. Потащили как давно желаемую добычу. Несколько дверей были закрытыми, и я понял, что за ними живут такие же неудачники, как и я – не полноправные владельцы этого дома, а жалкие квартироръёмщики. Догадывается ли хоть кто-то из них, что творится сейчас в подъезде? Припадает ли к дверному глазку? Вряд ли. Я сам арендовал крохотную однушку на пятом этаже уже несколько лет, и только теперь мне стало ясно, в какой ловушке я жил. Только теперь я понял, что мимо моей квартиры могли не раз протаскивать связанного невинного человека. Он пытался кричать, вырваться, но кляп глубже заталкивали ему в горло, а чужие руки ещё сильнее впивались в его тело, и он слышал шипение возле уха:

– Прекрати, мерзавец! Прекрати.

А я в этот страшный момент сладко спал за стеной и видел цветные и радостные сны.

О том, что с жильцами этой многоэтажки что-то не так, можно было и догадаться. На своё беззлобное «здрасьте» я редко слышал приветствие в ответ, а многие соседи даже делали вид, что не замечают меня. Их безынтересные скучные лица обычно были угрюмы.

Зато когда случался весенний субботник или нужно было сгрести в кучи и сжечь палые осенние листья, соседи организованной толпой высыпали во двор и быстро орудовали граблями и лопатами. При этом они были немногословны, общались между собой взглядами и полунамёками, обрывками фраз. Когда же старший по дому говорил, что уборку можно закончить, соседи оставляли инструменты и скрывались за подъездными дверями.

Это выглядело нелепо, моё подсознание сигналило об этом, скребло изнутри по моей глупой черепушке, но я отмахивался от него. Подумаешь, не здороваются. Подумаешь, ведут себя как муравьи, чуть ли не строем ходят, ерунда какая. Это город, тут всякое может быть. Зато аренда дешёвая.

Пленители затащили меня на самый верхний, двенадцатый этаж и бросили возле лестницы, а сами полезли на крышу. Открыли замок, висевший под потолком, со скрежетом откинули металлический люк.

Я стал озираться по сторонам, и тут моё и без того сбивчивое дыхание перехватило. Ну почему, почему?.. Почему я ни разу за все годы, что живу в этом доме, не поднялся выше своего этажа? Почему я был таким нелюбопытным? Ведь если бы хоть раз отправился на прогулку вверх по лестнице, то сразу бы понял, что с домом творится что-то неладное.

Все стены здесь были расписаны уродливыми и при этом однообразными узорами. Словно бесконечные ряды морских волн, похожих на стальные заточенные лезвия, наползали на меня. И где-то наверху сквозь толщу этой иллюзорной воды

пробивался рубиновый тусклый луч маленького маяка, обозначенного несколькими мазками краски. Я хотел бы уцепиться за этот луч, как за брошенную мне спасательную верёвку, хотел бы следовать вдоль него, но не мог.

Тут я понял, что Нина давала мне шанс к спасению, что она подтвердила мои смутные догадки, что с домом что-то не так. Но рассказанная ею история вызвала во мне такое негодование и неприятие, что я не понял весь её страшный и угрожающий смысл.

Я часто видел Нину во дворе нашего дома по выходным и даже в будни, когда возвращался с работы. Она раскачивалась на старых металлических качелях. Её волосы развевались на ветру, а полы лёгкой длинной юбки трепетали, словно бурлила не ткань, а кипящая вода.

На вид ей было лет восемнадцать. Но, кажется, её не обременяли ни учёба, ни работа. Она часами сидела на качелях, будто всё ещё была беззаботной маленькой девочкой. Девочкой с бледным, немного удивлённым и вытянутым лицом, со впалыми щеками и грустным взглядом, отчего-то всегда устремлённым вниз.

Мы не были знакомы, но мне нестерпимо хотелось с ней заговорить. Я стал украдкой наблюдать за ней, выглядывать в окно, выходящее во двор. И однажды, когда созерцания мне стало недостаточно, поддался эмоциональному импульсу: едва девушка освободила качели и куда-то отошла, я выбежал из дома и занял её место. Конечно, это выглядело нелепо – почти тридцатилетний мужчина повёл себя как ребёнок. С другой стороны, я много лет проходил мимо обшарпанных качелей и впервые заинтересовался ими. С кем не бывает?

Девушку долго ждать не пришлось, она подошла ко мне и, не здороваясь, сказала:

– Слезай.

– А если другим хочется покачаться? – спросил я.

– Для других есть другие качели.

Я обвёл взглядом пустой двор:

– Но они тут единственные.

– Меня это не волнует, – сказала девушка и повысила голос, – слезай.

– Только если назовёшь своё имя.

Незнакомка бросила на меня короткий острый взгляд:

– Наглый какой.

Я пожал плечами. Постояв ещё немного, будто раздумывая, что делать, она сдалась:

– Нина... Давай, уходи.

Я освободил качели, чувствуя рождающийся во мне стыд, а моя новая знакомая уселась на своё место и стала раскачиваться. Она словно плыла по взволнованному морю, поднималась на больших бурлящих волнах и опускалась. Отрешённая улыбка вспыхнула у неё на лице, и больше она на меня не отвлекалась, смотрела прямо перед собой, будто меня и не существовало.

Сконфуженный, я уже собрался уходить, но заметил у девушки на запястье татуировку – чёрный равносторонний треугольник, направленный остриём вниз, и предпринял ещё одну попытку заговорить:

– Что у тебя там?

Девушка промолчала. Не бабочка, не цветок, не птица, но треугольник, я снова спросил:

– Что там? Треугольник? Зачем накалывать себе треугольник?

Нина нехотя повернулась ко мне и, словно отвлекаясь от важного дела, сказала:

– Много будешь знать – до старости не доживёшь, – и вновь отвернулась.

Дальнейший разговор был бессмысленным, я, чувствуя, что лицо заливают от стыда жгучей краснотой, скрылся за подъездными дверями.

Больше мы не разговаривали. Шло время, возвращаясь со смены, я изредка бросал взгляды на Нину, по-прежнему любу-

ясь ею, но украдкой в окно во двор не выглядывал и иллюзий не питал. Она же притворялась, что мы не знакомы и смотрела сквозь меня.

Но сегодня (О, это проклятое сегодня!), едва завидев меня на улице, она крикнула:

– Ты видел когда-нибудь океан?! – спрыгнула с качелей и направилась ко мне.

Я оторопел, не ожидая, что она заговорит со мной. Да и к чему этот вопрос здесь, в городе, раскинувшемся в центре огромной равнины и за тысячу километров от самого захудалого морского берега?

Меня втащили на крышу, будто мешок с тряпьем. Грубо бросили на рубероид, залитый гудроном. Тут и там поблёскивали лужи, ещё не высохшие после небольшого дневного дождя. Трое моих мучителей обступили меня. Позади них из люка, ведущего на крышу, стали появляться жильцы дома. Один за другим они поднимались и вставали в полукруг, в центре которого находился я. Было заметно, что это действие для моих соседей привычно. Они молчали, держали руки в карманах и безотрывно смотрели на меня.

Спустя несколько минут на крыше собрался почти весь дом.

Под нами гудел город. То и дело воздух рассекали сигналы автомобилей. Но здесь, на крыше многоэтажки, я словно находился внутри стеклянного шара. Всё, что происходит внизу, в сотне метров от дома, на соседней улице, на другом конце города, – всё это будто за стеклом. За непроницаемым стеклом.

Я лежал на боку, связанный по рукам и ногам, а люди медленно и молчаливо наступали на меня. Мне даже стала видна пыль на обуви впередстоящих.

– Нет, – ответил я на вопрос Нины, видел ли я когда-нибудь океан, – даже на море не бывал.

Она подошла ко мне.

– Как скучно... Океан величественен. Во время штормов его волны высотой с наш дом. И даже выше.

– Откуда тебе знать?

– Мы жили на берегу Северного океана, пока не перебрались сюда. Папа вместе с другими мужчинами выходил в океан за рыбой. А мы с мамой, как и другие женщины и девочки деревни, плели сети, таких огромных размеров, что они могли бы покрыть собой несколько дворов, подобных нашему. – Девушка обвела взглядом округу. – Пойдём, покажу!

Она взяла меня за руку и потянула в сторону подъезда. Её ладонь была чуть влажной и холодной.

– А как же родители? – спросил я. – Что они скажут, увидев незваного гостя?

– Ничего. Они сегодня на смене.

Вместо того чтобы выдернуть руку, отстраниться и уйти, я поплёлся за Ниной. И это мне было приятно.

Оказавшись у девушки в квартире, я ощутил удивление. Всё здесь было нездешним, не похожим ни на что ранее виденное мной, ни на одну из городских квартир. Стены были выкрашены в тёмный цвет, словно сложены из посеревших от дождей брёвен, мебель была грубая, деревянная. Не было ни телевизионных панелей, ни компьютера, из развлекательного – только полка с книгами. Но с книгами старыми, потёртыми и покоробленными влагой. Я взял одну, но только её открыл и уставился на непонятные, незнакомые мне буквы, как Нина забрала её и вложила мне в руки увесистый фотоальбом:

– На вот. Посмотри.

Обложка альбома была сделана из двух тонких дощечек, обтянутых кожей, а по их углам находились чеканные медные пластины с морскими узорами. Но самое интересное оказалось внутри. На меня смотрели чёрно-белые фотографии. Будто это были даже не фотографии, а сказочные картинки, нарисованные рукой искусного художника-графика. На них запечатлелись бедные жилища с односкатными крышами. А улицы были запо-

лонены крестьянами в длинных, лоснящихся от жира и грязи фартуках. За спинами у крестьян находились корзины, из них выглядывали рыбные головы и хвосты. Сотнями метров, словно запутанный лабиринт, между жилищами висели рыболовные сети. Деревенские жители женского пола от малолетних девочек до дряхлых старух толпились возле них: они плели их, складывали в большие кипы, а уже использованные вывешивали для просушки. Большинство фотографий были именно такими – безобидными, изображающими быт приморской деревни, но на некоторых... кажется, на них был запечатлён рыбный рынок. Гротескный, фантасмагоричный. Мне даже стало дурно. Крестьяне стояли за прилавками, заваленными чешуйчатými тушами, и тут же разделявали их. Они вспарывали животы десяткам диковинных рыб, о существовании которых я не подозревал (с круглыми, как у зверей, головами, с торчащими из разинутых пастей клыками и даже с тремя, четырьмя глазами!), а под ногами у крестьян растекались рыбы кишки. Они подобно корням деревьев уходили под землю.

Я вопросительно посмотрел на Нину. Ткнул пальцем в фотографию, на которой бородатый крестьянин с усталым лицом рубил на части рыбину с двумя головами:

– Это фотомонтаж?

– Это всего лишь двухголовик. Их много в наших местах водилось.

– Никогда не видел таких рыб. Неужели они настоящие?

Мне привиделось, что я нахожусь не в городской квартире, а где-то на берегу холодного океана. Стало неуютно, запах солёного ветра и тошнотворный смрад рыбного рынка ударили в нос, закружилась голова. Не может быть. Какие ещё двухголовики?

– Древние люди думали, что мир заканчивается океаном, но на самом деле он с него только начинается... – сказала Нина.

И на всех, абсолютно на всех фотографиях на дальнем плане виднелись горизонтальная полоска серой бурлящей воды и небольшая вертикальная чёрточка с блестящим белым пятном наверху – маяк.

– Наша деревня началась с этого маяка, – сказала Нина, – им же и закончилась.

В самом конце альбома лежали стопкой коллективные фото. Люди на них стояли в несколько рядов и смотрели в камеру. Одно фото, второе, третье... С датами на оборотной стороне: начиная с конца девятнадцатого века и заканчивая современностью. Лица на карточках были мне неизвестны, и потому как будто одинаковые. Но вот когда я взял в руки последнюю фотографию, то чуть не выронил её. На ней, напротив, я узнал всех. Всех!.. Это были мои соседи. Я узнал даже малолетнюю Нину, её держал на руках крепкий мужчина, бывший теперь старшим по дому со странным прозвищем Шкипер.

– Как? – удивлённо воскликнул я. – Вся ваша деревня переселилась в этот дом?

Девушка кивнула.

– Но зачем?

– Мы все связаны друг с другом, словно ячейки рыболовной сети. – Нина почесала чёрный треугольник на запястье.

Я тоже захотел прикоснуться к татуировке, но девушка убрала руку за спину.

– Зачем вообще вам понадобилось переезжать?

– Мимо нашей деревни начали проходить большие торговые корабли. Они везли из Китая в Европу всякую снедь. Это испугало рыбу, и она ушла далеко в океан. Мужчины стали возвращаться с пустыми трюмами, деревне стал угрожать голод. Поддерживать огонь на маяке стало нечем, ведь мы питали его рыбьим жиром. Однажды мы недосмотрели, и без того истощённый огонь погас. Это случилось впервые за целую сотню лет, – голос Нины стал глуше, – в ту же ночь разразилась буря, каких ещё не бывало. Почти все наши дома смыло в океан, от пирса и лодок не осталось ничего, много людей погибло. А маяк... Наутро утёс, на котором он стоял, опустел, не осталось даже валунов от фундамента. Тогда уцелевшие жители деревни собрали оставшиеся пожитки и уехали.

Признаться, до шторма многие из нас относились к подержанию огня просто как к традиции предков. Почти вся деревня вела свой род от первых смотрителей маяка и северных аборигенок. Из поколения в поколение только и слышно было: «Огонь! Следите за огнём». Но ведь современным кораблям маяки без надобности, потому поддержание огня многим в деревне стало казаться расточительной прихотью. Но шторм показал, что маяк был нужен нам самим, и мы возродили его. Теперь он здесь.

– Что? – прервал я Нину. – Здесь? В этом городе, где даже нет большой реки?

– Да, – девушка кивнула, – этот узкий высокий дом с одним-единственным подъездом и стал нашим маяком. В большинстве квартир живём мы сами, но некоторые сдаём. В основном таким людям, как ты – одиноким и нелюдимым. Потому что с такими проще. А на двенадцатом этаже горит огонь.

Лицо девушки казалось теперь не таким уж и красивым, большие тени лежали у неё под глазами, а нижняя челюсть выдалась вперёд.

– Это всё похоже на дурную шутку, – сказал я.

– Ты полагаешь, что я сделала этот альбом и выдумала свою историю, только чтобы разыграть тебя?

Я промолчал.

– Не слишком ли много ты о себе думаешь? – Нина забрала у меня альбом и положила его на стол.

Я обвёл взглядом бедную обстановку комнаты. Всё, что я увидел и услышал, было ненормально, разрушало привычный и понятный мне мир. Больше не говоря ни слова, не понимая, что происходит, я развернулся и вышел из квартиры.

Девушка что-то крикнула мне вслед, но я её уже не слышал. Не хотел слышать.

Ох, какой же я оказался глупец... Остаток дня я провёл в оцепенении. Новая реальность белым шумом гудела вокруг

и внутри меня. Мысли путались, и если какой-то ясной и здоровой удавалось прострелить моё сознание, то я тут же её останавливал. Ведь она пугала. Я боялся достать чемодан, забить его одеждой и удрать, боялся покинуть квартиру, поскольку это означало бы, что я поверил словам сумасшедшей и сам стал таким же!

Но именно это и нужно было сделать. Нужно было поверить, что, находясь у себя, я не в безопасности. Нужно было поверить, что Нина хотела меня предупредить.

Но я не сделал ничего, и уже ближе к ночи ко мне в квартиру ворвались, открыли дверь имеющимся у них ключом и налетели бесшумно. Кто-то вцепился мне в горло, кто-то стал давить на грудь, кто-то держал меня за руки, не давая сопротивляться, и связывал мои ноги.

И вот теперь я лежал на крыше и готов был разрыдаться. Шкипер наклонился и выдернул кляп у меня из рта.

– Что-нибудь скажешь напоследок?

Я хотел крикнуть, заорать во всё горло, но смог выдать только:

– За что?

– Тебе просто не повезло. Оказался не в том месте не в то время. Такое случается, что просто не везёт. Впрочем... – Шкипер помолчал, – ты ничего и не сделал для своего везения.

Я начал торговаться, предлагать им что-то, чтобы меня отпустили, дали уйти, сбежать. Но на самом деле у меня не было ничего, и люди, толпившиеся надо мной, это прекрасно знали. Я просил прощения, не понимая за что. Клялся им в верности, говорил, что сделаю всё, о чем они попросят.

Но Шкипер сказал:

– Не суетись. Ты же взрослый человек.

Я вытаращил на него глаза.

– Тебе хоть кто-нибудь в этой жизни дорог? – спросил он.

Я не знал, что ответить, стал искать глазами в толпе Нину, но не находил.

– Нина...

– Что Нина?

– Где она?

Шкипер и люди за его спиной рассмеялись.

– Мы долго за тобой наблюдали и знаем, что никто не хватится о твоей пропаже. Родители за все годы, что ты здесь живёшь, ни разу тебя не навещали. Ты сам никуда больше чем на двое суток не уезжал. Даже сегодня ты весь день проторчал в квартире, а ведь в городе большой праздник.

– Ребята с работы, – сказал я, – они сходят в полицию.

– Ребята с работы? – удивился Шкипер. – Уже через неделю они забудут о твоём существовании. Зато мы наполним твою жизнь смыслом. Благодаря твоему жиру огонь маяка станет ярче. Гораздо ярче!

– Великое дело, – сказал кто-то за спиной у Шкипера, – большая честь.

Я не поверил своим ушам:

– Вы поддерживаете огонь человеческим жиром?

– Здесь, в городе, нет никого, кто мог бы сравниться по качеству с той рыбой, что мы использовали для поддержания огня раньше. Нет никого, кроме людей, конечно.

Шкипер придвинул к себе небольшой чёрный сундук и вытащил из него стеклянное приспособление с несколькими трубками. Затем он взял плоский, остро заточенный крюк. Схватил меня за футболку и распорол её снизу-вверх.

Я закричал.

– Много ли жиру с меня возьмёте? Много ли жиру?..

Толпа разом вскинула вверх руки, и на оголённых запястьях показались десятки одинаковых треугольников, сливающихся с чернотой ночного влажного неба.

– Много ли жиру? Нам хватит. – Шкипер вплотную придвинулся, заглянул мне в глаза, будто поскрёб крюком по самому дну моей души. – Нам и нужно-то несколько капель для освящения бочек с топливом. Всего лишь несколько капель, маленьких капель, крошечных ка...

ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ, КРИТИКА

Павел РОМАНЕЦ

ЛОШАДИНЫЕ ФАМИЛИИ

Очерк

Все помнят историю про так называемую «лошадиную фамилию» в одноимённом рассказе Антона Павловича Чехова, где приказчик Иван Евсеевич никак не мог вспомнить фамилию знахаря, который, «чудодейственный господин», посредством заговора обязательно вылечил бы зубную боль у генерал-майора Буддеева. Но Иван Евсеевич не мог вспомнить его фамилию, помнил только, что она как-то связана с лошадьми. Все обитатели дворянского дома и их родственники отчаянно перебирали разные фамилии, связанные с лошадьми, вроде Копытин, Тройкин, Уздечкин, Гнедов, Меринов и т. д. И лишь когда приехавший к генералу доктор, собираясь домой, попросил у приказчика корм для своей лошади, натолкнул его на разгадку этой лошадиной тайны – Овсов! Как же можно было такое забыть?!

Шутка шуткой, курьёз курьёзом, а действительно, существуют ли лошадиные фамилии? Да, существуют, и их много, целая планета.

В предыдущем выпуске Альманаха за 2023 год впервые в стране был опубликован очерк члена Союза российских писателей Павла Викторовича Романца «Русская иппонимика» о словах, связанных в русском языке тем или иным образом с лошадьми от давних времён до наших дней. Статья предшествовала изданию первого в России «Словаря иппонимов русского языка» Романца Павла Викторовича.

И вот первый в стране «Словарь иппонимов русского языка» издан: около 14 тысяч иппонимов (слов, связанных с лошадьми) и устойчивых выражений, более 80 тысяч словарных статей. Состоялось много презентаций, в том числе в Костроме, Москве, Санкт-Петербурге, также и на Первой Всероссийской конференции «Лошади в мировой истории и культуре», проходившей в ноябре прошлого года в Петербурге. Вышеупомянутый очерк «Русская иппонимика» как программный материал, по решению редакции, был опубликован в Словаре в качестве «Предисловия от автора». Один экземпляр Словаря с автографом автора размещён в качестве экспоната (как первый в России) в петербургском Эрмитаже, на его неотъемлемой части – «Конюшенной выставке».

Заглянем в Словарь. Уже с самого начала натываемся на другие лошадиные фамилии, не только от иппонима «овёс», самого наилучшего корма для лошадей. В Словаре лошадиные фамилии размещены по алфавиту самих иппонимов и имеют официальное название «*иппоантропонимы*». Все они не выдумки автора, а найдены в различных источниках, коих использовано при составлении Словаря более 3,5 тысяч, и публикуются они с указанием на конкретные источники.

Ещё в начале XX века можно было увидеть громоздкие повозки под названием «*арба*». Были они с большими колёсами, двухосными и четырёхосными, предназначались для перевозки тяжёлых грузов. У народов Поволжья ещё в средние века было распространено личное имя **Арба**, а потом и фамилии с корнем «арба». Ещё в 1445 г. в налоговых описях был отмечен холоп **Арбазуев** Михаил. А в 1938 г. был выслан на 3 года из родного села Челпаново (ныне Мордовия) за антисоветскую агитацию колхозник **Арбаев** Наум Прокофьевич, 1861 г. рождения, реабилитирован посмертно в 1968 г. Удивительно, за такую же провинность был осуждён, но на 15 лет, **Арбаков** Фёдор Егорович, 1878 г. рождения из Томской области, реабилитирован через 56 лет. В своё время был широко известен в Костроме **Арбатский** Евгений Матвеевич, статский советник,

в 1909 г. учитель древних языков в Костромской классической гимназии. Многие, наверное, помнят красочную книжку «Фарфоровый городок» об Императорской фарфоровой фабрике Ф.Я. Гарднера, автор Юрий **Арбат**. Трудно забыть потрясающего советского американиста, академика **Арбатова** Георгия Аркадьевича (1923–2010), основателя в 1967 г. Института США и Канады и его директора до 1995 г. Вообще иппоним «арба» существовал и в других славянских странах, и там тоже были лошадиные фамилии с этой основой, например: **Арбайтер** Ян Добромил (1794–1870), знаменитый чешский патриот, в доме которого в Праге в 1837 был основан первый чешский театр.

Всем известна знаменитая порода лошадей *аргамаков*. Издревле закрепились прозвища и имена: **Арга**, **Аргамак**, **Аргамашка**, **Аргамачня**, а фамилии ещё с 1477 г., вот был холоп **Аргмаков** Микифорка, или в 1500 г. **Аргмак** Андрейко, «средний городской человек» в городе Яма (потом Ямгород, Ямбург, Кингисепп). У Великого князя Василия III Ивановича с 1515 по 1549 гг. служил дьяк Василий **Аргмаков**. В 1665 г. к царю Алексею Михайловичу был прислан от князя А.Н. Трубецкого сеунчем (гонцом, вестником) **Аргмаков** Борис Лаврентьевич с известием о взятии города Горы в Литве. Или участник многих сражений во время Семилетней войны (1756–1763 гг.), секунд-майор **Аргмаков** Андрей Кондратьевич, получил в приданое за дочь деревню Коточигово Бычихинской волости под Костромой от костромского помещика Григория Бардакова. Его сын генерал П.Г. Бардаков был командиром любимого А.В. Суворовым Фанагорийского гренадерского полка, в 1812 г. возглавил костромское ополчение, остановившее отступающие войска Наполеона у реки Березина. Интересна история другого однофамильца **Аргмакова** Александра Васильевича, генерал-майора, двоюродного брата М.А. Фонвизина, будущего декабриста, по словам которого именно Аргмаков А.В. был самым важным пособником заговора против императора Павла I в 1801 г., так как, исполняя должность плац-адъютанта Михайловского замка и имея обязанность

в любое время докладывать Павлу I о пожарах, происходящих в Санкт-Петербурге, он пользовался неограниченным доверием императора, и даже ночью мог входить в царскую спальню; это позволило Аргамакову провести в Михайловский замок цареубийц Павла I, *«подав сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца заговорщиков числом до 180 возгласом: «Пожар!»*

Известно, что первой в России отечественной породой утяжелённых рабочих лошадей были *«битюги»*. Они отличались средним ростом (152–154 см), небольшой головой, мощным длинным корпусом, густыми и длинными гривой, чёлкой и хвостом, обильной оброслостью ног. Уже в 15 в. были отмечены прозвища и имена **Битюк** и соответствующие фамилии: **Битяговский** Иван, **Битяговский** Юрий Иванович в 1530 г.; **Битяговский** Булгак Юрьевич, новгородской дьяк в 1556 г. **Битяговские** Афанасий, Андрей и Иван, служили при царе Иоанне Грозном. Страшная судьба выпала Михаилу **Битяговскому**, дьяку царя, переведённому Борисом Годуновым земским правителем в Углич для управления хозяйством вдовствующей царицы Марии Нагой, матери царевича Димитрия, после гибели которого 15 мая 1591 толпа, наущенная окружением царицы, растерзала Битяговского и некоторых членов его семьи, обвинив их в убийстве царевича. С этого началась Великая Смута и первая гражданская война на Руси.

А теперь вернёмся к тому, с чего начали – к овсу. Словами *брон*, *бронь*, *брóня* в вятской, пермской, оренбургской, олонецкой и других губерниях называли колосья овса или метёлку овса. Когда овёс колосится, он выпускает из стебля ветви, называвшиеся местными жителями бронь. Слова *бронаетый*, *бронистый*, *брунастый*, *бронастый* означали степень спелости овса. Говаривали: *«Овес такой бронистый, звать-то – умолотный будет»*. Бронеть значило в ярославской и саратовской губерниях спеть, дозреть, зреть, наливаться колосьям овса. Во множественном числе эти колосья называли брóни, а колоситься овсу называли брониться.

Широко были известны прозвища и имена **Брон**, **Брoня**, **Брoнко**, **Брoник**, **Брoнчик** и т. п. А вот фамилии: **Броневский** Богдан Михайлович, прапорщик, отец А.Б. Броневского; **Броневский** Алексей Богданович (1790 – после 1847), из тульских дворян, сын Б.М. Броневского, капитан-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., прокурор области Войска Донского, статский советник. **Броневский** Владимир Богданович, *сын* Б.М. Броневского, академик РАН, избран в 1783, коллежский советник. **Броневский**, полковник, в 1824 сообщал царю из Омска о переходе киргизов в русское подданство. Художник Ф.А. **Бронников** написал портрет известного художника А.А. Иванова, автора картины «Явление Христа народу»; по поводу приобретения этого портрета для своей коллекции вёл переписку костромской купец П.М. Третьяков с выдающимся русским предпринимателем и благотворителем Ф.В. Чижовым, создателем первых в России профессиональных училищ в Костромской губернии, в том числе в Якимцево Кологривского уезда и в Макарьево Костромской губернии.

Помните, мы начали с овса. Давайте им же и закончим, но как брoни – колосьев овса, продолжая чеховский приём, оставленный нам, возможно, для продолжения этой литературной находки. Всего лошадиных фамилий в Словаре около полутора тысяч. Это интересное и занимательное чтение.

Однако надо оговориться. Лошадиные фамилии, указанные в Словаре как иппоантропонимы, могли происходить и от других слов. Поэтому в Словаре они не утверждаются, а даются только как справочный и исторический материал прикладного характера.

ЕСТЬ У НАС МЫЛА ПАХУЧИЕ

Совсем недавно на нашей земле родилась Костромская мыловаренная мануфактура. Событие это неординарное, и о нём стоит рассказать подробней. Для начала же оглянемся назад, в прошлое.

История мыловарения насчитывает около 6 тысяч лет. По легенде слово мыло (*sapone* – итал.) произошло от названия жертвенной горы Сапб в Древнем Риме. Постепенно появилась и соответствующая профессия – сапонариус, то есть мыловар. В Европе первые мыловарни открылись в 13 веке. Мыло изготавливалось из смеси животных жиров и золы. Мытьё было неприятным занятием, поскольку мыло на основе животных жиров скверно пахло и раздражало кожу.

Русь заимствовала секреты мыловарения из Византии. В новгородских берестяных грамотах мыло упоминается с 15 века. Известно также, что первую мыловарню с котлом построил Гаврила Ондреев. В те времена это дело называлось поташным: срубленные деревья жгли в котлах прямо в лесу, затем золу заваривали, делали щёлок, выпаривали его, получая поташ – вещество со щелочными свойствами в виде белого зернистого порошка. Вскоре он стал одним из основных продуктов экспорта, что приводило к массовой вырубке лесов, особенно в центральной части страны. Для примера: чтобы получить килограмм поташа, требовалось сжечь тонну леса.

Костромской край был одним из наиболее мощных поставщиков поташа ввиду обилия лесов и удобной логистики. Животные жиры доставлялись от скорняжных производств, а тюлений и рыбий жиры давали реки волжского бассейна и Северное море. Для мягкости в продукт добавляли растительные масла, например, из льна, который на костромской земле традиционно выращивали. Позднее в технологию производство мыла стали включать соль, добыча которой издревле

велась в городках Нерехте и Соли Галицкой. Соль применялась для осаживания мыла. Таким образом Костромской край обладал не только всей необходимой сырьевой базой для производства мыла, но и выгодным для торговли месторасположением.

К рубежу XVI–XVII веков костромское мыло стало, как бы сейчас сказали, федеральным брендом. В документах того времени сохранились сведения, что оно признавалось лучшим из всего производимого на территории Руси мыла. Об этом свидетельствуют, например, документы Аптекарского приказа времён царя Михаила Романова. Вот запись от 1628 года: *«Куплено про государев мыльной состав мыла костромского добро на две гривны, да один золотник масла коричневого, два золотника масла анисового, да три чарки водки гуляфные...»* «Водкой гуляфной» называлась тогда спиртовая настойка на лепестках розы. При сыне Михаила, царе Алексее Михайловиче, государевы закупки в области мыловарения почти полностью переключились на продукцию отечественных производителей – «мыло духовитое костромское» и «мыло духовитое ярославское». С тех пор импортное мыло русские цари разве что принимали в дар.

Костромское мыло было настолько «раскручено», что информацию о нём отразили в своих описаниях Московии титулованные шведские дипломаты Пётр Петрёй де Ерлезунда и Иоганн Кильбургер. Первый в своём сочинении «История о Великом княжестве Московском» приводит такое свидетельство: *«В 20 милях оттуда (от Ярославля) лежит город с крепостью Кострома при реке Костроме, впадающей потом в Волгу; от неё получил своё название и город, в котором варится лучшее во всей стране мыло»*. Другой дипломат, живший примерно на полвека позднее, в своём «Кратком известии о русской торговле» пишет: *«Мыло. Наилучшее варится в Костроме. Оно бурое и довольно твёрдое, но в других провинциях делается только лёгкое и белое, однако разного сорта и в большом количестве, и первое обыкновенно продаётся брусок за 70 копеек, а второе за 50 копеек, и такой брусок бывает длиною почти два с половиной локтя, а шириной – полтора локтя. Никакая нация не мо-*

жет делать этого товара за лучшую цену, чем русские, потому что они имеют в массе все материалы, как-то: золу, сало, соль и дрова, и отпускают (их) другим».

Качество костромского мыла отражалось и в цене, которая была значительно выше, чем у конкурентов. Также из документов иностранных дипломатов можно сделать вывод, что костромское мыло являлось экспортным товаром и вывозилось в Европу.

С открытием соды процесс мыловарения упростился. Этот щелочной материал вытеснил углежогов и поташ. При Петре I возникли новые центры мыловарения, в том числе промышленные, и значение Костромы как центра мыловарения постепенно утратилось. И всё равно до конца XIX века мыло оставалось предметом роскоши. Сельское население России, составлявшее 90 процентов, пользовалось в основном щёлоком и травами типа мыльнянки. Дорогое – праздничное – мыло продавали уличные торговцы-коробейники, весело приговаривавшие при этом: *«Есть у нас мыла пахучие по 2 гривны за кусок».*

Было бы обидно узнать, что уникальная продукция целиком осталась в прошлом и уже не может радовать нас своей близостью к природе и редкостным лечебным эффектом. Впрочем, до недавнего времени так и было. Однако...

Однако нашлись в городе энтузиасты, которые взялись возродить вековое качество и старинные традиции костромских мыловаров. Благодаря их стараниям миру явилась «Костромская мыловаренная мануфактура» – новое предприятие, которое делает по-настоящему натуральное мыло. Выделить это особенно важно, поскольку сам термин «натуральное» в наше время обесценился.

Чтобы у потребителя не осталось сомнений, что на предприятии следуют старинным рецептам, мыловаренная мануфактура существует как производство открытого типа. Все виды сырья и ингредиентов выставлены для обозрения, и посетителям даётся возможность пронаблюдать за процессом их

использования в создании мыла высочайшего качества. Гарантией последнему и то, что входящее в состав продукции сырьё сертифицировано, а сама продукция изготавливается строго вручную. С этой операцией с особым усердием справляются четыре мыловара и их руководитель.

Мыло новой мануфактуры является косметическим продуктом. В его изготовлении применяется более десяти видов растительных масел, экстракты и пудры. Особое внимание уделяется поставщикам – они преимущественно отечественные. Важно отметить и особенности аромата продукции. Лёгкие оттенки нового мыла – это эффект натуральных эфирных масел и признак отсутствия в составе парфюмерных отдушек.

Другая отличительная особенность производства – использование в качестве мыльной основы сапропелевых грязей озера Рысячье. Сапропель – уникальное высокоорганическое сырьё, кладёз гуминовых кислот и микроэлементов – является одним из видов лечебных грязей. Это вещество чёрного цвета без вкуса и запаха. Добывается сапропель самой компанией ООО «Берест» в экологически чистом месте области, вдали от населённых пунктов, и является уникальным, поскольку содержание органических веществ в нём доходит до 90 процентов. Чтобы сохранить полезные свойства сапропеля, температура приготовления на производстве не превышает 50 градусов.

Линейка мыла Костромской мыловаренной мануфактуры насчитывает сегодня шесть видов сертифицированной продукции. В аннотациях к ней содержится богатый исторический материал, связанный с Костромой и её окрестностями. И это делает новое мыло особенно привлекательным. Судите сами и выбирайте по вкусу.

Мыло «Дар Сандогорья»

Сандогора – старинное село на берегу реки Костромы. Название Сандогора – древнее, дославянское, означает «красивая, святая». Когда-то эти места населял народ меря – фин-

но-угорское племя, постепенно растворившееся среди славян. Сандогорье издавна славилось заливными лугами. Здесь занимались заготовкой сена, которое возили рекой в город на Сенной рынок, а также разведением скота и пчеловодством. Сандогорье украшают сосновые боры, которые спускаются к многочисленным местным водоёмам. Встречаются там, среди болот, обладающие ценной древесиной пихта и лиственница, редкие нынче, но хорошо знакомые нашим предкам.

Неповторимый аромат луговой ромашки, чистотела оригинально сочетается в чёрном мыле «Дар Сандогорья» с маслянистым запахом пихты.

Мыло «Кладовая солнца»

До середины 50-х годов прошлого века Костромское Заречье очень любили навещать советские писатели и поэты. Повелась эта традиция со времён Николая Некрасова, который охотился там на болотную птицу и выискивал сюжеты для своих произведений. Одним из самых частых посетителей здешних мест был писатель Михаил Михайлович Пришвин. Главные темы его творчества – единство природы и человека, красота и неповторимость окружающего мира. В костромскую низину Пришвин специально ездил смотреть на весенние разливы. Его повесть «Кладовая солнца», опубликованная в 1945 году, долгое время входила в школьную программу. Произведение рассказывает о приключениях ребят, собиравших на болоте ягоды детям-блокадникам, о взаимовыручке и верном четвероногом друге. «Кладовая солнца» по Пришвину – это заполненное горячим торфом болото, который даёт необходимую людям энергию.

Для этого чёрного мыла специально собираются болотные ягоды – клюква и морошка, а к ним добавляется ароматное масло мяты.

Мыло «За три моря»

История этого продукта отсылает нас в XV век, век первого русского путешественника Афанасия Никитина. В первой его

половине шла долгая феодальная война. За великое Московское княжение спорили потомки Дмитрия Донского. То Москва, то Галич Мерьский брали верх, пока наконец московский престол не остался за Василием Тёмным. Тем временем выходец из крестьянской семьи Афанасий Никитин начал промышлять купецким делом. В поисках новых земель он совершил невиданное доселе торговое предприятие – путешествие «за три моря» по Персии, Индии и Турции, делая для себя заметки об этих заморских странах. Путь отважного купца пролегал вниз по Волге-матушке через Кострому. На набережной в Плесе об этом свидетельствует памятная табличка, установленная Русским географическим обществом. В конце XV века «Хождение за три моря» было опубликовано в Летописном своде как первый отечественный труд по географии. Считается, что именно Афанасий Никитин первым на Руси познакомился с диковинными кофейными зёрнами, которые везли из Африки турецкие негоцианты.

В этом продукте в качестве скраба применяются молотые зёрна арабики и экзотическое масло ши.

Мыло «Девичье»

Слово «девица» на Руси являлось символом чистоты и красоты. Так и говорили: краса-девица. Но были и другие девицы, избранные – или «царь-девицы». Таких специально выискивали в дворянском или боярском сословье в жёны царям, производя сложный ритуал смотрин. Однако даже относительная изоляция – нахождение в терему на женской половине – не мешала супружницам играть немалую роль в политике. Знаменитые Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, любимая жена царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, и костромская боярыня Ксения Ивановна Шёстова, супруга Фёдора Васильевича Романова, будущего патриарха Филарета, из числа таких. Влияние Анастасии при дворе Ивана IV подчёркивали все современники. Она не только сдерживала буйный нрав царя, но и родила ему наследников: Фёдора и Ивана. Что же касается Ксении

Ивановны Шéстовой, ставшей с постригом инокиней Марфой, она, хоть и не была венчанной царицей, даже сыном своим, царём Михаилом Романовым, первым из династии, величалась не иначе как «великой Государыней». Нет никаких сомнений в том, что отличное мыло из своей костромской вотчины царь-девицы рода Романовых-Захарьиных знали и пользовались им.

Мыло «Девичье» посвящено царь-девицам и сварено по традиционному рецепту с добавлением масел лаванды и льна.

Мыло «Монастырские травы»

Прирастала Русь от монастырей православных. Особую активность обрело строительство монастырей при Святом Сёргии Рáдонежском. В середине XIV века разошлись его ученики по Руси. Только в Костромской земле было их шестеро, и с тех пор существуют заложенные ими обители. Монастырские стены спасали от врагов, давали работу и веру, несли знания. На монастырских огородах выращивали лекарственные травы, а затем готовили из них настои и отвары. Лекари-монахи лечили немощных, используя старинные традиции. Одним из выдающихся целителей и прорицателей был Геннадий Костромской и Люблимоградский, духовник Ивана Грозного, предсказавший его супруге Анастасии судьбу первой царицы из династии Романовых. Он основал под Сандогорой монастырь, ныне носящий его имя. Отеческое расположение и подвиги святого Геннадия царственный род Романовых оценил высоко, пожертвовав в благодарность средства на возведение храма во имя преподобного Сергия Радонежского.

В честь костромского святого создано это чёрное мыло, в которое вошли традиционные монастырские травы и масла чабреца, череды и донника жёлтого.

Мыло «Секреты мерянского озера»

В основе названия лежит легенда. Тысячу лет назад жило в наших местах племя мёря, которое поклонялось древним

богам. Во главе племени стоял князь Мисков, у которого была дочь-красавица по имени Меца. Она так гордилась своей красотой, что отец никак не мог отыскать ей достойного жениха – всем добивавшимся её руки Меца отказывала. И тогда разгневался Озёрный Дух и решил наказать княжескую дочь за высокомерие, напустив проказу. Отвернулись от её безобразного лица сородичи, а отец и вовсе прогнал с глаз долой. Смотрела дочь князя на своё отражение, когда умывалась водой озёрной, и плакала слезами горячими. И ослепла она от горя. За эту жертву великую пожалел и простил Мезу Озёрный Дух. Превратил он озёрные воды в чёрную целебную грязь. Зачерпнула Меца той грязи и отёрла лицо. И случилось великое чудо – прозрела она! Зачерпнула другой раз – и сошла с неё короста проклятая. Зачерпнула третий – и вернулась к ней прежняя красота. На радостях повелел мерянский князь камень на берегу озера возложить в память о чудесном исцелении любимой дочери. В том самом месте, где она грязью чудодейственной лицо отёрла. С тех пор существует поверье: если кто не леп кожей или стареет не по времени ликом своим, то намазаться должен той грязью, отереться и, коснувшись камня, попросить Озёрного Духа об исцелении.

Чтобы подчеркнуть эффект целебной озёрной грязи, в продукт добавляется эфирное масло горькой полыни.

Сегодня мыла, о которых тут рассказано, завоёвывают всё большую популярность у населения, и не только в Костроме. И это понуждает создателей сочинять всё новые и новые композиции – ведь вдохновение и фантазия не знают границ, когда базируются на изучении истории родного края.

Виктор СБИТНЕВ

НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ ЖАНРА **О новой повести Анастасии Астафьевой**

Жанр своей повести «Глафира и Президент» Анастасия Астафьева определила как «притча времён ковида». Заметим для ясности, что притча пришла в русскую литературу, как жанр устного народного творчества, который наши литературоведы определили так: «короткий рассказ в иносказательной форме, заключающий в себе нравственное поучение (мораль)». Придя в нашу словесность и, так сказать, несколько освоившись, притча с течением времени, как всякий живой литературный жанр, стала активно развиваться, то есть меняться, в том числе прибавляя в объёме. В частности, вышеупомянутую вещь «коротким рассказом» назвать нельзя. Скорее всего, это средних размеров повесть с притчевой патетикой, хотя и весьма условной, поскольку если аллегоричность лежит в её основе (президент неожиданно, по непонятным причинам приезжает в «случайную» русскую деревню!), то назидательности в ней нет ни на грош! Да и в принципе по самой своей писательской природе Анастасия Астафьева чрезвычайно далека от какой-либо назидательности, более полагаясь на, так сказать, «изображение действительности в её эволюционном развитии».

Уже само название повести красноречиво говорит о том, что основное действие в ней «толкает» сам президент Российской Федерации, к которому, так или иначе, обращаются все субъекты повествования, то есть как сама Глафира, так и её односельчане и приезжие. Поскольку приезд первого лица страны носит строго секретный характер, односельчане Глафиры с ним напрямую не контактируют, при этом их участие как в формате художественного повествования, так и во всей протекающей истории русской деревни и всего мира, неоспоримо. В противном случае писать бы было попросту не о чем.

Хотя в значительной степени абсолютно всех немолодых жителей русского села олицетворяет сама постоянно общающаяся с президентом Глафира, практически на протяжении всей повести напряжённо вспоминающая о, по сути, эпохальном сельском прошлом: «Вы думаете, тут всю жизнь так было? Три дома... Не-ет! Большая деревня стояла, бога-атая! И школа, и магазин, и ферма, и конюшня...». Далее за Глафиру продолжает уже сам не утерпевший от переживаний автор: *«Вокруг деревни, докуда взгляда хватало, исчез березняк, уступив место распаханным, засеянными полям, лес отступил, сделался ниже, открыв взору синие лесные дали. Замычали коровы, пастух щёлкнул кнутом и гикнул на них, не стесняясь крепкого словца. Лошадь под ним заржала задиристо, словно вторя седоку. Запели петухи, залаяли собаки. Грузовик проехал, оставив вонькое облако отработанного бензина. Трактор затарахтел. Протопала мимо ватага мальчишек с удочками... Заширкали пилы, запел по брёвнам топорик... Из открытых окон послышались голоса, бабья перебранка, утихомиривающий бас бригадира... Жизнь была понятная, трудная, честная. Люди – работающие, отзывчивые, добрые. Будущее казалось ясным, приветливым, благодатным... И когда всё это сломалось? Как-то незаметно, как-то исподволь... Вдруг всё стало хиреть, сыпаться. Техника старая, на новую нет средств, запчастей тоже нет... Работы нет. Молодёжь побежала. Детей не стало. Школу закрыли. Колхоз распустили...»*

Всё это, тем не менее, как бы от лица Глафиры, которая завершает грустное повествование о недавнем прошлом ещё более удручающей картиной из настоящего: *«А что теперь есть, – вы и сами видите... Оглянулись вокруг – светлый тонкий березняк тянулся к пасмурному небу. Под ногами – сырая колеистая просёлочная дорога. Рядом стояли усталые, продрогшие Президент и Никитич»*. Всего несколько коротких предположений, но как точно схвачен момент! Нынче, и в самом деле, недавние тучные поля и огороды густо поросли этим самым «тонким березняком», который по сути уже успел стать знаком

неустройства и заброшенности современного сельского хозяйства и всей русской деревни в целом. Разумеется, присутствует в этом текстовом фрагменте и сильный моральный, нравственный мотив, ибо даётся он, в том числе, и от лица президента, стоящего бок о бок с Глафирой. И, надо полагать, он лучше других понимает, что упускать из поля зрения сельскохозяйственную базу страны досадно и нелепо, а рушить вековой деревенский уклад опрометчиво и даже глупо, ибо без него городские, урбанистические начала русской жизни априори обречены на всестороннюю деградацию и экономическую отсталость. Сама наша история прошлого века говорит об этом более красноречиво, чем все взыскательные современные выкладки и расчёты, поскольку первые послереволюционные и послевоенные экономические свершения были бы не осуществимы без созданных к этому времени богатейших экономических и человеческих ресурсов справившейся-таки с чудовищными испытаниями русской деревни. Не оттого ли так ценит её, Глафиру, и президент России, столь серьёзно относится к её полемическим репликам в адрес лидеров страны, включая Л.И. Брежнева и его самого (Брежнева она ценит гораздо выше!).

К слову сказать, в небольшой вещи, да ещё и притче, происходит весьма много неординарных событий, выпадающих за привычный жизненный круг как «непродвинутой» деревенской Глафиры, так и привыкшего к пёстрому мировому калейдоскопу Президента, которого сильно удивляют подчёркнуто спокойные, неторопливые воспоминания Глафиры о том, как она и её ближайшие родственники ещё вчера жили при промасленной керосинке... И это в ту великую пору, когда Гагарин, Титов и Терешкова уже слетали в Космос! Экономика дорогой для них керосин, Глафира с роднёй «сидели во тьме на печи да сказки слушали». И тем не менее, Глафира бы очень хотела вернуть хотя бы «кусочки» из этого советского прошлого – например, из брежневского периода, который накрепко запомнился немолодой уже женщине как пора материального и духовного процветания: *«При Брежневе-то мы с мужиком*

моим и дом новый поставили. Вот этот самый. И мотоцикл купили. Если уж куда возвращаться, так только туда-а!» Стараясь подтрунивать над этой позитивной верой Глафиры, сам глава государства, в сущности, не может назвать ничего сколько-нибудь позитивного, годного для подражания: «Нет. Будущая Россия – совсем другая. Мир ещё не знал такой! Это не царская, не коммунистическая Россия... Я и сам до конца не понимаю, какой она должна быть...» Иными словами, у полуграмотной русской старухи в голове есть модель для подражания и строительства новой России, а у президента России – нет! Их спор заходит в тупик, поскольку президент, кажется, не знает, как руководить Россией и не допустить новой войны: «Президент отвернулся к окну и смотрел в ночь, а, может, и в себя. В доме, во всём мире установилась какая-то неслыханная, неземная тишь. Даже воздух как будто остановился, загустел, сделался липким... Президент молчал. Плечи его ссутулились, опустились. Глафира похолодела, почувствовав, как побежали по спине мурашки, как онемение потекло по конечностям. Дыхание остановилось». Тупиковую ситуацию спасла Глафирина кошка Мурка своим жалобным мяуканьем, чрезвычайно похожим на плач ребёнка. И «мир сразу зазвучал: затикали ходики, капнула вода из ручейника в раковину, услышав мать, замыкали в коробке котят, но главное, загудел холодильник! Значит, дали свет! Глафира щёлкнула выключателем и зажмурилась от рези в глазах.

– Думаю, не допустим... – тихо и медленно ответил, наконец, Президент». Вот так... предельно просто Глафирина кошка «спасла» Россию и мир от глобальной мировой войны. И не случайно после такого «спасения» Президент встал с места и вышел из избы... «Глафира припала к оконному стеклу, но так и не смогла разглядеть, куда он отправился один по такой тьме и холодине». Президент всё прекрасно понял, и мы поняли, что последняя глава повести, в принципе, утверждает, что руководство России ещё не способно ответить на главные русские вопросы, поставленные ещё передовой интеллигенцией России

второй половины XIX века: «Что делать?» и «Кто виноват?». И если даже, забыв об астафьевской повести (Напомню, к слову, что Анастасия Астафьева – дочь великого русского писателя Виктора Астафьева!), мы станем этот «проклятый вопрос» задавать снова и снова, то навряд ли сможем внятно на него ответить.

Увы, в российском эфире по-прежнему остаётся одно лишь Муркино мяуканье. Но самое печальное даже не это! К сожалению, актуальнейшие для страны вопросы задают не члены президентской команды и даже не признанные политические лидеры из оппозиции. Пока что ими болеют лишь такие, как Глафира, которых родная власть не хочет слышать уже более века, начиная с времён тотальной холеры, тифа и блокадного измора. Отсюда и ключ к пониманию нового, пока что мало привычного для нас литературного жанра – «притча времён ковида».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анастасия АСТАФЬЕВА

НА УЗЕНЬКОЙ ТРОПОЧКЕ.....	3
КИРЮША.....	15
СЫН.....	25

ПОЭЗИЯ

Лариса СБИТНЕВА

СТИХИ О ЛЮБВИ.....	37
--------------------	----

ПРОЗА

Александр МОРОЗОВ

КВОК. Повесть.....	42
--------------------	----

ПОЭЗИЯ

Нина ВЕСЕЛОВА

БАБЬЕ ЛЕТО. История виртуальной любви с прологом и эпилогом. Поминальный цикл	116
--	-----

ПРОЗА

Виктор АКАТОВ

НОВОГОДНИЕ ФАНФИКИ.....	154
-------------------------	-----

ПОЭЗИЯ

<i>Владимир ЗАЙЦЕВ</i>	166
------------------------------	-----

ПРОЗА

Елена САЛМОВА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО.....	189
--------------------------	-----

Нина ВЕСЕЛОВА

ЦАРИ УМИРАЮТ. Глава из романа «Годовые кольца»	193
--	-----

ДРАМАТУРГИЯ

Виктор ЕЛМАНОВ

ТИР. Драматическая история в 2-х частях220

ПРОЗА

Виктор СБИТНЕВ

УТРО ОСЕНИ288

СМЫКА289

ПОЭЗИЯ

Мария ЧАПЫГИНА 292

ПРОЗА

Владимир ЗАЙЦЕВ

МНОГОЭТАЖКА297

ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ, КРИТИКА

Павел РОМАНЕЦ

ЛОШАДИНЫЕ ФАМИЛИИ. Очерк309

Андрей ЛОСЕВ

ЕСТЬ У НАС МЫЛА ПАХУЧИЕ314

Виктор СБИТНЕВ

НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ ЖАНРА.

О новой повести Анастасии Астафьевой.....322

Для заметок

Литературно-художественное издание

ТЫ СЛЫШИШЬ ЛИ МЕНЯ?
Литературно-художественный альманах
Выпуск 9

18+

Редактор *В. С. Елманов*
Компьютерная вёрстка *А. Н. Коврижных*
Дизайн обложки *Н. М. Каравановой*
Корректор *Н. П. Веселова*

Подписано в печать 11.10.2025.

Уч.-изд. л. 11,2. Усл. печ. л. 20,5.

Формат 60х90/16.

Тираж 500 экз.

Заказ № 26.

Костромской государственный университет
156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17/11